

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

№ 2 / 2018

Журнал издаётся совместно с Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

НАУЧНО-ПРАВОВОЕ ИЗДАНИЕ. Федеральная служба по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Рег. ПИ № ФС77-30776 от 25 декабря 2007 г. Издаётся с 1998 г., выходит ежемесячно.

Главный редактор:

Исаев И.А., д.ю.н., профессор

Редакционный совет:

Аронов Д.В., д.и.н., профессор;

Бабич И.Л., д.и.н.;

Жильцов Н.А., к.ю.н., к.пед.н., профессор,

Почетный работник юстиции России;

Мельников С.А., д.ю.н.;

Мигущенко О.Н., д.ю.н., профессор;

Нигматуллин Р.В., д.ю.н., профессор;

Покровский И.Ф., д.ю.н., профессор;

Расказов Л.П., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Ромашов Р.А., д.ю.н., профессор;

Сафонов В.Е., д.ю.н., профессор;

Туманова А.С., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Хабибулин А.Г., д.ю.н., профессор;

Чердаков О.И., к.и.н., д.ю.н., профессор

Редакционная коллегия:

Бодунова О.Г., к.ю.н., доцент;

Зенин С.С., к.ю.н.;

Клименко А.И., д.ю.н., доцент;

Недобежкин С.В., к.ю.н., доцент;

Сигалов К.Е., д.ю.н., к.ф.н., доцент

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор

Заместители главного редактора

Издательской группы «Юрист»:

Бабкин А.И.,

Белых В.С.,

Ренов Э.Н.,

Платонова О.Ф.,

Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование

и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Телефон редакции: (495) 953-91-08

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Правопорядок и правовая репрессия: исторический обзор

Исаев И.А. Насилие и (бес-)порядок 3

Егоров А.А. Учение о санкциях юридических норм в теоретико-правовых воззрениях Н.М. Коркунова 7

Табаков А.А. Теория социально-правового государства как модель социальной справедливости: взгляды русских либералов конца XIX — начала XX в. 12

Сатанова Л.М. Виды наказаний по законодательным актам периода правления царя Петра Великого 18

Арсеньева Г.В., Шафигулина С.Р.
К вопросу о налогообложении «инородческого» населения в Российской империи (по законодательным актам середины XVIII — второй половины XIX в.) 22

Метаморфозы суда: опыт истории

Удодова М.А. Влияние судебной практики на развитие законодательства с начала оформления российской государственности и до середины XVII в. 27

Калякина А.В. Проблемы периодизации развития судебной системы Бессарабии в составе Российской империи в XIX в. 32

Алексеева Т.В. Институты альтернативного (внесудебного) разрешения споров в советской России периода 50–80-х гг. XX в. 36

Беляев М.В. Генезис российского законодательства о судебных решениях в уголовном судопроизводстве 40

Алексеев И.А., Константиныди М.Ф.
Значение конституционного и судебного контроля в правовом механизме Российского государства 45

Личные права в исторической ретроспективе

Ульбашев А.Х. Краткий очерк развития института личных прав в странах Западной Европы 52

Ефремова О.В. К вопросу о стратификационно-фискальной оптимизации в правовом регулировании сословий Российской империи 58

Скоробогатов А.В., Скоробогатова А.И.
Вторичная правовая социализация как средство освоения правовых ценностей 65

Колошинская Н.В. Государство и социальные маргиналы в СССР: проблемы инкорпорации цыган в социалистическое общество во второй половине 50-х — начале 70-х гг. XX в. 70

Сопова А.П. Дискуссия о порядке учреждения периодических изданий в ходе разработки проекта Устава о печати в 1905 г. 76

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва,

Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Центр редакционной подписки:

(495) 617-18-88 (многоканальный).

Формат 170x252 мм. Печать офсетная.

Бумага офсетная № 1. ISSN 1812-3805.

Физ. печ. л. 7,0. Усл. печ. л. 7,0.

Номер подписан в печать 15.01.2018.

Номер вышел в свет 15.02.2018.

Тираж 3000 экз. Цена свободная.

Подписные индексы:

Роспечать — 47643;

Каталог российской прессы — 10866;

Объединенный каталог — 85492 (на полуг.).

Также можно подписаться на www.gazety.ru

Отпечатано в типографии

«Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Журнал включен в базу данных

Российского индекса научного цитирования

(РИНЦ).

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Учредитель:
Издательская группа «Юрист».

HISTORY OF STATE AND LAW

№ 2 / 2018

Published in association with O.E. Kutafin Moscow State Law University

RESEARCH AND LAW JOURNAL. The Federal Service for Supervision in the Sphere of Mass Communication, Communications and Protection of Cultural Heritage.
Reg. Pl № ФС77-30776 from December 25, 2007. Issued since 1998. Published monthly.

Editor in Chief:

Isaev I.A., doctor of juridical sciences, professor

Editorial Board:

Aronov D.V., doctor of historical sciences, professor;
Babich I.L., doctor of historical sciences;
Zhil'tsov N.A., candidate of juridical sciences,
candidate of pedagogical sciences, professor,
Honorary Worker of Justice;
Mel'nikov S.A., doctor of juridical sciences;
Migushhenko O.N., doctor of juridical sciences, professor;
Nigmatullin R.V., doctor of juridical sciences, professor;
Pokrovskij I.F., doctor of juridical sciences, professor;
Rasskazov L.P., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Romashov R.A., doctor of juridical sciences, professor;
Safonov V.E., doctor of juridical sciences, professor;
Tumanova A.S., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Khabibulin A.G., doctor of juridical sciences, professor;
Cherdakov O.I., candidate of historical sciences,
doctor of juridical sciences, professor

Editorial Staff:

Bodunova O.G., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Zenin S.S., candidate of juridical sciences;
Klimenko A.I., doctor of juridical sciences,
assistant professor;
Nedobezhkin S.V., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Sigalov K.E., doctor of juridical sciences,
candidate of sciences in philosophy, assistant professor

Editor in Chief of Publishing Group "Jurist":

Grib V.V., doctor of juridical sciences, professor

Deputy Editors in Chief of Publishing Group "Jurist":

Babkin A.I.,
Belykh V.S.,
Renov E.N.,
Platonova O.F.,
Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., candidate of jurisprudence
Tel.: (495) 953-91-08

Authors shall not pay for publication of their articles.

Public order and legal repression: a historical review

<i>Isaev I.A.</i> Violence and (Dis-)order.....	3
<i>Egorov A.A.</i> The Law Sanction Doctrine in the N.M. Korkunov's Theoretical and Historical Views.....	7
<i>Tabakov A.L.</i> The Theory of a Social and Law-Governed State as a Model of Social Justice: the View of the Russian Liberals of the Late XIX to the Early XX Century.....	12
<i>Satanova L.M.</i> Types of Punishments under the Legislative Acts during the Reign of Tsar Peter the Great.....	18
<i>Arsenyeva G.V., Shafigulina S.R.</i> On Taxation of the Non-Slavic Population in the Russian Empire (Based on the Legislative Acts of the Middle XVIII to the Second Half of the XIX Century).....	22

Judicial metamorphoses: historical experience

<i>Udodova M.A.</i> The Influence of Judicial Practice on the Legislation Development from the Beginning of Formation of the Russian Statehood to the Middle of the XVII Century.....	27
<i>Kalyakina A.V.</i> The Issues of Periodization of the Development of the Judicial System of Bessarabia as a Constituent Entity of the Russian Empire in the XIX Century.....	32
<i>Alekseeva T.V.</i> The Institutions of Alternative (Extrajudicial) Dispute Resolution in the Soviet Russia in the 1950s to 1980s	36
<i>Belyaev M.V.</i> Genesis of the Russian Laws on Court Rulings in Criminal Proceedings	40
<i>Alekseev I.A., Konstantinidi M.F.</i> The Importance of Constitutional and Judicial Control in the Legal Mechanism of the Russian State	45

Personal rights in the retrospect of history

<i>Ulbashev A.Kh.</i> A Brief Overview of the Development of the Personal Rights Institution in the Western European Countries.....	52
<i>Efremova O.V.</i> On the Stratification and Fiscal Optimization in the Legal Regulation of Social Classes in the Russian Empire	58
<i>Skorobogatov A.V., Skorobogatova A.I.</i> Secondary Legal Socialization as a Means of Adoption of Legal Values	65
<i>Koloshinskaya N.V.</i> The State and Social Outcasts in the USSR: the Issues of Incorporation of Gypsies in the Socialist Society in the Second Half of the 50s to the Early 70s	70
<i>Sopova A.P.</i> Discussion on the Procedure for Establishment of Periodicals in the Course of the Development of the Press Law Bill in 1905	76

Address publishers / editors:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb.,
Moscow, 115035.
E-mail: avtor@lawinfo.ru
Editorial Subscription Centre: (495) 617-18-88
(multichannel).
Size 170x252 mm. Offset printing.
Offset paper № 1. ISSN 1812-3805.
Printer's sheet 7.0.
Conventional printed sheet 7.0.
Passed for printing 15.01.2018.
Issue was published 15.02.2018.

Circulation 3000 copies. Free market price.

Subscription:

Rospechat' — 47643;
Catalogue of the Russian press — 10866;
United Catalogue — 85492 (for 6 months)
and on www.gazety.ru
Printed by "National Polygraphic Group".
Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.
Tel.: (4842) 70-03-37.

Journal is included in the database
of the Russian Science Citation Index.

Complete or partial reproduction of materials without
prior written permission of authors or the Editorial
Office shall be prosecuted in accordance with law.

Recommended by the Higher Attestation Commission
of the Ministry of Education and Science of the Russian
Federation for publication of basic results
of candidate and doctor theses.

Founder:
Publishing Group "Jurist".

DOI:10.18572/1812-3805-2018-2-3-7

Насилие и (бес-)порядок

*Исаев Игорь Андреевич,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
заведующий кафедрой истории государства и права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, профессор
kafedra-igp@yandex.ru*

В статье дается анализ глубинной связи, существующей между такими явлениями и категориями, как месть, жертвоприношение и казнь. Сакральный характер присущ всем этим факторам, которые в конечном счете порождают порядок. Взаимопроникновение моральных и правовых факторов здесь особенно очевидно. Юридические символы «чистоты», «загрязненности» и т.п. наиболее рельефно выражают семантическое и нормативное соотношение этих категорий. В процессе исторической эволюции жертвоприношение превращается в казнь, а казнь — в убийство. Понятие нормированного или правоустанавливающего насилия вносит существенную корректировку в проблему, которая, несмотря на революционные трансформации, сохраняет свою актуальность.

Ключевые слова: *правопорядок, нормативность, насилие, наказание, репрессия, легитимность, законность, правоприменение, санкция, месть, правосудие, справедливость, ритуал, процесс, гласность, легальность.*

Violence and (Dis-)order

*Isaev Igor A.
Honored Scientist of the Russian Federation
Head of the Department of History of State and Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Doctor of Law
Professor*

The article analyses the inner link existing between such phenomena and categories as revenge, sacrifice and execution. All these factors are of a sacred nature and eventually form the public order. Interpenetration of the moral and legal factors is especially evident here. The legal symbols of 'purity', 'dirtiness' and the like are most prominently showing the semantic and statutory correlation between these categories. In the process of the historical evolution, sacrifice turns into execution, and execution into murder. The notion of statutory or entitling violence is significantly changing the problem, which remains relevant irrespective of any revolutionary transformations.

Keywords: *public order, standardization, violence, punishment, repression, legitimacy, validity, law enforcement, sanction, revenge, justice, fairness, ritual, process, publicity, legality.*

Уже в греческой трагедии причина надвигающегося и несущего насилие хаоса заключается не в различии и дифференциации, а, напротив, в их отсутствии. Метафора потопа, разжижающего вещи и превращающего твердую Вселенную в некую кашу, и у Шекспира, и в Книге Бытия обозначает одно и то же — насилие, не знающее различий или «жертвенный кризис» (Р. Жирар). «Если, как в греческой трагедии, равновесие — это насилие, то... относительное ненасилие, обеспеченное человеческим правосудием, тогда описывается как неравновесие, как различие между добром и злом, вырастающее параллельно жертвенному различию между “чистым” и “нечистым”. Поэтому идея правосудия как равновесия, как никогда не нарушаемого бес-

пристрастия, несостоятельна. Ведь правосудие укоренено уже в самой иерархии различий и рушится вместе с ними: везде, где возникает такое “нескончаемое и страшное равновесие трагического конфликта”, язык справедливости и несправедливости просто отсутствует»¹.

Рене Жирар уверен, что, как бы жестока ни была месть, все же она может быть отмерена и институализирована. Иначе она превращается в акт беспредела, ведущего к бесконечному насилию. Уже у Эсхила месть возникала по воле богов, и в этой перспективе эринии превращались в исполнительниц правосудия Зевса; месть и справедливость используют-

¹ Жирар Р. Насилие и священное. М., 2004. С. 67–68.

ся здесь как синонимы: тогда *dike* применима и к наказанию, и к мести, и к правосудию в целом. При этом идея воздаяния вовсе не исчезает: «за счет силы своих предписаний право оказалось в состоянии навязать и свои фикции — тот искусственный мир, что создается правом, способен сопротивляться тяготам реального мира и даже торжествовать победу над ним»².

Ничего удивительного нет в том, что «новое политическое пространство» в эпоху Ренессанса в начале своего существования выглядело явлением того же порядка и стиля, что и художественное пространство ренессансного механического театра или изобретенной тогда же в живописи перспективы: форма политического становится формой игры, а не системой представления, стратегией, а не идеологией, вполне удовлетворившей собственной виртуозностью, а не истиной, политика еще долго оставалась игрой, еще не отдав себя в полную власть разума.

Политическая власть, как полагает Рене Жирар, имеет ритуальное происхождение, впервые появившись в форме «священной монархии», которая в свою очередь рождалась из акта жертвоприношения. «Умная и властная» жертва имела религиозный авторитет, что давало ей возможность приобрести политическую власть, точнее, создать такую власть. «Почитание, которое внушал ее статус будущей жертвы, мало-помалу трансформировался в политическую власть»³.

Но начиная с XVIII века, с революции, направленность самого политического изменилась. Оно берет на себя функцию выражения социального, «политическое теперь — это представление, а над игрой властвуют механизмы репрезентации»: социальное овладело политическим, но у самого социального больше нет имени — вперед выступает анонимность⁴. Когда государство становится Левиафаном, оно как бы исчезает из мира репрезентативного: в отличие от простого представительства репрезентировать можно только авторитетное лицо или идею, которые к тому же и персонализируются (К. Шмитт). Демократические же аргументы логически основываются на ряде тождеств — правящих и управляемых, господина и подданного, народа и его репрезентации, государства и закона, численного большинства и правильности

закона, однако между реальностью и результатом отождествления всегда остается некий ощутимый разрыв⁵.

Тождество объединяет в акте уничтожения казнь и жертвоприношение, в нем они почти неразличимы. Здесь эквивалентность наказания утрачивает свое значение, в обоих случаях преобладает природное начало, физическое, чувственное (ярость, гнев, месть) вытесняет духовное и этическое (представление вины). Природа побеждает дух.

Гуго Гроций в XVII в. категорически различал законы природы и производные законы «естественного» права, происходящие из природы. Но только природе принадлежит животная и разрушительная часть человеческой натуры и месть, как «естественный и общий для человека и животного принцип, откуда рождается гнев». Кровная месть становится разгулом того насилия, которое передается от поколения к поколению до тех пор, пока она полностью не захватит все обитаемое пространство. Само общество закрепляло систему возмездия, формализуя и нормируя его и тем самым отнимая у него основную живую мотивацию — желание мести.

С XVIII века эквивалентный принцип наказания уступает место ответной механической реакции социума или суверена на действия преступника. «Когда какое-то общество переходит от традиционных мифов к мифам закона, оно претерпевает также переход к более концентрированным формам политической власти»⁶.

Жизненное и непосредственное, «физическое», составляют природу, тогда как представления — только дух. Но природное уже по определению стихийно, тогда как дух — рационален. (Людвиг Клагес даже увидел в нем злейшего врага не только жизни, но даже и души, которая также есть только часть природы.) Подобно тому, насколько опасным являлось слияние жизни и духа, слияние духовной и светской властей казалось чреватым все возрастающим насилием. Однако насилие приходило, как кажется, не только из области духовного.

Парадоксальным образом ритуалы, предназначенные восстановить порядок, начинают с усиления беспорядка, с эффективного погружения всего сообщества в хаос.

² Ост Ф. Право в зеркале литературы // Право и литература. М., 2014. С. 236.

³ Жирар Р. Я вижу Сатану, падающего, как молния. М., 2015. С. 101.

⁴ Бодрийяр Ж. Фантом современности // Призрак толпы. М., 2007. С. 195–196.

⁵ Шмитт К. Духовно-историческое положение парламентаризма // Политическая теология. М., 2000. С. 172–173.

⁶ Рулан Н. Юридическая антропология. М., 2000. С. 190.

Мирча Элиаде говорил об акте «созидательного убийства». Фигура Каина обозначает учредительный мир и первое сообщество, собранное первым убийцей-учредителем. «В истории Каина нужно остерегаться вычитать “смешение” между жертвоприношением и смертной казнью, как если бы две эти институции существовали прежде их изобретения. Закон, который выходит из успокоения, вызванного убийством Авеля, есть общая матрица всех институций. Он есть плод убийства Авеля, убийства, воспринятого в своей учреждающей роли. Коллективное убийство становится учредительным посредством его ритуальных повторений»⁷.

Учредительное («социальное») насилие было тем, что более всего старались сохранить. Об этом в прикровенной форме сообщают все мифы о первоначале, говорящие об убийстве мифического существа другими мифическими существами. Это убийство рассматривается как учреждение культурного порядка: от мертвого божества происходят не только обряды, но и правила и запреты. (Ведь и само право существует именно потому, что в мире присутствуют силы и вещи, которые не должны существовать, — отсюда негативный язык закона.)

Казнь в смысле санкции и наказания всегда остается юридической категорией. Жертвоприношение — категория, относящаяся к сфере религиозно-сакрального, и объединяющим их элементом оказывается именно насилие, поэтому именно сущность насилия и его специфика и позволяют выявить как сходство, так и различие обеих категорий.

Прежде всего бросается в глаза нормированность насилия, проявленная в обоих случаях, его склонность к упорядочиванию, восстановлению порядка: нормирование здесь выражено именно в воспроизводстве «нормального» состояния, причем в обоих случаях осуществляемого чрезвычайными мерами. Государственное возмездие теперь уже не является какой-то анархической агрессивностью, но представляет собой специфический и двусторонний «обмен, вытекающий из возврата оскорбления и перемены ролей оскорбителя и оскорбленного» (Р. Вердье). Однако уголовная процедура все еще напоминает одновременно и жертвоприношение, и отщипление.

Только государство, как «осмысленный правопорядок», способно придать возмездию в виде наказания рационализированное объяснение. Отказываясь признавать за казнью разновидность мести, законодатель поневоле

приписывает ей роль жертвоприношения — «жертвуют малым, чтобы спасти целое», «вынуждено идти на жертвы, чтобы прекратить хаос», восстановить порядок и т.п. Таким путем политическое создает свой «правовой миф», оправдывая им насилие, которое оно привносит. Это может быть миф «божественного права», «права героев» или «права народов», как полагал еще Джамбаттиста Вико. В любом случае в этом мифе уже заключено то само учредительное насилие, задачей которого является не что иное, как предупреждение насилия, стихийного и чрезмерного. Происходит «очищение» грязного и смутного насилия, его формализация, на основе специально и рационально сформированного актуального принципа справедливости. Учредительное насилие здесь — только плата, как предполагается наименьшая, за предотвращение угрозы беспределного насилия. На символического предшественника этого последнего и вешаются все грехи — он и злодей, и жертва одновременно.

«Земные царства зависят от ложных богов» — порождения сатаны, т.е. от учредительного убийства. «Система господства, за которой стоит Сатана, представляет собой феномен одновременно материальный, позитивный и духовный, религиозный в особом смысле этого слова, временами эффективный, но иллюзорный». Ложная религия защищает людей от насилия и хаоса, прибегая к посредству ритуалов жертвоприношения. Эта система основывается на иллюзии, но ее действие в мире реально в той мере, в «какой ложная трансцендентность может заставлять себя слушать».

Ритуалы не сливаются с ложной трансцендентностью и не стремятся к «мистическому соединению с сатаной», напротив, они пытаются держать эту сомнительную фигуру подальше от сообщества. В мире, далеком от Царства Божьего, такие власти необходимы для поддержания порядка, на что указывал апостол⁸.

Поль Рикер утверждает, что «скверна — доэтическое верование» и имеет символическое значение: «из божьего гнева и ужаса, из этой смертоносной силы воздаяния сакральное получает свою отдельность: его нельзя касаться, ибо, если его коснуться, т.е. нарушить его отдельность, оно превращается в разнуданную силу смерти»⁹. (Владимир Янкевич выделяет, наряду с позициями принятия и отрицания «нечистоты», состояние «ярости», намеренного усиления и универсали-

⁸ Там же. С. 108.

⁹ Цит. по: Зенкин С. Небожественное сакральное. М., 2012. С. 129–130.

⁷ Жирар Р. Я вижу Сатану... С. 102–103.

зации смешений, стихийно-дионисического высвобождения связанных энергий без сознательного намерения приложить их к какой-либо определенной точке: «ярость» отличается от «силы» своей ненаправленностью и хаотическим буйством. Это — неучтенная растрата силы и слепое расточение, разрушительное бесчинство. Эту оценку автор явно заимствует из политической философии Ж. де Местра.)

Деструктивная энергия насилия — полная противоположность насилию учредительному. Ее политическим фоном является деспотия или тирания, ее эмоциональным выражением становится «ярость». Здесь насилие теряет всякие ориентиры и нормы и «идет вразнос», принимая видимость террора или анархии.

Когда «ярость» проявляет себя не как некое сокровенное (божественный гнев), а как внешнее отношение между людьми, тогда она и приобретает значение насилия. Если насилие искусственно направляется вовне сообщества, оно становится войной. Внутри же сообщества насилие оформляется как религиозно-жертвенная практика, тогда «ярость» реализуется в грозных и яростных силах божественного мира», однако «военно-имперский строй общества противится ему и, выводя насилие вовне, подчиняет его некоторой реальной и конкретной цели. и все же насилие и в этом случае остается самодовлеющей силой тотального разрушения, отрицанием, которое пребывает в мире»¹⁰.

Без «ярости» не бывает разрыва в порядке отдельных вещей и сокровенности, хранящей в себе древнюю ярость. Вальтер Беньямин возводит амбивалентность «ярости» — насилие к консервативному и основополагающему, т.е. мифологическому насилию: «божественное насилие исходит из неопределенно-двусмысленной сферы судьбы и не является разрушительным». (Идея, сформулированная еще Жоржем Сорелем в «Размышлениях о насилии».) «Мифическое же насилие в своих архетипических формах есть чистое проявление богов», проявление самого их существования. Божественное насилие противостоит мифическому: первое из них — чистое насилие, осуществляемое «в пользу живущего против всякой жизни»: второе — кровавое насилие, осуществляемое в свою собственную пользу против простой жизни. «Мифическое насилие требует жертв, божественное их принимает»¹¹. Ярость соеди-

няет человека с внешним миром, возвращая его в имманентную нераздельность животного существования, одновременно оставаясь его мистическим опытом. «Через осознание невозможного наше сознание раскрывается тому, о чем ему невозможно размышлять. В этой точке схождения, где бушует ярость насилия, на грани того, что не поддается никакой связной организации, связно мыслящий обнаруживает, что для него места нет»¹².

* * *

Вальтер Беньямин полагал, что главным героем кафкианского «Процесса» является именно забвение, чье главное свойство состоит в том, что оно само себя забывает¹³. Оно обретает почти телесные черты, становясь в фигуре обвиняемого воплощением самого себя. Забвение подобно неведению, в нем актуальность исчезает в аморфности безвременья: «король умер, да здравствует король!» Новое возникает не из прошлого, а из ниоткуда. Неведомая вина в «Процессе» есть забвение как таковое (де Местр не случайно намекал на то, что даже неправосудный приговор может иметь под собой забытую судом и подсудимым некую вину). Прабытие держит перед автором зеркало в образе вины — грядущее в нем видится в образе суда: не превращает ли этот суд судью в обвиняемого, а само разбирательство в наказание?

У Франца Кафки разрушение символического устройства мира еще не вызывает в нем полной аномии и анархии. Оно ведет только к предчувствию еще более сурового и странного закона, в котором раскрывается «древний закон необходимости», ощущаемый в форме бедствия, ударяющего тех, кто нарушает закон, даже не зная о нем. «Кафка возрождает древний мир нечистот и позора, который несет заразу, подобно злобной природной силе. Этот мир не зависит от добрых или злых намерений субъекта — это мир «имманентного правосудия», постановления которого столь же необъяснимы, как и безжалостны». Юридический процесс здесь как бы уступает место квазиприродному процессу, объектом которого становится тело и который описывается как метаморфозы человека в животное¹⁴. Демоничный в своей невинности герой, угнетаемый угрызениями совести и чувством вины, превращается из невинного в виновного. Жертвоприношение превращается в казнь, а казнь в убийство.

¹⁰ Батай Ж. Проклятая часть. Сакральная социология. М., 2006. С. 76–85.

¹¹ См.: Зенкин С. Указ. соч. С. 138–139.

¹² Батай Ж. Проклятая часть. С. 52.

¹³ Беньямин В. Франц Кафка. М., 2000. С. 71, 81.

¹⁴ Ост Ф. Указ. соч. С. 242.

Литература

1. Батай Ж. Проклятая часть. Сакральная социология / Ж. Батай. М. : Ладомир, 2006. 742 с.
2. Беньямин В. Франц Кафка / В. Беньямин. М. : Ад Маргинем, 2000. 320 с.
3. Жирар Р. Насилие и священное / Р. Жирар. М. : Новое литературное обозрение, 2004. 400 с.
4. Жирар Р. Я вижу Сатану, падающего, как молния / Р. Жирар. М. : ББИ, 2015. 202 с.
5. Зенкин С. Небожественное сакральное / С. Зенкин. М. : РГГУ, 2012. 544 с.
6. Ост Ф. Право в зеркале литературы / Ф. Ост // Право и литература : материалы Восьмых философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца / отв. ред. В.Г. Графский. М. : НОРМА, 2014. 256 с.
7. Рулан Н. Юридическая антропология : учебник для вузов / Н. Рулан / пер. с фр. ; отв. ред. В.С. Нерсесянц. М. : НОРМА, 2000. 310 с.
8. Шмитт К. Духовно-историческое положение парламентаризма / К. Шмитт // Политическая теология: сб. / пер. с нем., заключ. ст. и сост. А. Филиппова. М. : КАНОН-пресс-Ц, 2000. 336 с.
9. Ясперс К., Бодрийяр Ж. Призрак толпы / К. Ясперс, Ж. Бодрийяр. М. : Алгоритм, 2007. 272 с.

References

1. Bataille G. Proklyataya chast. Sakralnaya sotsiologiya [The Cursed Part. Sacred Sociology] / G. Bataille. Moskva : Lodomir — Moscow : Lodomir, 2006. 742 s.
2. Benjamin W. Frants Kafka [Franz Kafka] / W. Benjamin. Moskva : Ad Marginem — Moscow : Ad Marginem, 2000. 320 s.
3. Girard R. Nasilie i svyashchennoe [Violence and the Sacred] / R. Girard. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie — Moscow : New Literary Overview, 2004. 400 s.
4. Girard R. Ya vizhu Satanu, padayuschego, kak molniya [I See Satan Fall Like Lightning] / R. Girard. Moskva : BBI — Moscow : St. Andrew's Biblical Theological Institute, 2015. 202 s.
5. Zenkin S. Nebozhestvennoe sakralnoe [The Undivine Sacred] / S. Zenkin. Moskva : RGGU — Moscow : the Russian State University for the Humanities, 2012. 544 s.
6. Ost F. Pravo v zerkale literatury [Law in the Mirror of Literature] / F. Ost // Pravo i literatura : materialy' Vosmy'kh filosofsko-pravovy'kh chteniy pam'yati akademika V.S. Nersesyantsa / отв. red. V.G. Grafskiy. Moskva : NORMA — Law and Literature : materials of the Eighth Philosophical and Legal Readings in Memory of Academician V.S. Nersesyants / publishing editor V.G. Grafsky. Moscow : NORM, 2014. 256 s.
7. Rouland N. Yuridicheskaya antropologiya : uchebnik dlya vuzov [Legal Anthropology : textbook for higher educational institutions] / N. Rouland / per. s fr. ; отв. red. V.S. Nersesyants. Moskva : NORMA — translated from French ; publishing editor V.S. Nersesyants. Moscow : NORM, 2000. 310 s.
8. Schmitt C. Dukhovno-istoricheskoe polozhenie parlamentarizma [The Spiritual and Historical State of Parliamentarism] / C. Schmitt // Politicheskaya teologiya : sb. / per. s nem., zaklyuch. st. i sost. A. Filippova. Moskva : KANON-pess-Ts — Political Theology : collection of works / translated from German, final article and compiled by A. Filippova. Moscow : KANON-pess-Ts, 2000. 336 s.
9. Jaspers K., Baudrillard J. Prizrak tolpy' [The Phantom of the Crowd] / K. Jaspers, J. Baudrillard. Moskva : Algoritm — Moscow : Algorithm, 2007. 272 s.

DOI:10.18572/1812-3805-2018-2-7-12

Учение о санкциях юридических норм в теоретико-правовых воззрениях Н.М. Коркунова

*Егоров Александр Александрович,
аспирант кафедры теории государства и права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Egorov.a90@mail.ru*

Статья посвящена исследованию теоретико-правовых воззрений Николая Михайловича Коркунова на санкции юридических норм. Анализируется природа права как разграничителя индивидуализма и общественного интереса, создаваемого не законами природы, а волей и сознанием людей, а также приводится его авторское определение. В контексте учения о санкциях юридических норм исследуется признание правонарушающих действий недействительными, а также виды этой недействительности. Рассматриваются нормы, не имеющие санкций, сфера их распространения и актуальность на современном этапе. В заключение формулируются обобщающие выводы.

Ключевые слова: индивидуализм, общественный интерес, право, разграничение интересов, санкции юридических норм, недействительность, ничтожность, опорочиваемость.

The Law Sanction Doctrine in the N.M. Korkunov's Theoretical and Historical Views

Egorov Aleksandr A.

Postgraduate Student of the Department of Theory of State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

The article is devoted to the analysis of Nikolai Korkunov theoretical and legal views on the legal norms' sanctions. There is the analysis of the law nature as a delimiter of individualism and public interest created not by the natural laws, but by the will and people consciousness and analysis of the author's definition in the article as well. In the context of the doctrine of the legal norms sanctions the recognition of the offending actions as invalid is investigated as the types of this invalidity as well. There is the analysis of the norms not having sanctions, their dissemination scope and their present stage relevance. There are generalizing conclusions formulated in the conclusion.

Keywords: individualism, public interest, law, delimitation of interests, legal norms sanctions, invalidity, nullity, discrepancy.

Нормы права представляют собой государственно-властные веления, облеченные в форму законов и подзаконных актов и обращенные к неопределенному кругу лиц. Это обстоятельство способствует тому, что они занимают особое место в системе социальных регуляторов. Несмотря на их особую значимость и обеспеченность исполнения возможностью применения мер государственного принуждения, эти правила поведения могут не соблюдаться. Осознавая возможность подобного развития событий, законодатель снабжает их специальным элементом — санкциями, которые предусматривают неблагоприятные последствия для правонарушителя.

Сегодня санкции юридических норм активно исследуются представителями юридической науки. Формулируются общетеоретические конструкции, выносятся предложения по совершенствованию отраслевых видов и выделяются ранее неизвестные. Эта, бесспорно, необходимая работа должна опираться прежде всего на теоретико-правовой уровень, так как именно доктринальные идеи ученых выступают необходимым фундаментом общеправовых и соответственно отраслевых исследований в этой области. В этом контексте целесообразно будет обратиться к воззрениям выдающегося русского юриста второй половины XIX века Николая Михайловича Коркунова (1853–1904). Именно этот исследователь заложил основы понимания санкций юридических норм, которыми мы пользуемся до сих пор.

Для того чтобы понять природу этого элемента нормы права, необходимо хотя бы в общем виде отметить его взгляды на право. Николай Михайлович не обращается к теологическим трактовкам и выводит природу этого феномена в контексте общественных отношений. По его мнению, жизнь социума состоит во взаимном сосуществовании

индивидуализма и общественного интереса. Рассматривая процесс развития культуры как постоянное и неуклонное возрастание общественной сплоченности, исследователь, тем не менее, писал: «Но в сложном составе современной культуры имеется один элемент, не гармонирующий с этим общим направлением и образующий как бы встречное течение; не подчиняющий личность требованиям общественной среды, а обособляющий и оберегающий все индивидуальное, все особенное»¹. Таковым, по его мнению, выступает право, которое создает для индивида сферу свободы, где он сам себе хозяин.

Основываясь на примерах истории, Николай Михайлович полагает, что право изначально служит индивидуализму, который со временем все более теснится своими врагами, т.е. сторонниками господства общего над частным. Исследователь совершенно справедливо не абсолютизирует ни одно из этих начал в природе права. Абсолютное отрицание всего индивидуального сделало бы общественную жизнь попросту невозможной. В то же время развитие общественной культуры настоятельно требует все большего и большего сплочения индивидов. Из вечного противопоставления этих интересов ученый выводит природу права: «Право необходимо предполагает противоположение нескольких самостоятельных интересов, друг другу противопоставляемых и друг друга ограничивающих. Назначение права и заключается именно в разграничении сталкивающихся между собой интересов»². Такая трактовка актуальна во все времена.

Признавая, что право в отличие от законов природы создается волей и сознанием

¹ Коркунов Н.М. Общественное значение права. Лекции в Императорском Александровском Лицее. СПб., 1892. С. 4–5.

² Там же. С. 17–18.

ем людей, В.Н. Иванова справедливо отмечает: «Будучи по своему источнику и природе явлением психологического порядка, право, по мнению Н.М. Коркунова, объективируется в нормах и в качестве такового выступает уже объективным фактором общественной жизни»³. Интересно отметить здесь точку зрения самого Николая Михайловича, который полагал, что правоведение и общее учение о праве представляя собой абстрактные науки. Исследователь обосновывал это тем, что их задачи заключаются в построении моделей житейских отношений и понятий моделей⁴. Дальнейший анализ учения о санкциях юридических норм отчетливо подтвердит, что этот постулат не стоит абсолютизировать. Ученый в своих изысканиях отчетливо показывает различие понятий «право в статике» и «право в динамике». Наконец, необходимо отметить саму дефиницию права, предложенную исследователем.

Отвечая на рецензию своей книги «Лекции по общей теории права», Николай Михайлович писал: «Право есть правило, норма человеческой деятельности, осуществляемое через посредство сознательной воли человека и потому допускающее нарушения»⁵. Сам исследователь признавал это определение чересчур широким, так как под него подходят также правила нравственности и целесообразности. Вместе с тем он очень четко определил природу юридических норм и осознал недопустимость их несоблюдения, т.е. подробно проанализировал санкции.

Определяя природу юридических норм, ученый писал: «Юридические нормы как веления, обращенные к сознательной воле человека, могут быть им и не соблюдаемы и потому для своей силы нуждаются в особых обеспечениях их действительного соблюдения»⁶. Николай Михайлович справедливо полагал, что в случае, если их соблюдение не будет обеспечено, они будут мертвой буквой. Средства понуждения к исполнению юридических норм исследователь называет санкциями. Далее раскрывается правовая природа этого элемента нормы права, кото-

рая также выводится из столкновения противоречащих друг другу интересов.

«Каждое нарушение юридической нормы порождает новое столкновение противоречивых интересов: с одной стороны, интереса потерпевшего от правонарушения получить возмещение причиненных ему правонарушением невыгод. С другой стороны, и правонарушитель не признается виновным, и за ним все-таки охраняются правом известные интересы», — убежден исследователь⁷. Таким образом, речь идет о правообразующем факте, ведущем к установлению и применению новой нормы права, определяющей ограничение осуществления интересов правонарушителя в интересах потерпевшего. Николай Михайлович стремится выяснить, как именно регулируются возникающие из правонарушения интересы.

«Правонарушения совершаются ради достижения известных целей, к совершению их человека побуждают его интересы, стесняемые велениями юридических норм. Если бы правонарушения не приводили к более полному осуществлению этих стесненных интересов, не было бы и побуждения их совершать», — убежден исследователь⁸. Таким образом, средство обеспечения исполнения юридических норм, по мнению ученого, заключается в том, чтобы сделать действия, их нарушающие, не достигающими своей цели. Николай Михайлович ссылается на случаи, когда последствия нарушения юридических норм заключаются в признании нарушающих их действий ничтожными. Речь идет о так называемых *leges perfectae*. В качестве примера исследователь приводит продажу недвижимости по домашнему акту, которая признается ничтожной, не имеющей никакого значения. В этом случае имение считается не проданным, а купивший — не приобретшим на него права собственности.

«Законы, имеющие своей санкцией недействительность нарушающих их действий, называются совершенными потому, что они ближе всего подходят к законам природы. Как явления, противоречащего законам природы, не может произойти, так действие, нарушающее такой совершенный закон, рассматривается с юридической точки зрения не совершившимся», — приводит удачное сравнение Николай Михайлович⁹. Далее исследователь более подробно останавливается на недействительности правонарушающего действия и отмечает ее градации.

³ Иванова В.Н. Учение Н.М. Коркунова о государстве и праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1976. С. 15.

⁴ Лекции по энциклопедии права, читанные проф. СПб. Университета Н.М. Коркуновым в 1879/80 акад. году. С. 13–14.

⁵ Ответ профессору Ренненкампу. Извлечено из Журнала Министерства Народного Просвещения. 1888. Июнь. С. 4.

⁶ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб. : Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. С. 171.

⁷ Там же. С. 171–172.

⁸ Там же. С. 172.

⁹ Там же.

Выделяются ничтожность и опорочиваемость¹⁰. В первом случае речь идет о недействительности, которая наступает лишь в силу правонарушающего характера действия. Так, уже упомянутая словесная продажа имущества ничтожна даже в случае желания ее признать обоими контрагентами. Стоит согласиться с Е.А. Поцелуевым, который считает этот пример Николая Михайловича актуальным по сей день¹¹. Второй же вид понимается ученым как недействительность, которая может наступить лишь в силу требования заинтересованного лица. Так, например, сделка, заключенная под влиянием угрозы, признается недействительной лишь по заявлению заинтересованного лица. Как мы видим, исследователь заложил четкий прообраз известных современной цивилистике ничтожности и оспоримости сделки.

Ученый выделял также абсолютную и относительную ничтожность¹². В случае абсолютной ничтожности предполагается, что правонарушающее действие считается безусловно несуществующим. Это, по его мнению, все та же пресловутая словесная продажа недвижимости. Относительная же заключается в недействительности только некоторых особых последствий сделки. Так, вексель, выданный замужней женщиной без согласия мужа, не имеет вексельной силы, но действителен как заемное обязательство.

Николай Михайлович, постулируя способы профилактики правонарушений, тем не менее, осознавал, что бывают ситуации, когда противоправное деяние уже совершено и последствия наступили. «В таком случае признание действия ничтожным сопровождается восстановлением прежнего состояния, измененного правонарушением, сопровождается восстановлением нарушенного права», — полагает исследователь¹³. Действительно, в случае совершенного правонарушения происходит изменение права потерпевшего и ограничиться признанием действий виновного ничтожными явно нельзя. Восстановление права, по мнению исследователя, может состоять как в прекращении, иногда силой неправомерного состояния (например, выселение лица из принадлежащего ему

помещения), так и в совершении опущенной обязанности за счет виновного (например, исправление мостовой).

«Однако бывают случаи, когда правонарушительное действие уже само в себе включает осуществление того интереса, ради которого оно совершается (например, изнасилование), или фактические последствия его неустранимы, нарушенное право невосстановимо (например, убийство)», — отмечает Николай Михайлович¹⁴. Признание правонарушающего действия ничтожным разумеется недостаточно. Восстановить право в этом случае мы уже не можем. Поэтому для правонарушителя устанавливаются невыгодные последствия, т.н. *leges plus quam perfectae*. Эти невыгодные последствия могут заключаться в гражданском взыскании в пользу потерпевшего или наказании, налагаемом государственной властью в общественном интересе.

Исследователь конкретизировал признак вреда от правонарушающего действия: «В известной степени с каждым правонарушением соединяется и невознаградимый вред. Это, во-первых, та обида, какую чувствует потерпевший от правонарушения; во-вторых, это тот подрыв авторитета закона, который получается при всяком неисполнении его требований»¹⁵. Следует согласиться с Е.А. Поцелуевым, утверждающим, что речь здесь идет о моральном вреде¹⁶. Николай Михайлович оговаривается, что степень такого невознаградимого вреда бывает весьма различна и зависит от изменчивых бытовых условий.

Вместе с тем исследователь четко отмечал, что установление невыгодных для правонарушителя последствий не подменяет собой признания правонарушающего действия ничтожным и восстановления права. Так, виновный в составлении подложного документа подвергается наказанию, а сам документ признается ничтожным. В случае кражи вор не только подлежит наказанию, но и украденные вещи возвращаются собственнику¹⁷. Николай Михайлович очень прозорливо отмечает, что бывают ситуации, когда признание правонарушающего действия ничтожным влечет невыгодные последствия для третьих лиц.

В качестве примера ученый приводит случай признания брака недействительным. Это решение тяжелее всего отражается на де-

¹⁰ Там же. С. 173.

¹¹ Поцелуев Е.А. Эволюция категории «правонарушение» в истории западной и отечественной юридической мысли (XVII — начало XX в.): монография. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2004. С. 57.

¹² Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. С. 173.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 174.

¹⁶ Поцелуев Е.А. Указ. соч. С. 59.

¹⁷ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. С. 174.

тях, которые в результате оказываются незаконнорожденными¹⁸. Поэтому недействительность брака влекут лишь существенные нарушения, а менее важные предполагают только наказание виновных, а сам брак при этом признается действительным. Точно так же в случае своевременной неоплаты гражданской сделки гербовым сбором виновные подлежат штрафу, но сделка сохраняет силу. Нормы, которые влекут невыгодные последствия для правонарушителя, но сохраняют за правонарушающим действием юридическую силу, именуют *leges minus quam perfectae*.

Николай Михайлович, формулируя учение о санкциях, вовсе не абсолютизирует этот элемент нормы права. Это обстоятельство можно четко проиллюстрировать следующим высказыванием: «Уголовная репрессия слишком дорого обходится обществу и материально, и нравственно, а вместе с тем уголовная кара не уничтожает совершившегося правонарушения, сама по себе не восстанавливает поправленного права, не возмещает причиненного преступником вреда»¹⁹. К карательным мерам, по его мнению, необходимо прибегать только при отсутствии других способов противодействия правонарушению или в случае недостаточности этих способов. Более того, он выделяет еще нормы, вовсе не имеющие санкции, последствия нарушений которых вовсе не определены, т.н. *leges imperfectae*.

Эти нормы, по его мнению, главным образом определяют права органов власти: «Устройством органа может быть уже наперед обеспечена правомерность выражаемой им воли, могут быть предупреждены правонарушительные действия. Этим и объясняется избытие в публичном праве *leges imperfectae*»²⁰. Это умозаключение ученый подтверждает исследованием юридической природы указов: «Существование указов, устанавливающих юридические нормы, само собой приводит к вопросу об их санкции. Обеспечение действительного соблюдения указов, предписывающих лишь технические правила, есть дело внутренней организации управления. Вопрос тут сводится к надлежащему исполнению должностными лицами своего служебного долга»²¹. С его выводом о преобладании этих норм в публичном праве согласиться нельзя.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Тридцать пятая глава проекта уголовного уложения // Сборник статей Н.М. Коркунова 1877–1897. СПб., 1898. С. 362.

²⁰ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. С. 175.

²¹ Указ и закон. Исследование Н.М. Коркунова. СПб., 1894. С. 242.

Дело в том, что нормы таких публичных отраслей права, как уголовное, административное и налоговое, изобилуют карательными санкциями. Даже конституционное право предусматривает возможность отстранения от должности высших должностных лиц. Таким образом, это утверждение не выдержало проверку временем. Да и сам Николай Михайлович осознавал необходимость в передаче нормам публичного права санкций. Исследователь писал: «Так, установлением права административного иска, направленного на признание не действительными незаконных распоряжений администрации, значительная часть норм публичного права превращена из несовершеннолетних в совершенные»²². Однако все же есть нормы публичного права, которые никогда не будут содержать санкций.

Ученый имел в виду нормы, устанавливающие обязанности верховной власти. «Верховная власть, как никому на земле не подчиненная, только сама в себе, в своем нравственном достоинстве, может заключать гарантию действительного выполнения падающих на нее обязанностей», — категорично заявлял Николай Михайлович²³. Однако, как уже было отмечено, нормы конституционного права предусматривают возможность отстранения от должности высших должностных лиц. Следовательно, этот постулат сегодня заметно пошатнулся, но не полностью утратил свою актуальность ввиду исключительной сложности привлечения к ответственности высших должностных лиц.

Анализируя учение Николая Михайловича о санкциях юридических норм, нельзя не отметить некоторую непоследовательность его взглядов. Ученый не приводит понятия правонарушения, его признаков, видов и не рассуждает о юридическом составе противоправного деяния. Свое внимание он сосредоточивает на гражданско-правовых деликтах и лишь вскользь говорит о преступлениях и административных правонарушениях. Сфера публичного права у него ограничена государственным и отчасти административным правом, что, впрочем, вполне отражает степень разработанности отечественной юридической науки во второй половине XIX в. Вместе с тем, его воззрения применительно к необходимости обеспечения исполнения юридических норм, пресечения противоправных деяний, одновременного наличия в ряде случаев гражданско-правового и уголовно-правового принуждения, о видах недействительности сделок актуальны по сей день.

²² Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. С. 175.

²³ Там же.

Литература

1. Иванова В.Н. Учение Н.М. Коркунова о государстве и праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.Н. Иванова. М., 1976. 16 с.
2. Коркунов Н.М. Лекции по энциклопедии права, читанные проф. СПб. Университета Н.М. Коркуновым в 1879/80 акад. году / Н.М. Коркунов. СПб. : Лит. Пазовского, [1880]. 232 с.
3. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права / Н.М. Коркунов. СПб. : Изд-во «Юридический центр Пресс». 2003. 430 с.
4. Коркунов Н.М. Общественное значение права. Лекции в Императорском Александровском Лицее / Н.М. Коркунов. СПб., 1892. 20 с.
5. Поцелуев Е.А. Эволюция категории «правонарушение» в истории западной и отечественной юридической мысли (XVII — начало XX в.) : монография / Е.А. Поцелуев. Иваново : Иван. гос. ун-т. 2004. 156 с.
6. Тридцать пятая глава проекта уголовного уложения // Сборник статей Н.М. Коркунова 1877–1897. СПб. : Издание юридического книжного магазина Н.К. Мартынова, 1898. 567 с.
7. Указ и закон. Исследование Н.М. Коркунова. СПб. : Тип. Стасюлевича, 1894. 408 с.

References

1. Ivanova V.N. Uchenie N.M. Korkunova o gosudarstve i prave : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [N.M. Korkunov's Doctrine on State and Law : author's abstract of thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / V.N. Ivanova. Moskva — Moscow, 1976. 16 s.
 2. Korkunov N.M. Leksii po entsiklopedii prava, chitanny'e prof. SPB. Universiteta N.M. Korkunovy'm v 1879/80 akad. godu [Lectures on the Encyclopedia of Law Given by Professor of the Saint Petersburg University N.M. Korkunov in the 1879/80 Academic Year] / N.M. Korkunov. Sankt-Peterburg : Lit. Pazovskogo — Saint Petersburg : Pazovsky's Literature, 1880. 232 s.
 3. Korkunov N.M. Leksii po obschey teorii prava [Lectures on the General Law Theory] / N.M. Korkunov. Sankt-Peterburg : Izd-vo "Yuridicheskij tsentr Press" — Saint Petersburg : the Legal Center Press publishing house, 2003. 430 s.
 4. Korkunov N.M. Obschestvennoe znachenie prava. Leksii v Imperatorskom Aleksandrovskom Litsee [The Social Significance of Law. Lectures in the Imperial Alexander Lyceum] / N.M. Korkunov. Sankt-Peterburg — Saint Petersburg, 1892. 20 s.
 5. Potseluev E.L. Evolyutsiya kategorii "pravonarushenie" v istorii zapadnoy i otechestvennoy yuridicheskoy my'sli (XVII — nachalo XX v.) : monografiya [Evolution of the 'Offence' Category in the History of the Western and National Legal Thought (the XVII to the Early XX Century) : monograph] / E.L. Potseluev. Ivanovo : Ivan. gos. un-t. — Ivanovo : the Ivanovo State University, 2004. 156 s.
 6. Tridsat pyataya glava proekta ugolovnogo ulozheniya [The Thirty-Fifth Chapter of the Criminal Code Draft] // Sbornik statey N.M. Korkunova 1877–1897. Sankt-Peterburg : Izdanie yuridicheskogo knizhnogo magazina N.K. Martynova — Collection of N.M. Korkunov's articles, 1877 to 1897. Saint Petersburg : publication of N.K. Martynov's law bookstore, 1898. 567 s.
 7. Ukaz i zakon. Issledovanie N.M. Korkunova [Decree and Law. N.M. Korkunov's Research]. Sankt-Peterburg : Tip. Stasyulevicha — Saint Petersburg : Stasyulevich's printing office, 1894. 408 s.
-

DOI:10.18572/1812-3805-2018-2-12-17

Теория социально-правового государства как модель социальной справедливости: взгляды русских либералов конца XIX — начала XX в.

*Табакон Александр Леонидович,
аспирант кафедры теории государства и права и политологии
Юридического факультета Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова
alexander.tabakov@mail.ru*

В статье рассматривается генезис и эволюция концепции социально-правового государства в русской либеральной политико-правовой мысли конца XIX — начала XX в. Анализируются взгляды В.С. Соловьева, П.И. Новгородцева, Б.А. Кистяковского. Акцентируется внимание на том, что данная концепция есть не что иное, как модель социальной справедливости, фундаментом которой является конструкция права на достойное существование.

Ключевые слова: справедливость, социально-правовое государство, либерализм, Соловьев, Новгородцев, Кистяковский.

The Theory of a Social and Law-Governed State as a Model of Social Justice: the View of the Russian Liberals of the Late XIX to the Early XX Century

Tabakov Aleksandr L.

Postgraduate Student of the Department of Theory of State and Law and Politology of the Law Faculty of the Lomonosov Moscow State University

The article deals with the genesis and evolution of the concept of a social and legal state in the Russian liberal political and legal thought of the end of 19th and the beginning of 20th centuries. We consider the views of V.S. Solovyov, P.I. Novgorodtsev, B.A. Kistyakovskiy. Attention is focused on the fact that this concept is nothing but a model of social equity, the foundation of which is the construction of the right to a worthy existence.

Keywords: equity, social and legal state, liberalism, Solovyov, Novgorodtsev, Kistyakovskiy.

На рубеже XIX и XX веков в либеральной политико-правовой мысли России активно разрабатывалась концепция правового государства. Как отмечает В.Н. Корнев, либеральные мыслители, в отличие, например, от большевиков, видели в существовавшем на тот момент государстве реальную позитивную силу, способную уберечь общество от революционных потрясений и направить его по пути прогрессивных реформ¹. Свою главную задачу данные авторы видели в преодолении недостатков классического либерализма и построении концепции социального правового государства, предоставляющего ряд материальных и социальных гарантий нуждающимся группам населения. По категоричному утверждению одного из теоретиков правового государства этого периода С.А. Котляревского², «государство должно быть правовым, потому что оно должно быть справедливым»³. Смысл этого постулата мыслитель раскрывает следующим образом. Верховенство закона, безусловно, является ключевой характеристикой правового государства, однако высшая, «сверхправовая» задача государства — привнести нравственный компонент (то есть справедливость) в осуществление власти с тем, чтобы смягчить абстрактные положения закона, способные обернуться высшей несправедливостью (*summum jus — summa injuria*). Иными словами, основной посыл теории социального правового государства — связать государство не только правом, но и нравственностью⁴.

Одним из результатов разработки концепции социального правового государства стало теоретическое обоснование права на достойное существование⁵. Его истоки следует искать в концепции В.С. Соловьева. На раннем этапе своих философских исканий мыслитель, отталкиваясь от рационалистической интерпретации права, приходит к выводу, что справедливость, как основополагающая идея права, есть не что иное, как объективированное выражение закона автономной этики. Сфера общественных отношений, по мнению В.С. Соловьева, покоится на двух принципах: юридической (или отрицательной) справедливости, выражающей принцип формального равенства, и нравственной (или положительной) справедливости как равенства, восстановленного Добром. Если первая остается индифферентна к каким-либо формам морального самосовершенствования, то последняя, напротив, служит флагом нравственного прогресса для отдельного индивида и общества в целом. Институциональным выражением юридической справедливости выступает государство, нравственной — церковь. Поскольку по В.С. Соловьеву нравственное начало в общественной жизни, с одной стороны, превалирует над правовым, с другой — не исключает его, по-

либерализма, он выступает против любых попыток нарушить формально-юридическое равенство. По мнению Чичерина? забота о нуждающихся — вопрос не государственной политики, а благотворительности. За попытку связать право и нравственность и обосновать тем самым социальные функции государства Чичерин назвал В.С. Соловьева «современным Торквемадой», стремящимся «поставить правовое насилие на службу абсолютной нравственности, что напоминает практику Инквизиции». См.: Чичерин Б.Н. О началах этики // Вопросы философии и психологии. 1897. № 4 (39). С. 645.

¹ Корнев В.Н. Либеральные концепции государства и права в России начала XX века (1905–1917 годы). Белгород, 2001. С. 34.

² Подробнее о политико-правовом учении С.А. Котляревского см.: Кроткова Н.В. Государственно-правовые взгляды С.А. Котляревского. М., 2011.

³ Котляревский С.А. Власть и право. Проблема правового государства. СПб., 2001. С. 335.

⁴ Следует отметить, что непримиримым противником теории социального правового государства выступает Б.Н. Чичерин. Как теоретик классического

⁵ Подробнее об этом см.: Корнев В.Н. Проблемы теории государства в либеральной правовой мысли России конца XIX — начала XX века. М., 2005. С. 201–227; Фролова Е.А. Идеал социально-правового государства в отечественном неокантианстве (конец XIX — начало XX вв.) // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2012. № 1. С. 19–28.

стольку его представления о социально справедливом общественном устройстве опираются на эти положения. Идеал «свободной теократии», провозглашаемый философом на раннем этапе его творчества, является своеобразной «золотой серединой» между двумя крайностями — «ложной теократией» и полным отделением государства от церкви⁶. С одной стороны, «свободная теократия» избегает свойственного «ложной теократии» тотального подавления сферы права во имя Божественной любви, неизбежно приводящего к уничтожению свободы личности⁷. С другой стороны, в случае отделения государства от церкви нравственное начало оказывается беззащитно перед правовым формализмом, грозящим превратить *summum jus* в *summa iniuria*. Лишь в рамках «свободной теократии», убежден Соловьев, возможно мирное сосуществование нравственности и права, христианского милосердия и юридической справедливости, так как получающее автономию право не превращается в абсолютизированный отвлеченный принцип, а становится органичной частью подлинно христианского правового порядка, главная цель которого — единство личного и общего блага⁸.

На более поздних этапах творчества В.С. Соловьев ищет точки соприкосновения между правом и нравственностью⁹. На основании этого мыслитель приходит к новому для себя пониманию права как принудительного требования реализации определенного минимального добра, или порядка, не допускающего известных проявлений зла. Иными словами, справедливость как основная идея права в понимании В.С. Соловьева есть не абстрактный недостижимый идеал, а реальный факт, который должен быть реализован. Поскольку узкая трактовка справедливости как максимы *neminem laede* (никому не вреди), по обновленным взглядам мыслителя, не соответствует истине, поэтому социальная справедливость не может быть обеспечена лишь путем установления формального равенства. Отражаю-

щее общую идею альтруизма, социально справедливое государство есть не что иное, как «собираательно-организованная жалость». Его задача — обеспечение каждому члену общества права на достойное существование¹⁰. Если изначально В.С. Соловьев отводил справедливому государству лишь функции по обеспечению формального равенства, то теперь, по глубокому убеждению философа, справедливость не тождественна равенству: «Справедливость не есть простое равенство, а равенство в исполнении должного. Справедливый должник есть не тот, который равно отказывается в уплате всем своим кредиторам, а тот, который всем им равномерно выплачивает свой долг; справедливый отец не тот, конечно, который одинаково равнодушен ко всем своим детям, а тот, который показывает им всем одинаковую любовь»¹¹. Итак, мыслитель констатирует возможность существования как справедливого, так и несправедливого равенства: отличительным признаком права, по его мнению, является именно обеспечение справедливого равенства, равенства в должном. Объединяя эти положения с утверждением о том, что справедливость есть выражение альтруистического чувства жалости, В.С. Соловьев предлагает понимать справедливость как жалость, равномерно применяемую¹².

В работе «Право и нравственность» В.С. Соловьев, синтезируя рационалистическую интерпретацию права раннего периода с аксиологической интерпретацией права позднего периода, приходит к следующей формулировке понятия права: «право есть исторически подвижное определение принудительного равновесия между двумя нравственными интересами: формально нравственным интересом личной свободы и материальным нравственным интересом общего блага». Иными словами, мыслитель в конечном итоге приходит к выводу о том, что ключевая задача права состоит не просто в обеспечении реализации справедливых интересов, а в нахождении справедливого баланса между интересами, с одной стороны, отдельной личности, с другой — социального целого¹³.

Таким образом, по В.С. Соловьеву смысл права на достойное существование состоит в обеспечении каждому человеку минимума материальных средств как гарантии против нищеты и экономического рабства. Основой этого подхода, как отмечает Е.А. Прибыткова,

⁶ Подробнее о концепции «свободной теократии» В.С. Соловьева см., напр.: Жуков В.Н. Философия и социология права: опыт плюралистического подхода. М., 2013. С. 237–242.

⁷ Понимаемое сугубо рационалистически, право в ранних работах В.С. Соловьева есть «свобода, обусловленная равенством». См. об этом: Прибыткова Е.А. Несвоевременный современник: философия права В.С. Соловьева. М., 2011. С. 80–87; Яценко А.С. Философия права Владимира Соловьева. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. СПб., 1999. С. 22–27.

⁸ Валицкий А. Философия права русского либерализма. М., 2012. С. 230.

⁹ Подробнее об этом см.: Прибыткова Е.А. Указ. соч. С. 262–297; Яценко А.С. Указ. соч. СПб., 1999. С. 27–30.

¹⁰ Подробнее об этом см.: Прибыткова Е.А. Указ. соч. С. 365–386.

¹¹ Соловьев В.С. Оправдание добра. М., 2010. С. 596.

¹² Там же. С. 597.

¹³ Прибыткова Е.А. Указ. соч. С. 290–297; Яценко А.С. Указ. соч. С. 41–43.

является категорический императив И. Канта, предписывающий видеть в каждом человеке цель, а не средство. Отношение к человеку как к простому орудию для производства материальных благ, характерное для классической либеральной модели государства как «ночного сторожа», глубоко противоречит нравственным основам общества, достоинству человека, а значит — и справедливости. Увидеть в ближнем не только средство для удовлетворения собственного ненасытного эгоизма и защитить его от унижительной бедности, освободить от физического и нравственного угнетения, по В.С. Соловьеву, и есть ключ к построению социальной справедливости¹⁴.

Однако следует обратить внимание на то, что подход В.С. Соловьева к государству как собирательно-организованной жалости, основанный на концепции этического минимума в праве, был неоднозначно воспринят в либеральных кругах дореволюционной России. Б.Н. Чичерин, выступая последовательным либералом, отводит праву единственную задачу — определение границ индивидуальной свободы. Любые попытки превратить право в инструмент реализации нравственного идеала — хотя бы и минимального — решительно отвергаются мыслителем как вторжение во внутренний мир человека. Отсюда — резкое неприятие Чичериным такой морально-правовой конструкции, как право на достойное существование.

П.И. Новгородцев, с одной стороны, горячо приветствует попытку В.С. Соловьева продемонстрировать высокую роль государства и права в деле осуществления задачи по организации нравственной жизни в обществе. С его точки зрения, В.С. Соловьеву «в смутное для юридической науки время» удалось «отстоять идеальную сущность права»¹⁵. Главным образом, здесь имеется в виду то, что идеи В.С. Соловьева оказались достаточно мощным противовесом концепции морального субъективизма Л.Н. Толстого, который даже в малейшей степени не готов был признать позитивную роль политико-правовых институтов. С другой стороны, Новгородцев отмечает, что такие определения, как собирательно-организованная жалость, «невольно поражают слух юриста». Подобная формулировка едва ли отражает реальное положение дел, а значит — социальные функции государства, полагает Новгородцев, следует анализировать несколько

иначе. Современные исследователи творчества В.С. Соловьева (в частности — В.А. Кувакин) также отмечают, что социально-политические идеи философа зачастую не имели под собой строгого научного обоснования, а чрезмерная идеализация отдельных аспектов политико-правовой реальности нередко препятствовала их трезвому анализу¹⁶.

Рассматривая право каждого человека на достойный уровень жизни, П.И. Новгородцев приходит к выводу о том, что нельзя с точностью определить ту грань, относительно которой можно однозначно признать те или иные жизненные условия соответствующими этому уровню. Однако вопиющее несоответствие этих условий достойному уровню жизни есть неоспоримый факт: «Можно спорить о восьми- или девятичасовом рабочем дне, но совершенно очевидно, что пятнадцать или восемнадцать часов работы есть бессовестная эксплуатация. Можно спорить о возможных размерах жилища в сторону отклонения вверх от минимальной нормы; но бесспорно, что темные и сырые подвалы противоречат всяким нормам допустимого и возможного»¹⁷. Иными словами, для Новгородцева смысл права человека на достойное существование заключается не в реализации каких-либо конкретных положительных требований, а в отрицании «тех условий, которые совершенно исключают возможность достойной человеческой жизни»¹⁸. Эти слова мыслителя подтверждают идею о том, что несправедливость тех или иных социальных явлений есть значительно более очевидный факт, чем их справедливость. Люди гораздо острее чувствуют именно несправедливость, а значит — им куда проще четко обозначить критерии, закладываемые в это понятие. Реакция на несправедливость чрезвычайно болезненна, тогда как справедливость воспринимается как нечто само собой разумеющееся и, как следствие, не поддается столь однозначной идентификации.

Широко использует в своих работах риторику социальной справедливости Б.А. Кистяковский. Отталкиваясь от основных положений либерализма, мыслитель противопоставляет свои взгляды, с одной стороны, марксистской утопической мечте о последовательной реализации социальной справедливости сначала в социалистическом государстве, а затем — в бесклассовом коммунистическом обществе, с другой — классическим либеральным воззрениям на недопустимость осуществления го-

¹⁴ Подробнее см.: Прибыткова Е.А. Человеческое достоинство и справедливость у И. Канта, В.С. Соловьева и Дж. Ролза // «Правда»: дискурсы справедливости в русской интеллектуальной истории. М., 2011. С. 200–206.

¹⁵ Новгородцев П.И. Идея права в философии В.С. Соловьева // Сочинения. М., 1995. С. 286.

¹⁶ Кувакин В.А. Философия Вл. Соловьева. М., 1988. С. 38.

¹⁷ Новгородцев П.И. Право на достойное человеческое существование // Сочинения. М., 1995. С. 324.

¹⁸ Там же. С. 321.

сударством каких-либо социальных функций. Кистяковский глубоко убежден в том, что социалистическое государство не есть какой-либо отдельный тип государства — это лишь логическое продолжение государства правового. Развивая демократические институты правовой государственности и дополняя их социальными функциями по реализации права человека на достойное существование, государство в конечном счете совместит в себе все положительные черты как модели правового, так и модели социалистического государства: «...между современным правовым государством и тем государством, которое осуществит социальную справедливость, нет принципиальной и качественной разницы, а есть только разница в количестве и степени»¹⁹. Неудачи современных западноевропейских государств в попытках реализации социальных функций обусловлены лишь тем, рассуждает мыслитель, что такие попытки носили исключительно декларативный характер и не подкреплялись соответствующими практическими мероприятиями. Таким образом, по Кистяковскому, дорога к социальной справедливости лежит через постепенное реформирование основных институтов правового государства и его естественную трансформацию в социалистическое государство²⁰. Как мыслитель-неокантианец, Кистяковский глубоко убежден в том, что стремление к справедливости — неотъемлемое качество любого человека как существа со свободной разумной волей. Именно с этим мыслитель связывает тот факт, что история развития человечества

есть история движения от менее справедливого социального строя к более справедливому: несмотря на очевидные недостатки современной капиталистической системы общественных отношений, она более справедлива, чем основанная на крепостном праве феодальная. Последняя, в свою очередь, более справедлива, нежели рабовладельческий уклад эпохи античности²¹.

Как отмечает И.Д. Осипов, идеи ведущих идеологов либерализма в России — В.С. Соловьева, П.И. Новгородцева, Б.А. Кистяковского — о дополнении классических задач правового государства по защите свободы личности социальными функциями позволяют теоретически обосновать критику правового формализма, строгое следование которому приводит к вырождению идеи справедливости. В основе этого подхода лежит синтез западноевропейского либерального идеала правового государства и укоренившегося в отечественной политической и философской мысли понимания государства как института, построенного на началах справедливости и правды²². Следует признать, что концепция социально-правового государства является закономерным итогом стремления многих русских либералов рассматриваемого периода найти взаимосвязь права и морали. Коль скоро справедливость не есть исключительно юридический или исключительно нравственный феномен, подлинно справедливое общество и государство не может быть построено лишь на одном из этих начал. Строгое следование юридическому формализму губительно для реальной жизни, в то время как лишнее правовых гарантий нравственное общественное устройство обрекает людей на хаос.

¹⁹ Кистяковский Б.А. Социальные науки и право // *Философия и социология права*. СПб., 1998. С. 346.

²⁰ Подробнее о государственной теории Б.А. Кистяковского см., напр.: Фролова Е.А. Неокантианская философия права в России в конце XIX — начале XX века. М., 2013. С. 389–401.

²¹ Кистяковский Б.А. Указ. соч. С. 110–111.

²² Осипов И.Д. *Философия русского либерализма* (XIX — начало XX в.). СПб., 1996. С. 115.

Литература

1. Валицкий А. *Философия права русского либерализма* / А. Валицкий. М.: Мысль, 2012. 567 с.
2. Жуков В.Н. *Философия и социология права: опыт плюралистического подхода* / В.Н. Жуков. М.: Юрлитинформ, 2013. 288 с.
3. Корнев В.Н. *Либеральные концепции государства и права в России начала XX века (1905–1917 годы)* / В.Н. Корнев. Белгород: Изд-во Белгородского гос. ун-та, 2001. 160 с.
4. Корнев В.Н. *Проблемы теории государства в либеральной правовой мысли России конца XIX — начала XX века* / В.Н. Корнев. М.: Юрлитинформ, 2005. 340 с.
5. Котляревский С.А. *Власть и право. Проблема правового государства* / С.А. Котляревский. СПб.: Лань, 2001. 366 с.
6. Кроткова Н.В. *Государственно-правовые взгляды С.А. Котляревского* / Н.В. Кроткова. М.: Юркомпани, 2011. 204 с.
7. Кувакин В.А. *Философия Вл. Соловьева* / В.А. Кувакин. М.: Знание, 1988. 64 с.
8. Новгородцев П.И. *Сочинения* / П.И. Новгородцев. М.: Раритет, 1995. 448 с.
9. Осипов И.Д. *Философия русского либерализма (XIX — начало XX в.)* / И.Д. Осипов. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1996. 192 с.
10. «Правда»: дискурсы справедливости в русской интеллектуальной истории / ред. Н.С. Плотников. М.: Ключ-С, 2011. 368 с.
11. Прибыткова Е.А. *Несвоевременный современник: философия права В.С. Соловьева* / Е.А. Прибыткова. М.: Модест Колеров, 2011. 478 с.
12. Соловьев В.С. *Оправдание добра* / В.С. Соловьев. М.: Академический проспект, 2010. 672 с.

13. Философия и социология права / сост. В.В. Сапова. СПб. : РХГИ, 1998. 800 с.
14. Фролова Е.А. Идеал социально-правового государства в отечественном неокантианстве (конец XIX — начало XX вв.) / Е.А. Фролова // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2012. № 1. С. 19–28.
15. Фролова Е.А. Неокантианская философия права в России в конце XIX — начале XX века / Е.А. Фролова. М. : Юркомпани, 2013. 598 с.
16. Чичерин Б.Н. О началах этики / Б.Н. Чичерин // Вопросы философии и психологии. 1897. № 4 (39). С. 586–701.
17. Яценко А.С. Философия права Владимира Соловьёва. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства / А.С. Яценко. СПб. : Алетейя, 1999. 256 с.

References

1. Walicki A. *Filosofiya prava russkogo liberalizma* [Legal Philosophy of Russian Liberalism] / A. Walicki. Moskva : My'sl — Moscow : Thought, 2012. 567 s.
2. Zhukov V.N. *Filosofiya i sotsiologiya prava: opyt' plyuralisticheskogo podkhoda* [Philosophy and Sociology of Law: Experience of the Pluralistic Approach] / V.N. Zhukov. Moskva : Yurlitinform — Moscow : Yurlitinform, 2013. 288 s.
3. Kornev V.N. *Liberalny'e kontseptsii gosudarstva i prava v Rossii nachala XX veka (1905–1917 gody')* [Liberal Concepts of State and Law in Russia in the Early XX Century (1905 to 1917)] / V.N. Kornev. Belgorod : Izd-vo Belgorodskogo gos. un-ta — Belgorod : publishing house of the Belgorod State University, 2001. 160 s.
4. Kornev V.N. *Problemy' teorii gosudarstva v liberalnoy pravovoy my'sli Rossii kontsa XIX — nachala XX veka* [Issues of Theory of State and Law in the Liberal Legal Thought of Russia in the Late XIX to the Early XX Century] / V.N. Kornev. Moskva : Yurlitinform — Moscow : Yurlitinform, 2005. 340 s.
5. Kotlyarevsky S.A. *Vlast i pravo. Problema pravovogo gosudarstva* [Power and Law. The Problem of a Law-Governed State] / S.A. Kotlyarevsky. Sankt-Peterburg : Lan — Saint Petersburg : Fallow Deer, 2001. 366 s.
6. Krotkova N.V. *Gosudarstvenno-pravovye vzglyady' S.A. Kotlyarevskogo* [S.A. Kotlyarevsky's State and Legal Views] / N.V. Krotkova. Moskva : Yurkompani — Moscow : Legal Company, 2011. 204 s.
7. Kuvakin V.A. *Filosofiya V.I. Solovyeva* [V. Solovyev's Philosophy] / V.A. Kuvakin. Moskva : Znanie — Moscow : Knowledge, 1988. 64 s.
8. Novgorodtsev P.I. *Sochineniya* [Writings] / P.I. Novgorodtsev. Moskva : Raritet — Moscow : Rarity, 1995. 448 s.
9. Osipov I.D. *Filosofiya russkogo liberalizma (XIX — nachalo XX v.)* [Philosophy of the Russian Liberalism (the XIX to the Early XX Century)] / I.D. Osipov. Sankt-Peterburg : Izd-vo S.-Peterburgskogo un-ta — Saint Petersburg : publishing house of the Saint Petersburg University, 1996. 192 s.
10. "Pravda": *diskursy' spravedlivosti v russkoy intellektualnoy istorii* / red. N.S. Plotnikov [Truth: Justice Discourses in the Russian Intellectual History / edited by N.S. Plotnikov]. Moskva : Klyuch-S — Moscow : Klyuch-S, 2011. 368 s.
11. Pribytkova E.A. *Nesvoevremenny'y sovremennik: filosofiya prava V.S. Solovyeva* [Untimely Contemporary: V.S. Solovyev's Philosophy of Law] / E.A. Pribytkova. Moskva : Modest Kolerov — Moscow : Modest Kolerov, 2011. 478 s.
12. Solovyev V.S. *Opravdanie dobra* [Justification of the Good] / V.S. Solovyev. Moskva : Akademicheskii prospect — Moscow : Academic Prospect, 2010. 672 s.
13. *Filosofiya i sotsiologiya prava* / sost. V.V. Sapova [Philosophy and Sociology of Law / compiled by V.V. Sapov] Sankt-Peterburg : RKhGI — Saint Petersburg : RCIH, 1998. 800 s.
14. Frolova E.A. *Ideal sotsialno-pravovogo gosudarstva v otechestvennom neokantianstve (konets XIX — nachalo XX vv.)* [The Ideal Social and Law-Governed State in the National Neo-Kantianism (the Late XIX to the Early XX Century)] / E.A. Frolova // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seriya 11 : Pravo — Bulletin of the Lomonosov Moscow State University. Series 11 : Law. 2012. № 1. S. 19–28.
15. Frolova E.A. *Neokantianskaya filosofiya prava v Rossii v kontse XIX — nachale XX veka* [Neo-Kantian Philosophy of Law in Russia in the Late XIX to the Early XX Century] / E.A. Frolova. Moskva : Yurkompani — Moscow : Legal Company, 2013. 598 s.
16. Chicherin B.N. *O nachalakh etiki* [On the Origins of Ethics] / B.N. Chicherin // *Voprosy' filosofii i psikhologii* — Issues of Philosophy and Psychology. 1897. № 4 (39). S. 586–701.
17. Yaschenko A.S. *Filosofiya prava Vladimira Solovyeva. Teoriya federalizma. Opyt' sinteticheskoy teorii prava i gosudarstva* [Vladimir Solovyev's Philosophy of Law. The Theory of Federalism. Experience of the Synthetic Theory of Law and State] / A.S. Yaschenko. Sankt-Peterburg : Aleteyya — Saint Petersburg : Aleteya, 1999. 256 s.

Виды наказаний по законодательным актам периода правления царя Петра Великого

*Сатанова Лейла Муслимовна,
доцент кафедры права Университета Нархоз,
кандидат юридических наук
satanova1969@mail.ru*

В данной статье исследуется период формирования регулярной армии в России Петром I на основании и по образцу военного дела западноевропейских стран. Период создания регулярной армии сопровождался изданием специальных законов для всех войсковых структур. Особое внимание в данной статье уделяется видам наказаний, которые предусматривались целым рядом законодательных актов, принятых в период правления Петра I. В статье подробно исследуются: содержание за караулом, или арест; посадение в железа; арест и его виды; арест у профоса и институт профосов; палачи. Эти наказания чаще всего применялись в русской армии для поддержания порядка и дисциплины. В исследовании описываются характерные для того времени способы их исполнения, жестокость и бесчеловечность.

Ключевые слова: *Петр I, регулярная армия, лишение свободы, Воинский устав, наказания, арест.*

Types of Punishments under the Legislative Acts during the Reign of Tsar Peter the Great

*Satanova Leyla M.
Assistant Professor of the Department of Law of the Narхоз University
Candidate of Legal Sciences
Assistant Professor*

This article explores the period of formation of a regular army in Russia by Peter I on the basis of the pattern and military affairs of the West-European countries. When created a regular army was accompanied by the publication of special laws for all military structures. Particular attention in this article is given to types of punishments, which were provided by a number of legislative acts adopted during the reign of Peter I. The article deals with the punishment, which are often used in the Russian army to maintain order and discipline. It describes the characteristic of the time of their execution methods, cruelty and inhumanity.

Keywords: *Peter I, the regular army, prison, military regulations, penalties, arrested.*

В период правления царя Петра Великого в русском военном праве проводятся значительные изменения в сторону рецепции европейского военного права. Создание регулярной армии предполагало сопровождение всего процесса новой системой законодательства. В связи с чем был принят ряд нормативных документов: «Устав» А.А. Вейде (1698), «Уложение или право воинского поведения» Б.П. Шереметьева (1702), «Краткий артикул» А.Д. Меньшикова (1706), включавшие нормы военно-уголовного и военно-процессуального права. Во втором десятилетии XVIII в. Петром I были созданы и утверждены акты военного законодательства высшей юридической силы — «Устав воинский» (1717) и «Морской устав» (1720). Первый из них включал военно-уголовный и военно-процессуальный кодексы — «Артикул воинский» и «Краткое изображение процессов». Основой для создания этих кодексов стало европейское право¹.

Согласно законодательным актам в период правления Петра Великого за дисциплинарные правонарушения предполагались «посажение на деревянную кобылу», «ношение мушкетов и фузей» и «ношение седел». Данные наказания являлись наиболее часто применявшимися за дисциплинарные правонарушения. Распространенность названных видов взысканий объяснялась главным образом удобством их отбывания: краткосрочностью, индивидуальностью и простотой в применении.

«Посажение на кобылу», т.е. на укрепленное на козлах деревянное бревно для гимнастических упражнений, носило скорее позорящий характер, так как вызывало насмешки со стороны сослуживцев наказываемого. «Посажение на кобылу» имело иностранное происхождение, так как русское право, знавшее самые жестокие меры воздействия, всегда с отвращением относилось к наказанию, основанному на глумлении над личностью человека. В военном праве, основанном на законодательном акте, так называемом «Воинском Артикуле», названные виды наказаний также не прижились. Воинский

¹ Акишин М.О. Судебная реформа Петра I : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. С. 11.

артикул позволял военному начальнику применять жесткие меры воздействия, однако запрещал применение «всяких поносных и чести касающихся слов». По этой причине, надо полагать, не привилась в русском войске и попытка придать «посажению на кобылу» характер физического, телесного наказания, для чего даже было придумано сажать на кобылу с заостренным бревном. Воинский артикул не предполагал «посажения на кобылу» ни в какой форме.

Несколько отличался от предыдущего следующий вид наказания, так называемое «ношение мушкетов или фузей», которое было направлено на ограничение свободы военнослужащего во внеслужебное время, в часы отдыха. Этому виду наказания, в связи с тем что за некоторые преступления ношение значительного числа ружей назначалось на довольно продолжительные сроки (например, за пьянство и др. нарушения по службе): как следовало из самого текста закона, «за первую (провинность) двое сутки шести мушкетовъ держати по два часа и по три часа отдыхати, за другую — неделю»², — придавалось значение скорее телесного наказания, чем наказания, направленного на лишение свободы. Вероятно, именно по этой причине оно и было отнесено по системе Воинского устава к разряду легких телесных наказаний.

«Краткий Артикул» называет данный вид взыскания «отягчение оружием», а Воинским уставом хотя и придавался ему позорящий характер, например, ношение мушкетов, карабинов или пик в присутствии целого полка, но подобного рода наказания назначались не за воинские, а за аморальные проступки.

Содержание за караулом, или арест. Наряду с такими наказаниями, которые непосредственно не касались лишения свободы, петровское военное законодательство впервые создает в числе карательных мер наказание, объектом которого уже непосредственно является личная свобода. К такому виду наказания относится «взятие за карауль». В Кратком артикуле упоминается как «арест»³. Правда, и это взыскание относилось по системе Воинского устава к числу телесных. Объяснялось это тем, что, ограничивая свободу военнослужащего, законодатель отягчал такое наказание различного рода физическими мучениями и лишениями, так как целью наказания не являлось нравственное воздействие или исправление наказываемого, а более всего преследовалась цель устрашения и запугивания военнослужащих физическими расправами.

Таковы были особенности форм и видов наказания петровского периода. Да и последующие эпохи отличались применением не менее жестоких форм воздействия в целях устрашения.

Посаждение в железа. Отягченной формой ареста считалось «взятие за карауль» с «посажением в железа» (закование в железо) и «прикованием к полу».

«Посаждение в железа», как воинское наказание, устанавливается впервые «Шереметьевским Уложением», которое относит наказание к числу легких дисциплинарных взысканий, например, за пьянство во второй раз (за второе пьянство — заковывались в железо на неделю)⁴ и за словесные оскорбления, пока виновный «у оскорбленного христианского прощения... не получит»⁵. Следуя за уложением, и Краткий артикул относит посаждение в железо к разряду дисциплинарных взысканий и применяет его при самовольной отлучке с поста⁶. Правом применения данного наказания пользовались высшие военные начальники офицерского состава той воинской части, в которой проходил службу обвиняемый. На деле к прикованию приговаривались военными начальниками исключительно военнослужащие низшего звания, а офицеры подвергались заключению в оковы только по приговору суда. Закование в железо также применялось и в военных походах, т.е. при боевых условиях в случаях отставания или отлучки при дислокациях боевых подразделений: «Въ походахъ никто-бъ не оставался назади, не крепко при роте своей держался, а ежели уедеть или останеться назади, то его, яко беглеца, в железо сковать...»⁷

Таким образом, посаждение в железа представлялось особым видом краткосрочного лишения свободы. По «Шереметьевскому Уложению» содержание за караулом и посаждение в железа назначалось на время не более 7 суток⁸.

По форме и методам осуществления данного карательного воздействия можно с полным основанием отнести его к числу телесных наказаний.

Самым обыкновенным способом посаждения в железо было сковывание рук или ног или рук и ног одновременно. В таком виде наказание практиковалось, например, во время походов. Иногда наказываемый приковывался цепью за шею или за конечности к стене, полу или какому-нибудь объемному и тяжелому предмету в самом месте его заключения. Закование в цепи могло заменяться надеванием

² Уложение Шереметьева. Ст. 4. С. 245.

По «Воинскимъ статьямъ» Веде полагалось ношение мушкетов по 3–5 штук, по два часа, с двухчасовыми промежутками.

³ Краткий артикул. Гл. I. Ст. 7. С. 20.

⁴ Там же. Гл. I. Ст. 3. С. 15.

⁵ Там же. Гл. I. Ст. 59. С. 105.

⁶ Там же. Гл. IX. Ст. 2. С. 211.

⁷ Там же. Гл. VIII. Ст. 2. С. 200.

⁸ Уложение Шереметьева. Ст. 3, 59 и 79.

деревянных или железных колод, применение которых уходит в глубь веков. Колоды имели отверстия для шеи или для конечностей называемого. Тяжелые и грубые колоды надевались самыми разнообразными способами. От способа их надевания зависела степень мучительности наказания. Петровские застенки знали особо изощренные мучения при помощи подобных колод. Человека на продолжительное время сковывали с вытянутыми на груди или за спиной, иногда даже скрещенными руками или вывернутыми накрест ногами. Сковывали колодами таким образом, что наказанный вынужден был стоять все время на коленном изгибе ног либо в неестественно изогнутом положении опираться всей тяжестью тела только на ступни ног и кисти рук. Возможно, законодатель не предполагал подобных истязаний, однако согласно духу и целям наказания петровского периода любое физическое воздействие на человека преследовало одну цель — устрашение. В своих записных тетрадах Петр I отмечал, что «Россия еще в своем младенчестве и должна постепенно привыкать к военной дисциплине»⁹. Посаждение в железа по изданному Петром Великим в 1706 г. «Морскому Уставу» (так называемому «Артикулу Карабельному») и по «Морским артикулам» 1710 г. сопровождалось оставлением на хлебе и воде с продолжительностью до 8 дней.

В заключение по обозначенному виду наказания следует также отметить, что посаждение в железа применялось и в качестве меры прещения после оглашения приговора о смертной казни до приведения в исполнение казни.

Арест и его виды. Выше отчасти описывалось значение ареста, или содержания за караулом, в общей системе воинских наказаний, установленной законодательством Петра I. Первоначально арест имел лишь один вид — взятие за караул, но с развитием в царствование Петра Великого военного права постепенно начинают выделяться и другие виды лишения свободы путем содержания под стражей, так что в Воинском уставе 1716 г., или, вернее, в Воинском артикуле, применялись: 1) содержание за караулом, 2) содержание на хлебе и воде, 3) закование в оковы, 4) особый вид ареста, установленный специально для офицерского состава, — арест у профоса. В сущности, все эти разновидности отличались только условиями отбывания наказания. Все они, как обычно, подразделялись на простые, строгие и усиленные аресты для

военнослужащих нижнего состава и домашний арест на гауптвахте — для офицеров.

Первоначальная форма ареста — взятие за караул, установленная как воинское наказание в Воинских статьях А. Вейде, по Краткому артикулу остается лишь наказанием для низших воинских званий, «полковники и майоры не могут быть приговорены за караул»¹¹ даже по судебным приговорам, и, таким образом, для штаб-офицеров появляются особые виды ареста: домашний и у профоса.

Арест за караулом не влек за собой никаких праволишений и не сопровождался телесными наказаниями. Он предполагал только содержание под наблюдением караула в тех местах, где учреждались караулы.

Арест за караулом отягчался иногда тем, что лицо содержалось на хлебе и воде. Этот вид ареста применялся исключительно в отношении военнослужащих в низших званиях и сопровождался посаждением в железа, тем самым не только лишая свободы, но и принося физические страдания. Оставление на хлебе и воде, без горячей пищи по петровским законам назначалось на срок до 2 недель.

Арест у профоса и институт профосов. Особым видом унижительного ареста, назначаемого преимущественно лицам офицерского состава, был арест у профоса. Для того чтобы понять значение этого вида ареста, следует остановиться на самом институте профосов, тем более что профосы были первыми специальными военно-полицейскими органами в русской армии.

Первые профосы в России появились в иностранных полках, сформированных еще в XVII столетии, по этой причине звание и должность профоса были заимствованы с Запада. Уложение Шереметьева (под названием гевальдигеров) и Краткий артикул узаконили данный институт, а в Воинском уставе 1716 г. он был утвержден в XLIII главе.

Первоначально на профос, или гевальдигер, возлагалась обязанность преследования нарушений и поддержания на суде обвинения, но по Воинскому уставу на них преимущественно были возложены функции полицейских в войсках: надзор за чистотой в местах расположения войск, лагерях, надзор за арестантами, исполнение некоторых телесных наказаний, передача преступника палачу на месте казни, нанесение удара по лицу за публичную клевету лжецам и клеветникам, если они приговаривались к такому виду наказания, раздевание проституток при изгнании их из лагеря и т.п. Все эти функциональные обязанности способствовали дурной славе профосов,

⁹ Записные тетради Петра Великого 1704, 1705, 1706 гг. Изд. 1794 г. С. 8. Выноска 1-я.

¹⁰ Румянцев В.Е. Музей. Отд. «Рукописи» // Сборник Кожевникова. № 13. С. 87.

¹¹ Краткий артикул. Гл. X. Ст. 10. С. 205.

и в конечном счете само название «профос» стало в народе ругательным словом.

В распоряжении полковых профосов состоял так называемый, палочный караул для охраны арестованных и железа для их скования. К ним присылались и провинившиеся офицеры для содержания под арестом, под наблюдением профоса.

Несомненно, подобные аресты для лица офицерского звания являлись мерами, направленными не только на лишение свободы, но и на честь и достоинство исключительно в нравственном, а не юридическом значении.

Таким образом, институт профосов представлялся одновременно и органом военнопалачей, поскольку он осуществлял функцию надзора за арестованными военнослужащими в местах заключения военного ведомства.

Законодатель в Воинском артикуле устанавливает ответственность профоса за бегство арестованных из мест лишения свободы.

Для того чтобы поддержать в армии авторитет крайне непопулярных профосов, хотя бы в кругу их специальных обязанностей, закон приравнивал сопротивление, оказанное профосу, к нарушению дисциплины. Однако такими мерами едва ли можно было вызвать хоть какое-то уважение к лицу, выполнявшему в войсках функцию тюремного надзирателя и полицейского органа, часто по своим служебным обязанностям отождествляемому с палачом.

Палачи. Хотя в штатных книгах не упоминается о военных палачах, но, по исследованиям русского поэта, публициста и переводчика XIX века М.П. Розенгейма¹², палачи, без всякого сомнения, существовали в войсках петровской эпохи. «В Воинском Уставе 1716 г., — говорит М.П. Розенгейм, — о палаче упоминается неоднократно»¹³: палачи подчинялись профосам, которые передавали им осужденных для приведения наказания в исполнение. По Воинскому артикулу, в силу установленных процедур осуществления смертной казни, осужденный до казни лишался оружия и мундира, затем профосом передавался под конвоем из нескольких солдат палачу для исполнения приговора. Та же процедура соблюдалась при наказании осужденного кнутом.

¹² Очерк истории военно-судебных учреждений в России. СПб., 1873. С. 145.

¹³ Московский отдел общего архива Главного штаба. Связка 1. Оп. 3.

Более подробных документальных сведений о положении военных палачей не имеется. Но, надо полагать, военные палачи комплектовались по тем же принципам, что и все другие палачи того времени. Новички в этом деле развивали свое мастерство, будучи учениками более опытных специалистов. Навыки палача были нелегкими. Вот как описывалось наказание розгами исследователем Н.Д. Сергеевским: «Удары кнутом наносились вдоль всей спины преступника, притом так, что к телу прикасался только хвост кнута, а не плетеная часть. При каждом ударе палач отходил на несколько шагов назад, взмахивал кнутом обеими руками над головою и, с громким криком, быстро приближаясь к преступнику, опускал кнут на его спину. Удары ложились вдоль спины параллельно; искусство палача заключалось в том, чтобы линия одного удара не пересекалась с линией другого. Палачи, — рассказывали очевидцы, — так хорошо знают свое дело, что редко ударяют два раза по одному месту; они могут класть удары к удару ровно, как бы размеряя их циркулем или линейкою. Сила ударов такова, что каждый пробивает кожу и кровь льется ручьями; кожа отставала кусками, вместе с мясом. После каждого удара палач рукою отирал с ремня кровь и приставшую кожу, а после нескольких, обыкновенно не более десяти, переменял размягчившийся от крови ремень...»¹⁴

Для достижения такого уровня мастерства нужен был долгий опыт, для которого, впрочем, в то время не было недостатка в материале.

Подводя итоги всему вышеизложенному, следует отметить, что виды и методы наказания в регулярной армии, созданной Петром I, соответствовали духу и требованиям той эпохи. Целью наказания, безусловно, являлось устрашение. Несомненно и то, что эта цель достигалась путем чрезмерной жестокости и бесчеловечности ее реализации, основанной на физических мучениях и страданиях человека. Следует также отметить, что развернутая Петром I политика реформирования всей страны, повсеместные и широкомасштабные строительства целых городов и иные грандиозные проекты в принципе и не предполагали гуманного обращения с населением, тем более с преступниками. Негуманное обращение с преступными элементами в российской армии будет сохраняться еще не одно столетие и после ухода в прошлое петровской эпохи.

¹⁴ Сергеевский Н.Д. Наказание в русском праве XVIII в. СПб., 1888. С. 69.

Литература

1. Акишин М.О. Судебная реформа Петра I : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М.О. Акишин. СПб., 2005. 250 с.
2. Сергеевский Н.Д. Наказание в русском праве XVIII в. / Н.Д. Сергеевский. СПб. : Издание книжного магазина А.Ф. Цинзерлинга, 1887. 300 с.

References

1. Akishin M.O. Sudebnaya reforma Petra I : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [The Judicial Reform of Peter I : author's abstract of thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / M.O. Akishin. Sankt-Peterburg — Saint Petersburg, 2005. 250 s.
 2. Sergeevsky N.D. Nakazanie v russkom prave XVIII v. [Punishment in the Russian Law of the XVIII Century] / N.D. Sergeevsky. Sankt-Peterburg : Izdanie knizhnogo magazina A.F. Tsinzerlinga — Saint Petersburg : publication of A.F. Tsinzerling's bookstore, 1887. 300 s.
-

DOI:10.18572/1812-3805-2018-2-22-26

К вопросу о налогообложении «инородческого» населения в Российской империи (по законодательным актам середины XVIII — второй половины XIX в.)

*Арсеньева Галина Витальевна,
доцент кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин
Международного юридического института,
кандидат юридических наук
galina.arsenjeva@yandex.ru*

*Шафигулина Светлана Равильевна,
доцент кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин
Международного юридического института,
кандидат юридических наук
sv-shafigulina@yandex.ru*

Статья посвящена исследованию системы налогообложения, а также практики взимания налогов в Российской империи. Эмпирическую базу исследования составили законодательные акты середины XVIII — второй половины XIX в. и архивные документы. На основе анализа российского законодательства середины XVIII — второй половины XIX в. исследуется государственная налоговая политика в отношении различных групп населения Российской империи, в частности населения национальных окраин. Особое внимание уделено прямому налогообложению «восточных инородцев», кочевых народов Сибири и Поволжья, принципам налоговой политики самодержавия в отношении них. Выявлено, что налоговая политика способствовала интеграции населения национальных окраин в имперское политико-территориальное и правовое пространство.

Ключевые слова: налоги, налогообложение, финансы, инородцы, население Российской империи, налогообложение инородцев, налоговая политика Российской империи, коренные народы Сибири, правовое регулирование, повинности.

On Taxation of the Non-Slavic Population in the Russian Empire (Based on the Legislative Acts of the Middle XVIII to the Second Half of the XIX Century)

*Arsenyeva Galina V.
Assistant Professor of the Department of Theory of Law and State
and Legal Disciplines of the International Law Institute
Candidate of Legal Sciences
Assistant Professor*

*Shafigulina Svetlana R.
Assistant Professor of the Department of Theory of Law and State
and Legal Disciplines of the International Law Institute
Candidate of Legal Sciences
Assistant Professor*

The article is devoted to the investigation of the taxation system, as well as the practice of tax collection in the Russian Empire. The empirical basis of the study was the legislative acts of the mid-18th — the second half of the 19th centuries and archival documents. On the basis of the analysis of the Russian legislation of the middle of the XVIII — the second half of the XIX centuries. the state tax policy in relation to various groups of the population of the Russian Empire, in particular the population of the national suburbs, is being investigated. Particular attention is paid to direct taxation of «Eastern strangers», nomadic peoples of Siberia and the Volga region, the principles of the tax policy of autocracy in relation to them. It was revealed that the tax policy promoted the integration of the population of the national suburbs into the imperial political and territorial and legal space.

Keywords: taxes, taxing, finance, minorities, the population of the Russian Empire, the taxation of minorities, taxation policy of the Russian Empire, indigenous peoples of Siberia, legal regulation, duty.

Налоговая политика государства и принципы распределения налогового бремени на подвластное население актуальны независимо от подхода к их исследованию или ретроспективного подхода к их исследованию. Обращение к историческому опыту позволяет понять государственно-правовую природу отечественной налоговой политики в отношении различных слоев, групп населения, определить основные векторы правительственной налоговой стратегии. В этом контексте представляют интерес правовые основы регламентации налогообложения той части населения России, которая традиционно именовалась «инородческой». В наиболее общем смысле под «инородцами» понималась особая категория подданных неславянского происхождения, обитавших на окраинах Российской империи.

Период империи в России отмечен многочисленными налоговыми реформами и преобразованиями, что обусловило активность законодательной деятельности в данной области. Исследование всей совокупности правового материала Российской империи необходимо для установления полноты правового регулирования и выявления особенностей развития налогового законодательства в рассматриваемый период.

Следуя словам А.Е. Алекторова, «если взглянуть на этнографическую карту Российской империи, всюду можно видеть инородцев: и на севере, и на востоке, и на юге, и на западе, и даже в самом центре России; живут они группами и сплошными массами; ими заняты обширные области, как Кавказ, средняя Азия, Финляндия, Сибирь, Дальний Восток и т.д.»¹. Расширение территориальных владений, включение в состав государственной территории периферийных районов превращал моноэтническое государство в полиэтничное. Включая в свой состав ту или иную территорию, начиная процесс ее освоения, законодатель ставил цель интеграции

ее в имперское политико-территориальное и правовое пространство, чему должна была способствовать налоговая политика.

В формально-юридическом плане процесс империостроительства сопровождался распределением налогового бремени на инородческие племена в форме дани (ясака) в пользу государства. По мере втягивания их в общероссийскую систему государственных, экономических и иных связей на них распространялись и другие виды податных обязанностей, например земские, которые мало или ничем не отличались от обычного крестьянского тягла. Следовательно, и инородцы, и русские крестьяне рассматривались как подданные государства и уравнивались в податном отношении (с известными изъятиями).

Включение инородцев (коренных народов Сибири и Поволжья) в сферу законодательной регламентации выразилось в установлении ясачной подати. Ясак был податью установленного размера, которой облагались все мужское население в возрасте от 18 до 50 лет, уплачиваемой преимущественно пушнина. Ясачная подать назначалась отдельно для каждого племени или рода: у башкир ясак был поземельным сбором, у якутов устанавливался в соответствии с количеством скота, у народов Сибири представлял собой поголовный сбор. Самодержавие преследовало еще одну цель, прослеживаемую в налоговой политике, в случае принятия христианства за инородцами признавался только ясак, а также они освобождались от рекрутской повинности². Проблемы имперского и национального строительства тесно переплетались в правительственной политике, и их решение должно было обеспечить развитие на перспективу.

Управление и налогообложение инородцев осуществлялось на основании Устава об управлении инородцами 1822 г.³, действовавшего вплоть до начала XX в. Устав 1822 г. регламентировал экономическую, администра-

¹ См.: Алекторов А.Е. Инородцы в России. С.-Петербург, 1906. С. 1.

² См.: ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXXIX. № 30011.

³ См.: ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXXVIII. № 29126.

тивную, судебно-правовую стороны жизни коренного населения. В соответствии с ним все обитающие в Сибири инородные племена именовались ясачными и были дифференцированы на три разряда «оседлых», «кочевых» и «бродячих». Основой деления служил принцип хозяйственного развития. Поразрядная система обуславливала и гражданское состояние коренных инородческих племен: «оседлые инородцы» приравнивались к сословию государственных крестьян во всех правах и обязанностях, кроме рекрутской (§ 18); «кочевые» приравнивались к крестьянам в налоговом отношении (§ 24); на «бродячих жителях» распространялись правила, «для кочующих постановленные» (§ 61).

Конечной целью поразрядной системы был переход «бродячих и кочевых жителей» в категорию оседлых, что отражало фискальные интересы власти⁴. Сбор податей возлагался непосредственно на родовое управление, которое распределяло налоговое бремя на каждое семейство, определяя его размер и форму «звериными шкурами или деньгами», в зависимости от «успеха промыслов и состояния каждого». Оценка ясака производилась в соответствии с ценностью «рухляди»: «для обыкновенной рухляди»: соболя, белки, красной лисицы и др. — определяется на каждые три года средняя цена (§ 331); «дорогая рухлядь»: черные и чернубурые лисицы — оцениваются в денежном выражении только в окружных присутствиях (§ 333). В Уставе об управлении инородцами налоговые вопросы не отличались детальной разработанностью, что компенсировалось иными правовыми актами. При обложении налогами учитывался ряд факторов: места обитания, промысловая деятельность, образ жизни. Существовавшая система налогообложения инородцев отличалась от общероссийской. Податная политика базировалась не на отношении к определенному разряду, а на материальном состоянии инородцев.

В 30-х годах XIX века в Сибирь была направлена вторая ясачная комиссия. Николай I лично отредактировал «наставление» комиссиям Западной и Восточной Сибири, которое включало более 60 пунктов, определяя задачи, состав и порядок действия. Основной задачей комиссий являлось обложение новой ясачной податью кочевых и бродячих «инородцев» Сибири.

В 1835 году Николай I своим указом утвердил новую единицу обложения (размер

ясачной подати)⁵. Согласно указу вышеназначенной комиссией было найдено инородцев до 186 тыс. душ, обязавшихся добровольно вносить в ясак до 23000 соболей, лисиц до 14000, а также иной ценной пушнины на сумму до 165 тыс. рублей. Инородцам было предоставлено право в случае «неулова зверей» вносить за них денежный эквивалент. В совокупном денежном и натуральном выражении ясак составлял около 450 тыс. руб. против 122 тыс. по окладу 1763 г. Общий размер ясачной ренты определялся положением от 3 марта 1835 г. и составлял 222 258 руб. серебром⁶. Выявление недоимок по ясачной подати заставило правительство предпринять меры по детальной регламентации налогового обложения. С этой целью инородцы были разделены на три разряда: оседлых, кочевых, бродячих — с определением подати; установлен масштаб ежегодной подати за каждым родом; определено назначение подати «известным родом зверей, или известным родом зверей и вместе с деньгами, или одними деньгами»; в случае «неулова зверей, положенных ко взносу, родовое управление имеет полную свободу внести всю часть другими зверьями по цене того трехлетия, в какое платеж будет производим, или же частью другими зверьями и частью деньгами, или же одними деньгами»⁷.

Удельный вес вновь положенного ясака в доходах «инородцев» по округам Западной Сибири колебался от 10 до 20%, в Восточной Сибири — от 11 до 52%, составляя соответственно в среднем 15 и 38%⁸. Аналогичные правила устанавливались в отношении налогообложения самоедов⁹.

Для «восточных инородцев» законодательством была создана система налоговых льгот, заключающаяся в полном или частичном освобождении от налоговых обязанностей. В случае частичного освобождения от уплаты налогов назначался временный период действия льготы¹⁰.

В 1822 году принимается Устав о сибирских киргизах¹¹. Согласно уставу сибирские

⁴ См.: Сибирь в составе Российской империи / отв. ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 230–231.

⁵ См.: ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. X. № 7917.

⁶ См.: Сибирь в составе Российской империи / отв. ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. С. 217.

⁷ См.: ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. X. № 7917.

⁸ См.: Дамешек Л.М. Сибирские инородцы в имперской стратегии власти // Современное историческое сибиреведение XVII — начала XX вв.: сб. научных трудов / под ред. Ю.М. Гончарова. Барнаул: Изд-во «Аз Бука», 2005. С. 258.

⁹ См.: ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. X. № 8071.

¹⁰ См.: ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XVI. № 12126.

¹¹ См.: ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXXVIII. № 29127.

киргизы принадлежали к сословию кочевых инородцев. Их кочевья разделялись на волости, включавшие в себя от 10–12 аулов, состоящих от 50 до 70 кибиток. Переписи киргизского населения не производилось. Приблизительный счет кибиток велся при составлении списков пересчета скота, производящегося через каждые три года¹².

Архивные материалы свидетельствуют, что правительство предоставляло отсрочку платежа подати, учитывая разные объективные обстоятельства: падеж скота вследствие суровой зимы¹³, падение спроса на скот на ярмарках¹⁴, падеж скота из-за чумы¹⁵. То есть отсрочка предоставлялась при условии невозможности (в силу объективных причин) уплаты налога, однако имелись достаточные основания предполагать, что возможность уплаты налога возникнет в течение срока, на который предоставлялась отсрочка.

Для кочевых народов в 1824 г. вводилась кибиточная подать, взимаемая с кочевых народов степных областей, среднеазиатских владений империи, с калмыков Астраханской и Ставропольской губерний. Единицей обложения служило переносное жилище кочевых народов (кибитка, юрта, саекля). Впервые кибиточная подать была введена для оренбургских киргизов. Размер ее варьировался от 1,50 до 6,50 руб. серебром с каждой кибитки¹⁶. В 1868 году кибиточная подать была введена взамен ясака для киргизов Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской, Тугайской областей.

Политику в области налогообложения характеризует не только возложение на все новых субъектов обязанности уплачивать прямые налоги, но и освобождение от уплаты налогов различных групп населения: в 1831 г. Высочайше утвержденное положение Сибирского комитета «О порядке взимания ясака с Сибирских киргизов в Каркаралинском и Кокчетаевском округах» устанавливало, что старшие султаны, управляющие округами почетные киргизы, служащие в окружных приказах, освобождаются от ясачной подати¹⁷; в 1832 г. от ясачной подати Высочайше утвержденным положением Сибирского комитета «Об освобождении от ясака де-

тей и внуков тех инородцев Сибирских, кои пользуются правами личного дворянства» от 1 ноября 1832 г. освобождались дети и внуки сибирских инородцев «вследствие пожалования их гражданскими классными чинами, личным дворянством»¹⁸; в 1835 г. Высочайше утвержденным положением Комитета министров «О назначении пятилетней льготы переселяющимся из Турецких владений Российским подданным» от 30 апреля 1835 г. пятилетняя льгота от уплаты налогов была предоставлена переселяющимся из «Турецких владений Российским подданным»¹⁹; в 1846 г. Указ «О льготе от платежа податей кочевым жителям в Закавказском крае» от 3 сентября 1846 г. предоставил шестилетнюю налоговую льготу кочевым жителям Закавказского края, переходящим на оседлый образ жизни²⁰.

Налоговые льготы предусматривались в виде освобождения от уплаты конкретного налога отдельных категорий налогоплательщиков. Так, льготы предоставлялись и представителями господствующего семейства. В частности, льготу по платежу кибиточного сбора и других повинностей российский монарх даровал семействам покойного хана Ширгазы Айгувакова и султанов Баймухамеда Айгувакова и Ахмеда и Арслана Джантюриных²¹.

Освобождение от взимания подушной подати выступало в качестве права-привилегии, обладание которым отличало лиц привилегированных от непривилегированных. Законодатель предоставлял налоговые преимущества отдельным категориям плательщиков податей, путем изменения периодичности и сроков уплаты налогов. Так, переход от кочевого к оседлому образу жизни сопровождался освобождением от уплаты подымной подати сроком на 6 лет²², а также уменьшением налогового бремени²³. К концу XIX столетия кочевые народы Сибири, Поволжья были включены в налоговую юрисдикцию Российского государства.

Политика правительства была направлена на сближение статуса дворянского сословия независимо от племенной принадлежности. Государственная налоговая политика второй половины XVIII — первой половины XIX в. определялась рядом факторов: складывани-

¹² См.: Внутренняя киргизская орда (краткий статистический очерк). Астрахань, 1891. С. 6.

¹³ Фонды Государственного архива Астраханской области (ГААО). Ф. 1. Оп. 8. Ед. хр. 713. Л. 2, 5.

¹⁴ Там же. Л. 7.

¹⁵ Там же. Л. 88.

¹⁶ См.: Тоакушин А.В. История налогов в России. М.: Юрист, 2001. С. 69.

¹⁷ См.: ПСЗ РИ. Собр. II. Т. VI. № 4584.

¹⁸ См.: ПСЗ РИ. Собр. II. Т. VII. № 5721.

¹⁹ См.: ПСЗ РИ. Собр. II. Т. X. № 8097.

²⁰ См.: ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XXI. № 20377.

²¹ Фонды Российского государственного исторического архива (РГИА). Ф. 573. Оп. 12. Ед. хр. 13239.

²² Там же. Ф. 573. Оп. 12. Ед. хр. 13052, 13056, 13290.

²³ Там же. Ф. 573. Оп. 12. Ед. хр. 13164.

ем сословного общества, потребностями экономического развития, ростом потребностей государства в финансовых средствах, расстройством финансов в результате войн, освоением окраинных территорий.

Податную политику российского самодержавия по отношению к инородческому населению характеризует дифференцированный подход к разным категориям инородцев. Законодательная определенность налогообложения стала ключевым принципом, проявлением которого стало определение субъектов податной обязанности, распределение налоговой нагрузки. Границы притязаний государства определялись его потребностями, а также имущественным потенциалом населения. Предоставляя налогоплательщикам те или иные налоговые льготы, государство активизировало воздействие налогового регулятора на социально-экономические процессы. Формы и способы предоставления налоговых льгот в России в рассматриваемый период были достаточно разнообразны: освобождение от

налога отдельных социальных групп, полное или частичное освобождение прибыли, дохода или другого объекта от налогообложения, отнесение убытков на доходы будущих периодов.

Региональная налоговая политика последовала в конечном итоге цели политической и экономической интеграции страны, установления социальной, правовой и административной идентичности, с учетом своеобразия традиционного уклада, хозяйственной деятельности. Законодательство обрело целенаправленный характер, соответствовавший фискальным интересам российского самодержавия.

Налоговая политика в России второй половины XVIII — первой половины XIX в. определялась рядом факторов: процессами формирования сословного общества, потребностями экономического развития, ростом потребностей государства в финансовых средствах, расстройством финансов в результате войн, освоением окраинных территорий.

Литература

1. Алекторов А.Е. Инородцы в России / А.Е. Алекторов. С.-Петербург : Тип. И.В. Леонтьева, 1906. 134 с.
2. Дамешек Л.М. Сибирские инородцы в имперской стратегии власти / Л.М. Дамешек // Современное историческое сибиреведение XVII — начала XX вв. : сборник научных трудов / под ред. Ю.М. Гончарова. Барнаул : Изд-во «Аз Бука», 2005. С. 256–266.
3. Сибирь в составе Российской империи / отв. ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. М. : Новое литературное обозрение, 2007. 368 с.
4. Толкушин А.В. История налогов в России / А.В. Толкушин. М. : Юрист, 2001. 432 с.

References

1. Alektorov A.E. Inorodtsy' v Rossii [Non-Slavs in Russia] / A.E. Alektorov. Sankt-Peterburg : Tip. I.V. Leontyeva — Saint Petersburg : I.V. Leontyev's printing office, 1906. 134 s.
2. Dameshek L.M. Sibirskie inorodtsy' v imperskoj strategii vlasti [Siberian Non-Slavs in the Imperial Power Strategy] / L.M. Dameshek // Sovremennoe istoricheskoe sibirevedenie XVII — nachala XX vv. : sbornik nauchny'kh trudov / pod red. Yu.M. Goncharova. Barnaul : Izd-vo "Az Buka" — Modern Historical Siberian Studies of the XVII to the Early XX Century : collection of research works / edited by Yu.M. Goncharov. Barnaul : Az Buka publishing house, 2005. S. 256–266.
3. Sibir v sostave Rossiyskoy imperii / отв. ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев [Siberia as a Part of the Russian Empire / publishing editors L.M. Dameshek, A.V. Remnev] Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie — Moscow : New Literary Overview, 2007. 368 s.
4. Tolkushin A.V. Istoriya nalogov v Rossii [The History of Taxes in Russia] / A.V. Tolkushin. Moskva : Yurist — Moscow : Lawyer, 2001. 432 s.

DOI:10.18572/1812-3805-2018-2-27-31

Влияние судебной практики на развитие законодательства с начала оформления российской государственности и до середины XVII в.

Удодова Мария Андреевна,
аспирант кафедры теории государства и права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
udodova.mari@mail.ru

В настоящей статье автором рассматриваются аспекты применения судебной практики при составлении законодательных актов за период с начала оформления российской государственности и до середины XVII века. Актуальность исследования вызвана тем, что в настоящее время внимание к судебной практике как фактору совершенствования законодательства повышается. Обращение к истории права показывает, что на протяжении рассматриваемого периода судебная практика выступает не только фактором, обеспечивающим наиболее точное отражение состояния законодательства, но и постоянным «поставщиком» материала, который получает законодательное закрепление. Наиболее активно судебная практика воздействует на законодательные акты Древней Руси, первые писанные источники права по большей части состояли из судебных решений. Автор приходит к выводу, что судебная практика являлась одним из источников при составлении таких законодательных сборников, как Русская Правда, Судебник 1497 года, Судебник 1550 года, Соборное Уложение 1649 года.

Ключевые слова: судебная практика, судебные решения, законодательство, совершенствование законодательства, источник правотворчества.

The Influence of Judicial Practice on the Legislation Development from the Beginning of Formation of the Russian Statehood to the Middle of the XVII Century

Udodova Maria A.
Postgraduate Student of the Department of Theory of State and Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

In this article the author reviews the issue of the application of judicial practice in the drafting of legislative acts for the period from the formation of Russian statehood and until the middle of the 17th century. The relevance of the study is due to the fact that currently attention to judicial practice as a factor of improving legislation is increasing. Appeal to the history of law shows that during the period under review, judicial practice is not only a factor that provides the most accurate reflection of the state of legislation, but also a constant "supplier" of material that receives legislative consolidation. The most active judicial practice influences the legislative acts of Ancient Russia, the first written sources of law for the most part consisted of judicial decisions. The author comes to the conclusion that the judicial practice was one of the sources of such legislative acts as the Russian Truth, the Code of Law of 1497, the Code of Law of 1550, the Council Code of 1649.

Keywords: judicial practice, judicial decisions, legislation, legislation improvement, the source of lawmaking.

В истории развития российского права немалую роль сыграла судебная практика. Еще в период Древнерусского государства судебная практика являлась фактором, который во многом определял не только содержание законодательных норм, но и перспективы закрепления в законодательстве обществен-

ных отношений. Многие положения, вырабатываемые судебной практикой, постепенно инкорпорировались в писанные источники права. В современной научной литературе активно обсуждается значение судебной практики для совершенствования законодательства. В связи с этим представляет интерес

рассмотрение судебной практики как фактора развития законодательства в историческом аспекте, с начала оформления российской государственности и до середины XVII в.

Небезынтересно отметить, что на формирование и дальнейшее развитие правовых систем различных государств также оказала значительное влияние судебная практика. В Древнем Риме большое значение имела судебная деятельность, которая осуществлялась претором. Именно претор выносил решения о том, какие притязания получают защиту со стороны государства и будет ли подаваться иск. Таким способом осуществлялось перманентное развитие права и обеспечивалась его актуальность для изменяющейся общественной жизни.

С усилением императорской юрисдикции положение преторов постепенно ослабевало. Тем не менее, богатое наследие судебной деятельности преторов составило значительную часть содержания более поздних кодифицированных актов, например Дигестов Юстиниана.

Одним из источников законов других древних государств также являлась судебная практика. К примеру, Законы Ману и Законы Хаммурапи представляли собой сборники судебного права, смешанные с религиозными и моральными предписаниями.

В зависимости от состояния правовой системы степень участия суда и судебной практики в развитии законодательства в периоды становления российской государственности не одинакова. Однако недопустимо умалять роль суда и судебной практики в развитии законодательства. Как утверждает В.С. Нерсесянц, судебная практика, не будучи правотворчеством, является одним из важных источников для правотворчества¹. При подготовке крупнейших законодательных актов в той или иной степени использовалась судебная практика соответствующего исторического периода.

Обращаясь к начальному периоду оформления российской государственности, Е.Н. Трубецкой отмечает, что во времена, когда еще не было правильно организованной государственной, а следовательно, законодательной власти, правовые нормы создавались по поводу отдельных конкретных случаев, т.е. путем прецедента, который затем закреплялся обычаем². Законодательство не способно

предвидеть всего и заключает в себе неизбежные проблемы, которые разрешаются судебной практикой. При поступлении на рассмотрение суда гражданского спора, который не предусмотрен законодательно, суд рассматривает дело на основании правовых начал, не закрепленных в законодательстве. Решением единичного казуса устанавливается прецедент, как общая правовая норма для всех аналогичных случаев. В дальнейшем созданные судом нормы постепенно закрепляются в законодательных актах.

Активная роль судебной практики в формировании норм права Древнерусского государства прослеживается на примере первого писаного сборника правовых норм. Вопрос об источниках Русской Правды как древнейшего законодательного акта в истории до сих пор не решен однозначно.

Как указывает В.И. Сергеевич, источники, которыми пользовался составитель Русской Правды, сводятся к судебной практике и княжеским уставам³. Княжеские суды руководствовались обычаями, которые записывались в сборник посредством судебной практики. В качестве примера автор приводит статью из сборника, которая позволяет мстить: «В случае убийства брат мстит за брата, сын за отца, отец за сына, дядя за племянника», и называет указанные положения отзвуком судебной практики.

А.Н. Филиппов, рассматривая источники Русской Правды, помимо бесспорного обычного права, выделяет княжеские уставы, судебные решения и византийское право. Он утверждает: «Одним из источников Русской Правды следует считать судебные решения, частью воспроизводимые этим памятником в их первоначальном виде, по большей же части обобщенные в юридические нормы, причем, конечно, уже утрачивался их казуальный характер»⁴.

Как указывает Н.Л. Дювернуа, судебная практика является одним из элементов, которым определяется древнее право. Право всегда ясно. Нужно найти только меру, которой бы определялась степень обиды. Нужно, чтобы эта мера была установлена твердо и постоянно. Итак, с одной стороны, требуются внешние признаки, которые не оставляли бы сомнений в том, что произошло, с другой — твердые цифры штрафов. Русская Правда определяет и то и другое. Из редакций

¹ Нерсесянц В.С. Суд не законодательствует и не управляет, а применяет право // Судебная практика как источник права. М., 1997. С. 34–41.

² Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. СПб., 1998. С. 77–78.

³ Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. 3-е изд. СПб., 1910. С. 82–84.

⁴ Филиппов А.Н. Учебник истории русского права. М., 1907. С. 116.

Русской Правды нам известно о частом применении штрафов, и что за неспособностью уплатить штраф следовало рабство. Размеры штрафов устанавливались практикой⁵.

Редакции Русской Правды постепенно пополнялись материалами, выработанными судебной практикой. Пространная Правда, в отличие от предшествовавших ей редакций Краткой Правды, которые содержали в основном нормы уголовного права и процесса, пополнилась нормами гражданского права. Так, в Пространной Правде получили закрепления нормы о поклаже, как передаче имущества на хранение, процентах, последствиях несостоятельности, также упоминалось о наследстве.

В современных научных исследованиях, посвященных правовой природе Русской Правды, также прослеживается тенденция признания роли судебной практики в качестве источника древнейшего законодательного акта.

Так, по мнению К.В. Петрова, Русскую Правду следует рассматривать как сборник судебных решений, отобранных в качестве образцов и имеющих рекомендательный характер для лиц, наделенных от имени князя судебной властью, в случаях, когда правовой обычай был не в состоянии регулировать общественные отношения. В данном случае роль судебной практики возрастает, ввиду того, что правовые положения, содержащиеся в судебных решениях, имеют правосполняющее значение⁶.

В формировании древнерусского права большое значение имело юридическое разрешение отдельных казусов, по которым князь по собственному усмотрению выносили конкретные решения. Со временем судебная практика обобщает решения по конкретным делам в юридическую норму. Некоторые решения из судебной практики были включены в Русскую Правду; примечательно, что в Краткой и Пространной редакциях Русской Правды содержатся ссылки на конкретные случаи судебных решений⁷.

Таким образом, наглядно прослеживается роль судебной практики в формировании законодательства Древнерусского государства. Генезис первого писаного свода законов Древней Руси представляет собой обобщение

конкретных судебных решений. Судебная практика, получившая признаки единообразия, кодифицировалась в единый письменный источник права — Русскую Правду.

Образование Московского государства (XIV–XVII) ознаменовалось появлением общегосударственных актов, основой для формирования которых послужила сложившаяся судебная практика периода Древней Руси. Практика суда, которая становилась общепризнанной, очерчивала определенный круг общественных отношений, которые в дальнейшем получали законодательное закрепление. Так, источником формирования Судебника 1497 г. стало обычное право, а также нормы Русской Правды, судебной практики и литовского законодательства. И.А. Исаев отмечает, что если Русская Правда была сводом обычных норм и судебных прецедентов и своеобразным пособием для поиска нравственной и юридической истины («правды»), то Судебник стал прежде всего инструкцией для организации судебного процесса («суда»)⁸. Судебник 1497 г. в свою очередь послужил первоисточником для Судебника 1550 г. Таким образом, судебная практика Древней Руси оказала определенное воздействие не только на формирование права, но и процесс образования Русского централизованного государства⁹.

Появление официальных сборников юридических норм не прекращало развития законодательства путем издания отдельных грамот и указов. Примечательно, что под грамотами Московского государства понимаются акты воли князя или веча не только законодательного, но и судебного характера. Так, изданный официально кодекс в течение известного времени применялся в судебной практике. Узаконения, изданные в дополнение к составленному кодексу, впоследствии входили в состав норм нового кодекса, который являлся на смену прежнему, тем самым происходило постепенное обновление и дополнение прежнего законодательства свежим юридическим материалом, выработанным практически¹⁰.

Особую группу грамот Московского государства составляют судные грамоты, содержание которых определялось нормами процессуального характера, а также положение

⁵ Дювернуа Н.Л. Источники права и суд в древней России. Опыт по истории русского гражданского права. М., 1869. С. 48.

⁶ Петров К.В. К вопросу о правовой природе Русской Правды // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 1. С. 67–77.

⁷ Агафонов А.В. Происхождение и источники древнерусского права (VI–XII вв.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006. С. 10, 19.

⁸ Исаев И.А. История отечественного государства и права: учебник. М., 2012. С. 82.

⁹ Гук П.А. Судебная практика как форма судебного нормотворчества в правовой системе России: общетеоретический анализ: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. С. 79.

¹⁰ Филиппов А.Н. Указ. соч. С. 235–236.

ниями гражданского и уголовного права. Такие известные исторические памятники, как Псковская и Новгородская судные грамоты, в последующем являлись одним из важнейших источников Судебника 1497 г.

Судебную практику в качестве одного из источников судебныхников признают большинство исторических деятелей. Серьезный интерес при изучении вопроса влияния судебной практики на законодательные акты вызывают правовые грамоты, т.е. документы, содержащие приговоры феодального суда. Кроме того, большое значение историками придается таким судебным актам, как судные списки, подписные и докладные. Учеными-историками высказывается мнение, что, поскольку данные судебные акты являются творением высшей судебной инстанции, они не могут быть заподозрены в искажении правды, а значит, именно на их основании должна определяться степень отношения Судебника 1497 г. к существующей до его принятия судебной практике¹¹.

Правовые грамоты юридически закрепляли права привилегированного феодального землевладения, итогом многочисленных судебных земельных тяжб являлась передача земли феодалам и отказ в иске крестьянам. В середине XV в. получают широкое распространение судебные разбирательства по земельным тяжбам в части пересмотра прав на средства производства. Сложившаяся судебная практика о выдаче феодалам правовых грамот была тесно связана с юридическим оформлением феодальной зависимости. Значительная часть правовых грамот относится к концу XV в., периоду развития феодально-крепостнических отношений. Практика феодального суда получила закрепление в Судебнике 1497 г., многочисленные земельные тяжбы стали получать свое разрешение на основе единого законодательного источника права.

Привлекает внимание следующая точка зрения, высказанная в литературе. Составители нормативных правовых актов Древней и средневековой Руси занимались законописанием, для которого основой служили не средства и приемы законодательной техники, а правовые обычаи, судебные решения и княжеские уставы, которым придавалась форма закона. Закрепление в законодательстве конкретных ситуаций явилось причиной казуистичности Соборного уложения 1649 г., статьи которого представляли собой не столько

составы преступлений, сколько взятые из жизни различные «правовые сюжеты»¹².

Тем не менее, в XVIII в. получают осмысление практические аспекты правотворческой деятельности. К проблеме создания законодательства, его постоянному совершенствованию, приведению в соответствие с направлением развития общества в известном социально-экономическом трактате «Книга о скудости и богатстве» обращается И.Т. Посошков. Он указывает, что установление «праведного и нелицеприятного суда» является приоритетной задачей для обеспечения «правды» в государстве. Мыслитель поднимает одну из актуальных правовых проблем царствования Петра I — создание нового уложения (взамен Соборного уложения 1649 г.).

В рамках проведения масштабной работы по созданию нового уложения, по мнению И.Т. Посошкова, необходимо изучить как древнее, так и новое законодательство, а также использовать иностранное законодательство, которое может быть пригодно для России. Кроме того, при составлении нового акта необходимо принять во внимание разрешение в судебной практике новых случаев, которые еще не отражены в действующих писаных источниках права¹³.

Таким образом, генезис законодательства Древней и Средневековой Руси характеризуется непосредственным влиянием судебной практики. Наиболее активно судебная практика воздействует на законодательство Древней Руси, «поставляя» нормы права для законодательного закрепления. Послужив основой для Русской Правды, судебные решения инкорпорируются в более поздние законодательные сборники. Так, судебная практика является одним из источников для формирования таких крупнейших законодательных актов, как Судебник 1497 г., Судебник 1550 г., Соборное уложение 1649 г. Положительный результат влияния судебной практики на законодательство выражается, во-первых, в отражении в законодательных актах наиболее востребованных общественных отношений соответствующего периода, а во-вторых, в обеспечении постоянного развития права.

Исторические аспекты применения судебной практики при составлении законодательных актов обладают ценностью в связи с

¹¹ Мейчик Д.М. Грамоты XIV и XV в. Московского архива Министерства юстиции. Исследование. М., 1883. С. 25–54.

¹² Ситникова А.И. Соборное уложение 1649 г. как законописный правовой памятник // История государства и права. 2010. № 22. С. 24–26.

¹³ Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. М., 1951. С. 80–81.

повышением актуальности вопроса воздействия судебной практики на законодатель-

ство в современной правовой системе российского государства.

Литература

1. Агафонов А.В. Происхождение и источники древнерусского права (VI–XII вв.) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Агафонов. Казань, 2006. 22 с.
2. Гук П.А. Судебная практика как форма судебного нормотворчества в правовой системе России: общетеоретический анализ : дис. ... д-ра юрид. наук / П.А. Гук. М., 2012. 409 с.
3. Дювернуа Н.Л. Источники права и суд в древней России. Опыты по истории русского гражданского права / Н.Л. Дювернуа. М. : Универ. тип., 1869. 416 с.
4. Исаев И.А. История отечественного государства и права : учебник / И.А. Исаев. М. : Проспект, 2012. 432 с.
5. Мейчик Д.М. Грамоты XIV и XV в. Московского архива Министерства юстиции. Исследование / Д.М. Мейчик. М. : Типография А.Ф. Снегирева, 1883. 168 с.
6. Нерсесянц В.С. Суд не законодательствует и не управляет, а применяет право / В.С. Нерсесянц // Судебная практика как источник права / отв. ред. Б.Н. Топорнин. М. : Институт государства и права РАН, 1997. С. 34–41.
7. Петров К.В. К вопросу о правовой природе Русской Правды / К.В. Петров // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 1. С. 67–77.
8. Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения / И.Т. Посошков. М. : Изд-во АН СССР, 1951. 411 с.
9. Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права / В.И. Сергеевич. 3-е изд. СПб. : Типография М.М. Стасюлевича, 1910. 680 с.
10. Ситникова А.И. Соборное уложение 1649 г. как законописный правовой памятник / А.И. Ситникова // История государства и права. 2010. № 22. С. 24–26.
11. Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права / Е.Н. Трубецкой. СПб. : Юрид. ин-т, 1998. 183 с.
12. Филиппов А.Н. Учебник истории русского права / А.Н. Филиппов. М. : Юрьев, 1907. 732 с.

References

1. Agafonov A.V. Proiskhozhdenie i istochniki drevnerusskogo prava (VI–XII vv.) : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [The Origin and Sources of the Old Russian Law (the VI to the VII Century) : author's abstract of thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / A.V. Agafonov. Kazan — Kazan, 2006. 22 s.
2. Guk P.A. Sudebnaya praktika kak forma sudebnogo normotvorchestva v pravovoy sisteme Rossii: obscheteoreticheskiy analiz : dis. ... d-ra yurid. nauk [Judicial Practice as a Form of Judicial Rule Making in the Russian Legal System: General Theoretical Analysis : thesis of ... Doctor of Law] / P.A. Guk. Moskva — Moscow, 2012. 409 s.
3. Duvernois N.L. Istochniki prava i sud v drevney Rossii. Opyty' po istorii russkogo grazhdanskogo prava [Sources of Law and Court in the Ancient Russia. Experiments on the History of Russian Civil Law] / N.L. Duvernois. Moskva : Univer. tip. — Moscow : the University printing office, 1869. 416 s.
4. Isaev I.A. Istoriya otechestvennogo gosudarstva i prava : uchebnik [The History of National State and Law : textbook] / I.A. Isaev. Moskva : Prospekt — Moscow : Prospect, 2012. 432 s.
5. Meychik D.M. Gramoty' XIV i XV v. Moskovskogo arkhiva Ministerstva yustitsii. Issledovanie [The XIV and XV Century Charters of the Moscow Archive of the Ministry of Justice. Research] / D.M. Meychik. Moskva : Tipografiya L.F. Snegireva — Moscow : the L.F. Snegirev's printing office, 1883. 168 s.
6. Nersesyants V.S. Sud ne zakonodatelstvuet i ne upravlyaet, a primenyaet pravo [The Court neither Makes Laws nor Governs but Applies Law] / V.S. Nersesyants // Sudebnaya praktika kak istochnik prava / отв. ред. Б.Н. Топорнин. Moskva : Institut gosudarstva i prava RAN — Judicial Practice as a Source of Law / publishing editor B.N. Topornin. Moscow : the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 1997. S. 34–41.
7. Petrov K.V. K voprosu o pravovoy prirode Russkoy Pravdy' [On the Legal Nature of the Russkaya Pravda] / K.V. Petrov // Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal — Leningrad Law Journal. 2016. № 1. S. 67–77.
8. Pososhkov I.T. Kniga o skudosti i bogatstve i drugie sochineniya [The Book on Poverty and Wealth and Other Writings] / I.T. Pososhkov. Moskva : Izd-vo AN SSSR — Moscow : the publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1951. 411 s.
9. Sergeevich V.I. Lektzii i issledovaniya po drevney istorii russkogo prava [Lectures on and Research of the Ancient History of Russian Law] / V.I. Sergeevich. 3-e izd. Sankt-Peterburg : Tipografiya M.M. Stasyulevicha — 3rd edition. Saint Petersburg : M.M. Stasyulevich's printing office, 1910. 680 s.
10. Sitnikova A.I. Sobornoe ulozhenie 1649 g. kak zakonopisny'y pravovoy pamyatnik [The Council Code of 1649 as a Legislative Monument] / A.I. Sitnikova // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2010. № 22. S. 24–26.
11. Trubetskoy E.N. Entsiklopediya prava [Encyclopedia of Law] / E.N. Trubetskoy. Sankt-Peterburg : Yurid. in-t — Saint Petersburg : Institute of Law, 1998. 183 s.
12. Filippov A.N. Uchebnik istorii russkogo prava [Textbook of the Russian Law History] / A.N. Filippov. Moskva : Yuryev — Moscow : Yuryev, 1907. 732 s.

Проблемы периодизации развития судебной системы Бессарабии в составе Российской империи в XIX в.

*Калякина Анна Валерьевна,
доцент Приднестровского государственного
университета имени Т.Г. Шевченко
kanz@spsu.ru*

В статье рассматриваются варианты периодизации развития судебной системы Бессарабии в составе Российской империи в XIX в., выявляются недостатки имеющихся периодизаций и предлагается периодизация, которая выделяет наиболее важные этапы развития судебной системы Бессарабии.

Ключевые слова: периодизация, судебная система, Бессарабия.

The Issues of Periodization of the Development of the Judicial System of Bessarabia as a Constituent Entity of the Russian Empire in the XIX Century

*Kalyakina Anna V.
Assistant Professor of the Pridnestrovian State University*

In the article consider variants of the periodization of development of the judiciary Bessarabia as part of the Russian empire in XIX century, reveal defects of available periodizations and offer the periodization, that distinguish the most important stages of development of the judiciary of Bessarabia.

Keywords: periodization, judiciary, Bessarabia.

В настоящее время основным направлением российских исследований судебной реформы 1864 г. является изучение проведения преобразований на территориях, в настоящее время входящих в состав Российской Федерации (европейская часть России, Сибирь и Дальний Восток), и совершенно не изучаются особенности проведения судебной реформы на национальных окраинах Российской империи, в настоящее время входящих в состав независимых государств, — Украины, Польши, Молдовы, Эстонии, Литвы, Латвии и др.

Многочисленные конференции, прошедшие в связи с 150-летием судебной реформы 1864 г., мало затронули эти проблемы¹.

¹ См.: Судебные реформы в контексте истории российской государственности: к 150-летию Судебных уставов 1864 г. (к 10-летию юридического факультета Курского государственного университета) : сборник материалов X междунауч. науч.-практ. конф.; Курск, 31 октября — 1 ноября 2014 г. / отв. ред. И.В. Сахневич. Курск : Курск. гос. университет, 2014. 87 с.; Судебная реформа: исторические и теоретические аспекты : материалы I Междунауч. науч.-практ. конф. (24–25 ноября 2014 г.) / сост.: Б.Б. Сулейманов (отв. ред.). М. : РПА Минюста России, 2015. 394 с.;

Актуальность исследования особенностей проведения судебной реформы на национальных окраинах Российской империи заключается в том, что это позволяет выявить общие и особенные черты и закономерности проведения судебной реформы, характерные как для великорусских губерний, так и для регионов, где проживали представители титульной нации. Это позволяет сформулировать предложения по совершенствованию механизмов политико-правовых преобразований (в том числе преобразований судебно-процессуальной формы) в многонациональных государствах, актуальных и для начала XXI в.

Но для исследования процесса подготовки и реализации судебной реформы 1864 г. на той или иной территории необходим

Российская судебная реформа: история и современность (к 150-летию принятия судебных уставов): сборник статей Междунауч. науч.-практ. конф. / под ред. Н.Г. Карнишиной. Пенза : Приволжский Дом знаний, 2015. 132 с.; Судебная реформа 1864 года: история и современность: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Саранск, 27 ноября 2014 г.) / редкол.: С.В. Штанов (отв. ред.), В.Н. Мартышкин, С.М. Плешаков. Саранск : ЮрЭксПрактик, 2014. 104 с.

комплексный подход, предполагающий изучение не только тех судебных учреждений, которые формировались в соответствии с судебными уставами, но и той системы судов, которые предшествовали преобразованиям на всех этапах развития данной части Российской империи. Наиболее полное представление об общих закономерностях и особенностях такого развития дает научно обоснованная периодизация развития того или иного правового института или системы государственных учреждений. В данной работе надлежит исследовать предложенные в научной литературе периодизации становления и развития судебной системы Бессарабии в составе Российской империи в XIX в. (именно в данный период произошли становление и наиболее важные изменения в системе судебных учреждений данной территории).

Предложенные исследователями государственно-правового развития Бессарабии в составе Российской империи периодизации становления и развития ее административной и судебной систем можно условно подразделить на 2 группы.

Первая группа периодизаций связана с исследованиями административно-территориального устройства Бессарабской области в целом, затрагивающими в случаях необходимости и судебные учреждения.

Так, И.А. Анцупов и В.И. Жуков, исследуя реформы управления Бессарабией с 1812 по 1828 г., выделили 3 этапа развития аппарата управления области: 1812–1816 гг., 1816–1818 гг., 1818–1828 гг.²

А.В. Сурилов, изучая место и роль Верховного Совета Бессарабской области в системе органов бессарабской автономии, выделил 4 этапа развития аппарата управления области: 1812–1816 гг., 1816–1818 гг., 1818–1820 гг. и 1820–1828 гг.³

Г.К. Федоров, изучая государственно-административное устройство Бессарабии, выделял этапы: 1812–1818 гг., 1818–1828 гг., 1828 — 60-е гг. XIX в.⁴

Я.С. Гросул выделял следующие периоды в управлении Бессарабской области в 1812–1828 гг.: 1806–1812, 1812–1816, 1818–1828⁵.

И, наконец, М.Б. Булгаков, В.Я. Гросул и Э.Г. Истомина, изучая систему управления Молдавии в составе России в XVIII — начале XX в., выделили три наиболее общих периода: административно-территориальная система Молдавии в XVIII в., система управления Молдавии в первой половине XIX в. (с выделением следующих хронологических отрезков: 1806–1812 гг., 1812–1816 г., 1816–1818 гг., 1818–1824/25 гг., 1814/25–1828 гг., с 1828 г. до середины XIX в.); административное устройство Молдавии во второй половине XIX — начале XX в.⁶

К недостаткам указанных периодизаций относится прежде всего ограниченность предметного подхода к исследованию проблемы. Каждый исследователь, исходя из предмета своих исследований, предлагал свой подход к проблеме периодизации развития административно-территориального устройства Бессарабии. Однако такой узкоспециальный подход к периодизации не позволял исследователям уделить особое внимание становлению и развитию собственно судебных учреждений.

Вторую группу периодизаций составляют периодизации развития собственно судебной системы Бессарабской области (губернии).

К такого рода периодизациям прежде всего следует отнести предложение С.К. Захарии выделить следующие этапы введения судебной системы в Бессарабии в хронологических рамках с 1812 г. (год аннексии восточной части Молдавского княжества, ликвидации бывшей судебной системы княжества на этой территории и внедрения новой системы суда и процесса) по 1869 г. (внедрение в Бессарабии новой системы суда и судопроизводства, адекватной общероссийской)⁷:

1) 1812–1818 гг. — когда судебно-процессуальная система Бессарабии почти копировала судебную систему Молдавского княжества;

2) 1818–1825 гг. — когда судебно-процессуальная система Бессарабии отличалась

² Анцупов И.А., Жуков В.И. Реформы в управлении Бессарабией с 1812 по 1828 г. // Ученые записки КГУ. Т. 26. 1957. С. 147–158.

³ См.: Сурилов А.В. Верховный совет Бессарабской области по «Уставу образования» 1818 г. // Ученые записки Кишиневского государственного университета. Т. 52. Кишинев, 1960. С. 109–114.

⁴ См.: Федоров Г.К. Государственно-административное устройство и местное право Бессарабии (1812–1917 гг.). Кишинев : Изд-во Кишиневского государственного университета, 1974. С. 43–61.

⁵ См.: Гросул Я.С. Автономия Бессарабии в составе России 1812–1828 гг. // Гросул Я.С. Труды по истории Молдавии. Кишинев : Изд-во «Штиинца», 1982. С. 137–203.

⁶ Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. М. : Славянский диалог, 1998. С. 163–180.

⁷ Захария С.К. Влияние российского законодательства на судопроизводство и судопроизводство Бессарабии 1812–1869 гг. : автореф. ... дис. д-ра ист. наук. Кишинев, 2003. С. 10.

значительным преобладанием влияния российского законодательства (двухфункциональная апелляционная палата, состоящая из уголовного и гражданского судов; цинутные суды во главе с исправниками, напоминающие молдавскую систему, но отличающиеся от нее выборностью судей из бояр; чисто бессарабский юридический институт — Верховный совет как апелляционная и кассационная инстанции; использование молдавского и русского языков в процессе; обоснование решений гражданских дел на молдавском законодательстве и обычном праве, а уголовных — с применением русских законов в тех случаях, когда недостаточны были молдавские);

3) 1824–1825 гг. — когда судебно-процессуальная система Бессарабии характеризовалась отходом от выборности судей, лишением Верховного совета судебной и кассационной функций, передачей имперскому Сенату кассационной функции, а также подчинением Сенату судебных учреждений области; Сенату предписывалось руководствоваться молдавским законодательством при разрешении бессарабских дел);

4) 1828 г. — когда из судопроизводства был изъят молдавский язык и ведение его производилось на русском языке (с переводом в случае необходимости на родной язык);

5) 1836 г. — возвращение на 7 лет молдавского языка в судебную практику при подаче жалоб, заключении договоров, составлении завещаний, доверенностей и других официальных документов⁸.

Недостатком этой, как и всех вышеназванных, периодизации являются, во-первых, ограниченные хронологические рамки, не позволяющие рассмотреть процесс формирования и развития судебной системы Бессарабской области (губернии) во всей его сложности и поступательности. На наш взгляд, хронологическими рамками следует отхватить период с 1806 г. (когда Российская империя, заняв территорию Дунайских княжеств, приступила к постепенной замене феодальных по сути органов управления и суда на более современные учреждения) до, как минимум, конца XIX в. (когда созданная в ходе реализации на территории Бессарабии судебной реформы 1864 г. система судебных учреждений подверглась реструктуризации в период так называемых контрреформ).

Во-вторых, недостатком предложенной периодизации является то, что критерии, по-

ложенные в ее основу, размыты: собственно этапы развития судебных учреждений дополнены элементами судопроизводства, из которых автором выделены источники и языки судопроизводства.

В-третьих, недостатком периодизации С.К. Захарии является ее незаконченность и фрагментарность, не позволяющие выделить действительно важные изменения, происходившие в судебной системе Бессарабской области в составе Российской империи на том или ином этапе ее развития. Примером неполноты примененного С.К. Захарией подхода является его заявление о «копировании» судебной системы Молдавского княжества в период с 1812 по 1818 г. Как мы увидим ниже, уже в 1812 г. для Бессарабской области были характерны как элементы сенаторского управления⁹, так и совершенно отличные от системы Молдавского княжества элементы управления — сосредоточение верховной власти в руках командующего русской армией на Дунае, создание областного правительства, обладающего важнейшими полномочиями в области гражданского управления территорией. С введением в действие в 1813 г. Правил временного управления Бессарабией была сформирована особая судебная система, которая состояла из следующих инстанций: исправник — общее собрание Бессарабского областного правительства — Правительствующий Сенат. Важнейшие изменения эта система претерпела в 1818 г., после введения в действие Устава образования Бессарабской области от 29 апреля 1818 г.¹⁰. После 1820 г. сформированная в соответствии с Уставом 1818 г. система судебных учреждений начала видоизменяться.

В-четвертых, недостатком предложенной С.К. Захарией периодизации является отсутствие характеристики системы судебных учреждений начиная с 1828 г., когда после вступления в силу с 15 марта 1828 г. Учреждения для управления Бессарабской областью¹¹ началось реформирование органов суда области в целях приближения судебной системы Бессарабии к судебным системам внутрироссийских губерний. Этот процесс продолжался до 1864 г., когда на территории Бессарабской области началась подготовительная работа к введению судебных уставов 1864 г. С введением на основании императорского

⁹ Кассо А.В. Россия на Дунае и образование Бессарабской области. М.: Печатня А. Снегиревой, 1913. С. 195.

¹⁰ ПСЗРИ. Собрание первое. Т. XXXV. № 27357.

¹¹ ПСЗРИ. Собрание второе. Т. III. № 1834.

⁸ Там же. С. 12.

Указа от 3 ноября 1869 г.¹² в Бессарабии новых судебных учреждений начался следующий этап развития судебной системы области, который завершился в 1889 г. с введением на территории Бессарабии в соответствии с Именным указом от 12 июля 1889 г. «О преобразовании местных крестьянских учреждений и судебной части в Империи»¹³ Положения о земских участковых начальниках, Правил об устройстве судебной части в местностях, в которых введено означенное Положение, Временных правил о волостном суде в тех же местностях, Правил о порядке при введении в действие Положения о земских участковых начальниках¹⁴.

¹² ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XLIV. Отделение второе. № 47617.

¹³ ПСЗРИ. Собрание третье. Т. IX. № 6195.

¹⁴ ПСЗРИ. Собрание третье. Т. IX. № 6196.

Таким образом, периодизация истории становления и развития судебной системы Бессарабии в составе Российской империи в XIX в. должна включать в себя следующие этапы:

1. 1806–1812 гг.
2. 1813–1818 гг.
3. 1818–1820 гг.
4. 1820–1828 гг.
5. 1828–1864 гг.
6. 1864–1869 гг.
7. 1869–1889 гг.
8. С 1889 г. до начала XX в.

Именно подобная периодизация дает, на наш взгляд, представление о наиболее важных этапах развития бессарабской судебной системы в XIX в. и позволяет с более научных позиций приступить к исследованию общих закономерностей и особенностей проведения судебной реформы 1864 г. на территории Бессарабии.

Литература

1. Анцупов И.А. Реформы в управлении Бессарабией с 1812 по 1828 г. / И.А. Анцупов, В.И. Жуков // Ученые записки КГУ. 1957. Т. 26. С. 145–159.
2. Гросул Я.С. Автономия Бессарабии в составе России 1812–1828 гг. / Гросул Я.С. // Труды по истории Молдавии. Кишинев : Изд-во «Штиинца», 1982. 316 с.
3. Захария С.К. Влияние российского законодательства на судоустройство и судопроизводство Бессарабии 1812–1869 гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / С.К. Захария. Кишинев, 2003. 19 с.
4. Кассо Л.В. Россия на Дунае и образование Бессарабской области / Л.В. Кассо. М. : Печатня А. Снегиревой, 1913. 230 с.
5. Сурилов А.В. Верховный совет Бессарабской области по «Уставу образования» 1818 г. / А.В. Сурилов // Ученые записки Кишиневского государственного университета. 1960. Т. 52. С. 109–114.
6. Федоров Г.К. Государственно-административное устройство и местное право Бессарабии (1812–1917 гг.) / Г.К. Федоров. Кишинев : Изд-во Кишиневского государственного университета, 1974. 142 с.

References

1. Antsupov I.A. Reformy v upravlenii Bessarabiei s 1812 po 1828 g. [Reforms in Administration of Bessarabia from 1812 to 1828] / I.A. Antsupov, V.I. Zhukov // Ucheny'e zapiski KGU — Scholarly notes of the Kishinev State University. 1957. Vol. 26. S. 145–159.
2. Grosul Ya.S. Avtonomiya Bessarabii v sostave Rossii 1812–1828 gg. [Autonomy of Bessarabia as a Part of Russia in 1812 to 1828] / Grosul Ya.S. // Trudy' po istorii Moldavii. Kishinev : Izd-vo "Shtiintsa" — Works on the History of Moldavia. Kishinev : Shtiintsa publishing house, 1982. 316 s.
3. Zakhariya S.K. Vliyanie rossiyskogo zakonodatelstva na sudoustroystvo i sudoproizvodstvo Bessarabii 1812–1869 gg. : avto-ref. dis. ... d-ra ist. nauk [The Influence of the Russian Laws on the Judicial Structure and Judicial Proceedings of Bessarabia in 1812 to 1869 : author's abstract of thesis of ... Doctor of History] / S.K. Zakhariya. Kishinev — Kishinev, 2003. 19 s.
4. Kasso L.V. Rossiya na Dunae i obrazovanie Bessarabskoy oblasti [Russia on the Danube and the Establishment of the Bessarabia Region] / L.V. Kasso. Moskva : Pechatnya A. Snegirevoy — Moscow : A. Snegireva's printing office, 1913. 230 s.
5. Surilov A.V. Verkhovny'y sovet Bessarabskoy oblasti po "Ustavu obrazovaniya" 1818 g. [The Supreme Council of the Bessarabia Region under the Charter of Establishment of 1818] / A.V. Surilov // Ucheny'e zapiski Kishinevskogo gosudarstvennogo universiteta — Scholarly notes of the Kishinev State University. 1960. Vol. 52. S. 109–114.
6. Fedorov G.K. Gosudarstvenno-administrativnoe ustroystvo i mestnoe pravo Bessarabii (1812–1917 gg.) [State and Administrative Structure and Local Law of Bessarabia (1812 to 1917)] / G.K. Fedorov. Kishinev : Izd-vo Kishinevskogo gosudarstvennogo universiteta — Kishinev : publishing house of the Kishinev State University, 1974. 142 s.

Институты альтернативного (внесудебного) разрешения споров в советской России периода 50–80-х гг. XX в.

*Алексеева Татьяна Вениаминовна,
адвокат Адвокатской палаты города Москвы,
аспирант Российского университета дружбы народов
tba777@mail.ru*

В статье автор раскрывает вопрос о существовании институтов внесудебного разрешения правовых споров в эпоху СССР, когда современного понятия «альтернативное разрешение споров» не существовало. Однако автор полагает, что указанные организации, с определенными оговорками, можно отнести к институтам альтернативного (внесудебного) разрешения споров, выполняющим как функции разрешения правовых споров, так и примирительные функции.

Ключевые слова: альтернативное разрешение споров, третейский суд, общественные суды, суды чести, товарищеский суд.

The Institutions of Alternative (Extrajudicial) Dispute Resolution in the Soviet Russia in the 1950s to 1980s

*Alekseeva Tatyana V.
Member of the Moscow Chamber of Lawyers
Postgraduate Student of the Peoples' Friendship University of Russia*

In the article, the author explores the issue concerning existence of institutions of out-of-court resolution of legal disputes during the USSR period when there was no modern concept of "alternative dispute resolution". But the author believes that the said institutions subject to certain reservations can be attributed to institutions of alternative (out-of-court) dispute resolution that perform both functions of resolution of legal disputes and conciliation functions.

Keywords: alternative dispute resolution, out-of-court resolution of legal disputes, arbitration court, social courts, comrades' court, courts of honour.

В современной российской научной и публицистической литературе достаточно часто обсуждаются вопросы развития и деятельности институтов альтернативного (внесудебного) разрешения споров. Причина повышенного интереса, скорее всего, кроется в понимании целесообразности интеграции названных структур в гражданское общество и изменении концепции функционирования отечественной судебной системы.

В большинстве публикаций названная тема раскрывается на материалах, разработанных зарубежными специалистами и анонсированных ими в процессе судебного-правовой реформы, начатой после развала СССР в 90-е гг. XX в. На самом деле институты альтернативного (внесудебного) разрешения споров в нашей стране существовали и в эпоху СССР задолго до указанной реформы, но сфера их применения в силу специфики социально-правового устройства и экономического уклада государства была ограничена определенными рамками.

Необходимо отметить, что в основе функционирования названных институтов разрешения

споров в советскую эпоху была положена идеологическая парадигма, основанная: на воспитании у граждан коммунистического отношения к труду; на сохранении социалистической собственности; на соблюдении правил социалистического общежития; на развитии у советских людей чувства коллективизма, товарищеской взаимопомощи и уважения. В связи с этим была определена среда применения альтернативных (внесудебных) институтов, в основном она охватывала гражданско-правовые отношения, затрагивала морально-нравственные аспекты и вопросы профессиональной этики.

В советском обществе во второй половине 50-х гг. XX в. наиболее авторитетной структурой в сфере разрешения хозяйственных споров был третейский суд, названный впоследствии некоторыми исследователями институтом «экономического правосудия»¹.

Правовой основой образования и деятельности этого института стало Постановление Со-

¹ Клеандров М.И. Экономическое правосудие в России: прошлое, настоящее, будущее. М., 2006. С. 5.

вета Министров СССР от 23 июля 1959 г. «Об улучшении работы государственного арбитража», в котором утверждалась новая форма общественного участия в разрешении хозяйственных споров между юридическими лицами: предприятиями, организациями и учреждениями. На основании п. 4 названного постановления 31 августа 1960 г. были утверждены Временные правила рассмотрения хозяйственных споров третейскими судами. Временные правила императивно устанавливали, что до предъявления иска в органы государственного арбитража предприятия, организации и учреждения обязаны направлять претензию другой стороне и принимать необходимые меры к урегулированию споров. В дальнейшем 30 декабря 1975 г. было издано Постановление Госарбитража при Совете Министров СССР № 121 «О Третейском суде для разрешения хозяйственных споров между объединениями, предприятиями, организациями и учреждениями». Здесь следует отметить характерную особенность: третейские суды формировались сторонами для разрешения конкретного единичного спора.

В 1964 году вышло Положение о третейском суде, включенное в качестве Приложения № 3 к Гражданскому процессуальному кодексу РСФСР. Согласно статье 1 Положения о третейском суде в третейский суд могли передаваться любые споры между гражданами, за исключением споров, вытекающих из трудовых и семейных отношений.

Важно отметить, что вопросам деятельности третейского суда в рассматриваемый период пристальное внимание уделялось не только законодателем, но и судебными органами. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РСФСР от 19 марта 1969 г. № 48 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» было разъяснено, что в тех случаях, когда спор может быть передан на рассмотрение третейского суда в соответствии с Положением о третейском суде, судья обязан разъяснить сторонам их право на заключение договора о передаче спора на разрешение третейского суда, предупредить истца и ответчика о последствиях этого.

В отличие от третейских судов сфера деятельности общественных судов затрагивала интересы трудящихся, действовавших на государственных и общественных предприятиях с количеством работников более 25 человек. В компетентность общественных судов попадали дела с ценой иска не выше 200 рублей, мелкие кражи, хулиганство и клевета. В основном данные институты применяли меры воспитательного воздействия. Постановления общественных судов обжалованию не подлежали. К общественным судам относились: сельские общественные суды, производственно-товарище-

ские суды, колхозные суды, аульные, туземные и жилищные суды. Все они активно действовали в 30–40-е гг. XX в.

Несмотря на широкое распространение, статус общественных судов в 40–50-е гг. прошлого века должным образом не был урегулирован. Неоднократные попытки усиления позиций общественных судов со стороны заинтересованных лиц, в частности Министерства юстиции, позитивных результатов не давали. В качестве основного аргумента против развития названных институтов был представлен тезис о разных целевых задачах деятельности общественных судов и в этой связи невозможности создания единого регламентирующего документа (положения)². В результате активного противодействия продвижению общественных судов и их интеграции в советскую судебную систему данные структуры практически перестали существовать.

Еще одной действующей в то время внесудебной, альтернативной формой можно назвать суды чести, которые получили распространение в конце 40-х гг. прошлого века, после выхода в свет 28 марта 1947 г. постановления Совмина СССР и ЦК ВКП(б) «О судах чести в министерствах СССР и центральных ведомствах»³.

Согласно этому постановлению, в каждом ведомстве создавался особый орган — «суд чести», на который возлагалось «рассмотрение антипатриотических, антигосударственных и антиобщественных поступков и действий, совершенных руководящими, оперативными и научными работниками министерств СССР и центральных ведомств, если эти проступки и действия не подлежат наказанию в уголовном порядке»⁴. Разработчики данного документа (его авторство приписывают И.В. Сталину и А.А. Жданову) наделили суды чести компетенцией, которая позволяла принимать решения, не подлежавшие обжалованию.

Безусловно, суды чести в большей степени были «политическим инструментом», нежели институтом разрешения споров и конфликтов, их назначение соответствовало духу времени. Создание названных органов, с одной стороны, обеспечивало видимость существования общественного контроля над деятельностью чиновников, с другой стороны, показывало степень

² Кодинцев А.Я. Общественные суды в СССР в 30–50-е годы XX в. [Электронный ресурс]. URL: http://www.juristlib.ru/book_5507.html (дата обращения: 20.12.2017).

³ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о судах чести в министерствах СССР и центральных ведомствах 28 марта 1947 года // Источник. 1994. № 6. С. 68–69.

⁴ Сталин И.В., Жданов А.А. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о судах чести в министерствах СССР и центральных ведомствах 28 марта 1947 года // Сталин И.В. Сочинения. Т. 18. Тверь, 2006. С. 441.

развития советской демократии. Функционирование судов чести в министерствах и центральных ведомствах было недолгим, однако данный институт успешно прижился в армии и советской милиции.

Как альтернативные институты внесудебно-го разрешения конфликтов в указанный период следует также выделить товарищеские суды.

В.А. Фомин назвал товарищеские суды «одним из советских ноу-хау в сфере разрешения споров вне суда. Эти суды, являясь негосударственными органами, могли принимать решение о применении к гражданам мер общественного порицания, штрафных санкций и ходатайствовать перед руководством о применении мер дисциплинарного воздействия. Они имели право рассматривать гражданские, дисциплинарные, административные и даже мелкие уголовные дела. Их решения могли обжаловаться, но не в суд, а в профсоюзный орган или исполком местного Совета. Решение такого суда могло быть принудительно исполнено после подтверждения его в суде путем выдачи исполнительного листа. Несмотря на достаточно авторитарный характер деятельности таких судов, они имели определенные преимущества перед государственными судами, так как дело рассматривалось неформально, его рассмотрение ориентировалось на будущее, то есть не на вынесение решения по конкретному делу, а на установление отношений между работником и коллективом. Такие суды имели своей целью не наказание, а воспитание, и в этом их позитивная сторона»⁵.

Правовая основа организации и деятельности товарищеских судов закладывалась в проекте Положения «О товарищеских судах на предприятиях и в учреждениях» 1951 г., а повсеместное юридическое закрепление институт товарищеских судов получил после выхода Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 июля 1961 г. «Об утверждении Положения о товарищеских судах». Впоследствии был подготовлен Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 11 марта 1977 г. «Об утверждении Положения о товарищеских судах и Положения об общественных советах по работе товарищеских судов». Названные документы в качестве основной задачи деятельности товарищеских судов определили: «предупреждение правонарушений и проступков, наносящих вред обществу, воспитание людей путем убеждения и общественно-го воздействия, создание обстановки нетерпимости к любым антиобщественным поступкам»⁶.

⁵ Фомин В.А. Развитие альтернативных способов разрешения споров в России [Электронный ресурс]. URL: <https://notariat.ru/publ/zhurnal-notarialnyj-vestnik/archive/13398/13426> (дата обращения: 20.12.2017).

⁶ Указ Президиума ВС РСФСР от 11.03.1977 «Об утверждении Положения о товарищеских судах

В компетенцию товарищеских судов входили вопросы из различных сфер жизни общества, поэтому влияние данного института в советском государстве оставалось значительным и неформальным. Ограничения юрисдикции товарищеских судов касались дел о правонарушениях и гражданско-правовых спорах, по которым уже были вынесены приговоры или судебные решения.

По данным Е.И. Филиппова, «в 80-х годах прошлого века в СССР насчитывалось свыше 300 тыс. товарищеских судов, куда входило более 1,5 млн человек. Товарищеские суды являлись составной частью системы мер борьбы с правонарушениями и аморальными проступками»⁷.

Автор высказал суждение о наличии в СССР общественно-товарищеской формы защиты права, определил, что «товарищеские суды являлись юрисдикционными органами, не осуществляющими правосудие». Он считал, что «товарищеские суды — одна из форм участия рабочих и служащих в управлении государственными и общественными делами, включая управление производством»⁸.

Е.И. Филиппов указывал на то, что «правоохранительная функция товарищеских судов достаточно широка и распространяется также в определенных пределах на предприятия, учреждения, организации, колхозы, иные кооперативные организации, их объединения, другие общественные организации»⁹.

Выводы, сделанные вышеназванным автором, не бесспорны. Однако суждения о признании общественно-товарищеского судопроизводства частью социалистического правосудия отвечают идеологической концепции того времени и вполне вписываются в историческую действительность.

В довоенный и послевоенный периоды в СССР одним из вопросов, часто рассматриваемым партийными и комсомольскими организациями, был вопрос о профессиональной этике трудящихся. Конфликтные ситуации разбирались специально созданными комиссиями, выступавшими в роли арбитров при разрешении споров, возникавших в отдельных ведомствах.

Безусловно, названные структуры нельзя напрямую отнести к альтернативным внесудебным институтам, но их деятельность во многом напоминала работу примирительных органов, ко-

и Положения об общественных советах по работе товарищеских судов» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант» (дата обращения: 20.12.2017).

⁷ Филиппов Е.И. Проблемы правового регулирования общественно-товарищеского судопроизводства в СССР : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1981. С. 2.

⁸ Там же. С. 8.

⁹ Там же. С. 7.

торые, руководствуясь «социалистическим правосознанием», разрешали споры и локальные конфликты не только в этической, но и в правовой сфере.

В качестве примера можно привести деятельность комиссий по профессиональной этике, существовавших в структуре первичных организаций Союза журналистов СССР, которые рассматривали помимо этических и вопросы соблюдения авторских прав. Необходимо подчеркнуть, что специального внутрикорпоративного нормативного акта, закреплявшего принципы профессиональной этики, не существовало, поэтому образованный в этой части пробел компенсировался «социалистическим правосознанием» членов названных комиссий, состоявших в большей массе из ветеранов журналистики, сознание которых базировалось на коммунистической морали¹⁰.

Поводом для разбирательств комиссий могли быть: а) конфликты, возникшие на почве неприязненных отношений; б) нарушение авторских прав; в) жалобы граждан на поведение

журналистов; г) официальные письма граждан; д) материалы, поступившие из партийных или следственных органов.

Комиссии по профессиональной этике отдаленно напоминали посредников, задача которых сводилась к локализации и сглаживанию конфликтных ситуаций. Отличительной чертой названных комиссий в советскую эпоху было активное вмешательство в их деятельность партийных органов, которые использовали эти структуры для решения политико-пропагандистских и морально-этических задач.

Полагаем, что вышеназванные организации с определенными оговорками можно отнести к институтам альтернативного (внесудебного) разрешения споров, выполнявшим в условиях социалистического уклада как функции разрешения правовых споров, так и примирительные функции, однако имевшим свою специфику и существенное отличие от ныне действующих институтов альтернативного разрешения споров. Необходимо отметить, что главное отличие состоит в отсутствии в современных институтах альтернативного (внесудебного) разрешения споров идеологического компонента и наличия четко сформулированных целей и задач работы.

¹⁰ Федотов М.А. Средства альтернативного разрешения споров в сфере массовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.indem.ru/Proj/SudRef/prav/SreAltRazSpoSMI.htm> (дата обращения: 20.12.2017).

Литература

1. Клеандров М.И. Экономическое правосудие в России: прошлое, настоящее, будущее / М.И. Клеандров. М. : Волтерс Клувер, 2006. 600 с.
2. Кодинцев А.Я. Общественные суды в СССР в 30–50-е годы XX в. [Электронный ресурс]. URL: http://www.juristlib.ru/book_5507.html (дата обращения: 20.12.2017).
3. Сталин И.В., Жданов А.А. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о судах чести в министерствах СССР и центральных ведомствах 28 марта 1947 года / И.В. Сталин, А.А. Жданов // Сталин И.В. Сочинения. Т. 18. Тверь : Информационно-издательский центр «Союз», 2006. 786 с.
4. Федотов М.А. Средства альтернативного разрешения споров в сфере массовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.indem.ru/Proj/SudRef/prav/SreAltRazSpoSMI.htm> (дата обращения: 20.12.2017).
5. Филиппов Е.И. Проблемы правового регулирования общественно-товарищеского судопроизводства в СССР : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Е. Филиппов. Свердловск, 1981. 33 с.
6. Фомин В.А. Развитие альтернативных способов разрешения споров в России [Электронный ресурс]. URL: <https://notariat.ru/publ/zhurnal-notarialnyj-vestnik/archive/13398/13426> (дата обращения: 20.12.2017).

References:

1. Kleandrov M.I. Ekonomicheskoe pravosudie v Rossii: proshloe, nastoyashee, budushee [Economic Justice in Russia: the Past, the Present and the Future] / M.I. Kleandrov. Moskva : Volters Kluver — Moscow : Wolters Kluver, 2006. 600 s.
2. Kodintsev A.Ya. Obschestvenny'e sudy' v SSSR v 30–50-e gody' XX v. [Social Courts in the USSR in the 1930s to 1950s] [Elektronny'y resurs — Electronic source]. URL: http://www.juristlib.ru/book_5507.html (reference date: December 20, 2017).
3. Stalin I.V., Zhdanov A.A. Postanovlenie Politbyuro TsK VKP(b) o sudakh chesti v ministerstvakh SSSR i tsentralny'kh vedomstvakh 28 marta 1947 goda [Decree of the Political Bureau of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks on the Courts of Honor in the Ministries of the USSR and the Central Offices of March 28, 1947] / I.V. Stalin, A.A. Zhdanov // Stalin I.V. Sochineniya. T. 18. Tver : Informatsionno-izdatelskiy tsentr "Soyuz" — Stalin I.V. Writings. Vol. 18. Tver : the Union information and publishing center, 2006. 786 s.
4. Fedotov M.A. Sredstva alternativnogo razresheniya sporov v sfere massovoy informatsii [Means of Alternative Resolution of Disputes in the Mass Media Sector] [Elektronny'y resurs — Electronic source]. URL: <http://www.indem.ru/Proj/SudRef/prav/SreAltRazSpoSMI.htm> (reference date: December 20, 2017).
5. Filippov E.I. Problemy' pravovogo regulirovaniya obschestvenno-tovarischeskogo sudoproizvodstva v SSSR : avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk [Issues of Legal Regulation of Community Proceedings in the USSR : author's abstract of thesis of ... Doctor of Law] / E. Filippov. Sverdlovsk — Sverdlovsk, 1981. 33 s.
6. Fomin V.A. Razvitiye alternativny'kh sposobov razresheniya sporov v Rossii [Development of Alternative Means of Dispute Resolution in Russia] [Elektronny'y resurs — Electronic source]. URL: <https://notariat.ru/publ/zhurnal-notarialnyj-vestnik/archive/13398/13426> (reference date: December 20, 2017).

Генезис российского законодательства о судебных решениях в уголовном судопроизводстве

*Беляев Максим Владимирович,
заместитель Председателя Верховного Суда Республики Татарстан,
профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин
Казанского филиала Российского государственного
университета правосудия, кандидат юридических наук
2216406@mail.ru*

В статье рассматриваются основные вехи развития российского уголовно-процессуального законодательства о судебных решениях. Автор приходит к выводу о том, что законодательство в данной сфере развивалось достаточно медленно и консервативно. Современные виды приговоров — обвинительный и оправдательный — были сформированы в результате судебной реформы 1864 г. В отличие от ряда других институтов уголовно-процессуального права, чье поступательное развитие было прервано октябрьской революцией, нормы, регламентирующие судебные решения в уголовном процессе, в целом продолжили свое поступательное развитие и не подверглись сломам или иным принципиальным изменениям. Современный этап развития российского уголовно-процессуального права отличают существенные по сравнению с предыдущим периодом изменения в правовом регулировании видов решений, принимаемых судом в ходе уголовного судопроизводства, оснований и процессуального порядка их принятия. Требования, предъявляемые к судебным решениям, наполняются новым содержанием в свете решений Европейского суда по правам человека, разъяснений Верховного Суда Российской Федерации, отраженных в постановлениях Пленума Верховного суда.

Ключевые слова: судебные решения, уголовное судопроизводство, развитие законодательства, приговор, определение суда.

Genesis of the Russian Laws on Court Rulings in the Criminal Proceedings

*Belyaev Maksim V.
Deputy Presiding Judge of the Supreme Court of the Republic of Tatarstan
Professor of the Department of Criminal and Legal Disciplines
of the Kazan branch of the Russian State University of Justice
Candidate of Legal Sciences*

The article considers the main milestones in the development of the Russian criminal procedure legislation on judicial decisions. The author comes to the conclusion that the legislation in this area has developed quite slowly and conservatively. The modern types of sentences — accusatory and acquittal — were formed as a result of the judicial reform of 1864. Unlike several other institutes of criminal procedure, whose progressive development was interrupted by the October Revolution, the rules governing judicial decisions in the criminal process as a whole continued their progressive development and were not subjected to scrapping or other fundamental changes. The current stage in the development of Russian criminal procedure law is distinguished by significant changes in the legal regulation of the types of decisions taken by the court in the course of criminal proceedings, the grounds and the procedural order for their adoption, as compared with the previous period. The requirements for judicial decisions are filled with new content in the light of the decisions of the European Court of Human Rights, the explanations of the Supreme Court of the Russian Federation reflected in the decisions of the Plenum of the Supreme Court.

Keywords: judicial decisions, criminal proceedings, development of legislation, verdict, court ruling.

Развитие законодательства о судебных решениях в российском уголовном процессе на протяжении нескольких веков можно определить как достаточно консервативное, изменяющееся медленно и поступательно. Чаще всего положения и идеи, касающиеся судебных ре-

шений, требований, которые к ним предъявляются, свойств и признаков судебных решений, развивались не на законодательном, а на доктринальном уровне и уровне правоприменения.

Отдельные правовые предписания, определяющие порядок вынесения приговора, со-

держались в Русской Правде и ее ранней редакции — Краткой Правде, судебниках 1497 г. и 1550 г., Соборном уложении 1649 г. и в ряде других нормативно-правовых актов¹. Следует отметить, что выносимые в то время приговоры можно отнести скорее к квази-судебным решениям, поскольку разрешение уголовных дел в условиях смешения функций судебных и административных органов осуществлялось различными органами, относящимися к исполнительной власти — губными старостами, воеводами, Боярской думой, магистратами, различными приказами, Синодом, царем и т.д. В 1832 году была проведена первая в российской истории кодификация законодательства, которая внесла системность и упорядоченность в отечественное право, в том числе и уголовно-процессуальное. Появившийся в результате кодификации Свод законов Российской империи в целом сохранил дух и содержание законов XVII–XVIII вв. Ряд сего положений определял основные свойства приговора и его виды. В томе XV «Законы уголовные» Свода законов, в разделе II «Законы о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках», ст. 356 предусматривает беспристрастность и объективность суда при вынесении приговора, ст. 357 упоминает о точности в установлении обстоятельств, которые являются фактической основой для вынесения приговора, справедливости приговора; ст. 359 провозглашает законность приговора, указывая, что приговоры признаются недействительными, когда формы и обряды, предписанные для судопроизводства, были нарушены; ст. 360 определяет необходимость ясного и точного изложения приговора. Вынесенные приговоры согласно Законам о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках подлежали утверждению губернаторами². Приговоры могли быть обвинительными; оправдательными, которые выносились при полном отсутствии улик; а также приговоры с оставлением в подозрении, выносимые в случае, если при недостатке доказательств для вынесения обвинительного приговора есть некоторые улики. Процесс принятия решения по существу уголовного дела основывался на ознакомлении членов суда с выписками из уго-

ловного дела в отсутствие непосредственного восприятия и исследования доказательств. Выписки составлялись без наполнения их излишними обстоятельствами, в них помещались «только самые нужные предметы по материям, соединяя в них все течение и окончание происшествий»³.

Ключевым этапом в развитии отечественного уголовного процесса стала судебная реформа 1864 г., логически продолжившая другие важнейшие преобразования того времени. В результате этой реформы была создана новая система судебных органов, сформирован отвечающий в целом потребностям того времени порядок уголовного судопроизводства. Согласно Уставу уголовного судопроизводства к числу судебных решений были отнесены приговоры и определения. В приговорах решались вопросы о виновности, наказании, рассматривались решения суда по гражданскому иску, остальные вопросы, в том числе и вопрос о прекращении уголовного преследования, решались в частном определении. Решения, выносимые судебными следователями, именовались определениями. Статья 771 Устава уголовного судопроизводства определяла виды приговора: оправдательный, «об освобождении подсудимого от суда, когда преступное его деяние покрывается давностью, милостивым манифестом или другой законной причиной прекращения дела», обвинительный с назначением наказания. Приговоры с оставлением в подозрении были исключены из уголовного судопроизводства.

Статьи 893–894 Устава уголовного судопроизводства определяли круг вопросов, вынесенные по которым частные определения суда подлежали самостоятельному обжалованию⁴.

Приговор мог быть постановлен в присутствии подсудимого либо заочно. Заочный приговор мог быть вынесен мировым судьей в соответствии со ст. 133 Устава уголовного судопроизводства в случае, если обвиняемый в проступке, за который полагается наказание не свыше ареста, не явится и не пришлет поверенного к назначенному сроку или хотя и пришлет поверенного, но по такому делу, по которому он сам вызывался лично.

Вопросы, касающиеся судебных решений в уголовном процессе, стали предметом исследования ученых-процессуалистов конца XIX — начала XX в.⁵ Особое место среди этих

¹ См.: Чельцов-Бебутов М.А. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. М., 1957; Момотов В.В. Формирование русского средневекового права в IX–XIV вв. М., 2003; и др.

² См.: Свод Законов Российской империи. Т. 15 : Законы уголовные. СПб., 1857 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.runivers.ru/upload/iblock/c02/15.pdf> (дата обращения: 27.11.2017).

³ Чельцов-Бебутов М.А. Указ. соч. С. 739.

⁴ См.: Устав уголовного судопроизводства [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/57791498/49/> (дата обращения: 22.12.2017).

⁵ См., например: Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. СПб., 1913 С. 581–603; Таубер Л.Я.

исследований занимают труды И.Я. Фойницкого. Ученый писал о том, что «к постановке судебного решения направляются все процессуальные меры, все действия суда и сторон, оно есть заключительное звено процесса, та цель, к которой стремится все судебное разбирательство». В широком смысле судебное решение, по мнению автора, охватывает все ответы, которые даются судебной властью по любому вопросу, возникающему в уголовном деле и подлежащему судебному рассмотрению. «Судебное решение отвечает на возникший в деле вопрос, разрешает его и таким образом для отдельного частного случая создает закон...»⁶ Анализируя свойства судебного решения, И.Я. Фойницкий выделял в качестве основных следующие: надлежащая компетенция суда по его вынесению; законность; мотивированность; справедливость; обязательность исполнения для лиц, участвующих в деле. Рассматривая виды судебных решений, И.Я. Фойницкий в основу классификации кладет характер решаемых в судебном решении вопросов: частных либо основного вопроса уголовного дела — о виновности и наказании. Относительно судебного решения, решающего главный вопрос, ученый писал о том, что оно проходит несколько последовательных стадий, «являясь первоначально в наименее совершенной форме и постепенно развиваясь и совершенствуясь». На первой стадии оно называется «в общем порядке разбирательства резолюцией, а в мировом порядке — кратким приговором»⁷. Они представляют собой краткое изложение сущности решения, к которому суд пришел по данному делу. На дальнейшей стадии судебное решение именуется приговором или подробным приговором, который должен содержать более подробное изложение решения суда.

Оценивая развитие уголовно-процессуального законодательства о судебных решениях досоветского периода, следует отметить его позитивное поступательное развитие: среди судебных решений сформировались основные виды — приговоры и частные определения, с формированием самостоятельной и независимой системы судебных органов повысился статус суда как участника уголовного судопроизводства, принимающего юридически значимые решения, были определены основные виды приговоров.

Уголовный приговор и частное определение и их обжалование. СПб., 1913. С. 6–7 и др.

⁶ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. СПб.: Альфа, 1996. С. 341.

⁷ Там же. С. 342–343.

Слом старой системы уголовного судопроизводства после октябрьской революции 1917 г., попытка создания новой системы уголовного процесса, подчиненной потребностям построения советского общества, привели к отказу от многих прежних процессуальных институтов. Декретом о суде № 1 от 22 ноября (5 декабря) 1917 г. существующая судебная система была упразднена. Однако построение нового советского уголовного процесса в меньшей степени, нежели иные процессуальные институты, затронуло судебные решения, принимаемые в ходе производства по уголовным делам. Видами судебных решений, как и в дореволюционном уголовном процессе, оставались приговор и определение суда.

Изменения преимущественно подверглась процедура, в рамках которой принималось то или иное судебное решение, вопросы, по которым выносились определения, а также основания для принятия того или иного решения.

В отличие от ряда других институтов уголовно-процессуального права, чье поступательное развитие было прервано ходом истории (суд присяжных, институт мировой юстиции и т.д.), нормы, регламентирующие судебные решения в уголовном процессе, в целом продолжили свое поступательное развитие и не подверглись слому либо иным принципиальным изменениям.

Первыми решениями, которые мог принять суд в контексте стадийности уголовного судопроизводства, являлись решения, принимаемые на этапе предания обвиняемого суду. Статья 237 УПК РСФСР регламентировала, что суд по рассмотрении обвинительного заключения выносит определение о прекращении дела, или о направлении его к дальнейшему, или же об утверждении обвинительного заключения и о предании обвиняемого суду.

В качестве видов приговоров в ст. 326 обозначались обвинительный (с назначением наказания, с освобождением от наказания по амнистии или давности), а также оправдательный. Согласно данной статье в случаях, когда суд по внутреннему своему убеждению, основанному на обстоятельствах дела, признавал справедливым не подвергать подсудимого наказанию, он мог, изложив основания своего постановления, войти с ходатайством в Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета об освобождении осужденного от наказания. В статье 33 УПК РСФСР была определена структура приговора: он состоял из описательной и резолютивной частей, в соответствии со ст. 338 приговоры провозглашались именем РСФСР.

В статье 366 УПК РСФСР предусматривался особый вид приговора — выносимый судебным приказом. По делам о некоторых преступлениях народных судья в случаях явной бесспорности нарушения постановляя приговор судебным приказом без вызова сторон. Однако обвинитель и подсудимый, явившиеся к разбору дела, должны были быть допущены к даче объяснений в случае их о том просьбы. Судебные приказы не выносились по делам, в которых к обвиняемому был предъявлен гражданский иск.

Новый этап в развитии отечественного уголовного судопроизводства начался в 50-е гг. XX в., когда потребности общественного развития, обусловленные победами в Великой Отечественной войне, созданием ООН, наступлением хрущевской оттепели после смерти И.В. Сталина, поставили на повестку дня вопрос о необходимости кардинального обновления многих отраслей законодательства, в том числе и уголовно-процессуального.

В 1958 году были приняты Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и Союзных республик⁸ и на их основе в 1960 г. — Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. В основу этих процессуальных актов легли достижения науки и практики уголовного судопроизводства предыдущего периода, существенное влияние на их содержание оказали также выработанные международным сообществом стандарты в области обеспечения прав и свобод человека.

В Основах уголовного судопроизводства впервые были четко обозначены такие требования к приговору, как законность, обоснованность и мотивированность (ст. 43). Аналогичные нормы содержались и в ст. 301 УПК РСФСР. В качестве видов приговоров обозначались обвинительный и оправдательный. Указывались основания для постановления различных видов приговоров. В 1983 году в УПК РСФСР впервые как особый вид судебного решения было выделено частное определение (постановление) суда (ст. 21.2)⁹. В отличие от частного определения периода Устава уголовного судопроизводства, под которым понималось практически любое судебное решение, с современных позиций относимое к категории промежуточных, данный вид судебного решения имел

иное содержание. Частное определение — это особый вид судебного решения, который выносится для обращения внимания государственных органов, общественных организаций или должностных лиц на установленные по делу факты нарушения закона, причины и условия, способствовавшие совершению преступления и требующие принятия соответствующих мер.

Юридическая сила частного постановления обеспечивалась обязанностью лиц, которым оно было адресовано, не позднее чем в месячный срок принять необходимые меры и о результатах сообщить суду, его вынесшему.

Современный этап развития российского уголовно-процессуального права отличаются существенные по сравнению с предыдущим периодом изменения в правовом регулировании видов решений, принимаемых судом в ходе уголовного судопроизводства, оснований и процессуального порядка их принятия. Требования, предъявляемые к судебным решениям, наполняются новым содержанием в свете решений Европейского суда по правам человека, разъяснений Верховного Суда Российской Федерации, отраженных в постановлениях Пленума Верховного суда.

Принятие в 1991 г. Концепции судебной реформы РСФСР, в 1993 г. Конституции Российской Федерации, в 2001 г. Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации было сопряжено с переосмыслением роли, места и функций суда в уголовном судопроизводстве. Активно обсуждаемые в обществе и юридической науке идеи о реализации судом функций судебной власти посредством судопроизводства, воплотившиеся в правовые предписания, привели к изменению роли суда в уголовном процессе. Обусловленные потребностями времени идеи судебной защиты прав и свобод граждан, гарантированной Конституцией РФ, возможности ограничения важнейших конституционных прав и свобод граждан только на основании решения независимого и самостоятельного органа, свободного от ведомственных интересов, которым в уголовном процессе является суд, обусловили появление судебного контроля в досудебном производстве по уголовным делам. Согласно ч. 2 ст. 29 УПК РФ только суд стал правомочен принимать решения о применении наиболее строгих мер пресечения, а также производстве следственных и иных процессуальных действий, существенным образом затрагивающие важнейшие конституционные права и свободы граждан. В соответствии с ч. 3 ст. 29 и ст. 125 УПК РФ суд в ходе досудебного производства рассматривает жалобы на действия (бездействие) и ре-

⁸ Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. 25.12.1958 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://xn--e1aaejmenocxq.xn--plai/node/13878>

⁹ Эта статья была введена Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 08.08.1983. См.: Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1983. № 32. Ст. 1153.

шения прокурора, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания и дознавателя в случаях, если они способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию.

Наделение суда новыми полномочиями неизбежно повлекло за собой необходимость принятия судом решений по вышеуказанным вопросам, и в уголовно-процессуальном законодательстве были предусмотрены основания, условия и порядок принятия данного вида решений. Появление новых институтов в уголовном и уголовно-процессуальном праве также неизбежно влечет за собой появление новых решений, которые принимает суд. Так, например, введение в систему УК РФ и УПК РФ судебного штрафа как меры уголовно-правового характера привело к появлению нового вида судебного решения, принимаемого в ходе производства по применению судебного штрафа, — прекращения в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, уголовного дела или уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

Изменение системы пересмотра судебных решений и введение с 1 января 2013 г. апел-

ляции по всем уголовным делам поставило на повестку дня вопрос о возможности обжалования в апелляционном порядке многочисленных и разнообразных судебных решений, принимаемых в ходе производства по уголовным делам. Все судебные решения были разделены на итоговые и промежуточные, что позволило разграничить требования, предъявляемые к ним, и упорядочить процесс их апелляционного обжалования.

В условиях современных правовых реалий требования, предъявляемые к судебным решениям, наполняются новым содержанием. В соответствии с п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» приговор суда может считаться законным, обоснованным и справедливым только в том случае, если он соответствует не только требованиям уголовно-процессуального законодательства, предъявляемым к его содержанию, процессуальной форме и порядку постановления, и основан на правильном применении уголовного закона, но и требованиям положений ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. и ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г., определяющих условия справедливого судебного разбирательства.

Литература

1. Момотов В.В. Формирование русского средневекового права в IX–XIV вв. / В.В. Момотов. М.: Зерцало, 2003. 416 с.
2. Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса / В.К. Случевский. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. 684 с.
3. Таубер Л.Я. Уголовный приговор и частное определение и их обжалование / Л.Я. Таубер. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1913. 16 с.
4. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2 / И.Я. Фойницкий. СПб.: Альфа, 1996. 552 с.
5. Чельцов-Бebutov М.А. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах / М.А. Чельцов-Бebutov. М.: Госюриздат, 1957. Т. 1. 840 с.

References

1. Momotov V.V. Formirovanie russkogo srednevekovogo prava v IX–XIV vv. [Establishment of the Russian Medieval Law in the IX to the XIV Century] / V.V. Momotov. Moskva: Zertsalo — Moscow: Mirror, 2003. 416 s.
2. Sluchevsky V.K. Uchebnik russkogo ugolovnogogo protsessa [Textbook of the Russian Criminal Procedure] / V.K. Sluchevsky. Sankt-Peterburg: Tip. M.M. Stasyulevicha — Saint Petersburg: M.M. Stasyulevich's printing office, 1913. 684 s.
3. Tauber L.Ya. Ugolovny'y prigovor i chastnoe opredelenie i ikh obzhalovanie [Criminal Sentence and Special Ruling and Appeal against Them] / L.Ya. Tauber. Sankt-Peterburg: Tip. t-va "Obschestv. polza" — Saint Petersburg: the Common Good printing office, 1913. 16 s.
4. Foynitsky I.Ya. Kurs ugolovnogogo sudoproizvodstva. T. 2 [Course of Criminal Proceedings. Vol. 2] / I.Ya. Foynitsky. Sankt-Peterburg: Alfa — Saint Petersburg: Alpha, 1996. 552 s.
5. Cheltsov-Bebutov M.A. Ocherki po istorii suda i ugolovnogogo protsessa v rabovladelcheskikh, feodalny'kh i burzhuzny'kh gosudarstvakh [Sketches on the History of Court and Criminal Procedure in Slave, Feudal and Bourgeois States] / M.A. Cheltsov-Bebutov. Moskva: Gosyurizdat — Moscow: State Publishing House of Legal Literature, 1957. Vol. 1. 840 s.

DOI:10.18572/1812-3805-2018-2-45-51

Значение конституционного и судебного контроля в правовом механизме Российского государства

*Алексеев Игорь Александрович,
заведующий кафедрой конституционного и муниципального права
Юридического института Пятигорского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
alekseev12-06@yandex.ru*

*Константиниди Марина Федоровна,
преподаватель кафедры конституционного и муниципального права
Юридического института
Пятигорского государственного университета
info@pgu.ru*

В статье рассматривается правовая охрана и защита конституционных норм посредством системы институтов конституционного надзора и конституционного контроля. Рассмотрены признаки, объединяющие данные институты права, а также признаки отличительные. Более детально рассматривается конституционный контроль, в том числе такая его составная часть, как конституционный судебный контроль. В статье также делается акцент на объекте правовой охраны конституционного судебного контроля, где рассмотрены нормы международного права как составная часть объекта правовой охраны.

Ключевые слова: контроль, конституционный надзор, конституционный контроль, конституционный судебный контроль, конституционные нормы, основополагающие нормы.

The Importance of Constitutional and Judicial Control in the Legal Mechanism of the Russian State

*Alekseev Igor A.
Head of the Department of Constitutional and Municipal Law
of the Law Institute of the Pyatigorsk State University
Candidate of Legal Sciences
Assistant Professor*

*Konstantinidi Marina F.
Lecturer of the Department of Constitutional and Municipal Law
of the Law Institute of the Pyatigorsk State University*

The article deals with legal protection and protection of constitutional norms through a system of institutions constitutional supervision and constitutional control. Considered are the features that unite these legal institutions, as well as the characteristics of the distinctive. Constitutional control is considered in more detail, including such a component of it as constitutional judicial control. The article also focuses on the object of legal protection of constitutional judicial control, where the norms of international law are considered as an integral part of the object of legal protection.

Keywords: control, constitutional supervision, constitutional control, constitutional judicial control, constitutional norms, fundamental norms.

В новейшей истории России конституционный и судебный контроль является эффективным инструментом в механизме государства. Конституция, как акт высшей юридической силы, содержащий нормы учредительного характера, как государственная и общественная ценность, требует определенного рода охраны и защиты. Под охраной

и защитой следует понимать создание в государстве необходимых не только политических условий, но и условий социально-экономических, в том числе гарантий воплощения конституционных норм в жизнь¹. В более уз-

¹ Хабриева Т.Я. Правовая охрана Конституции. Казань, 1995. С. 15.

ком смысле под охраной и защитой конституционных норм следует понимать обеспечение их верховенства в обществе и государстве путем осуществления государственного контроля. В свою очередь, под верховенством конституционных норм понимается исполнение норм Конституции органами публичной власти, их должностными лицами, гражданами и юридическими лицами, выявление нарушений данных норм как в ходе законодательной, так и правоприменительной деятельности, пресечение подобных нарушений в будущем. Исполнение норм Конституции (поддержание в государстве конституционной законности, деятельность всех субъектов права в соответствии с нормами Конституции) выступает в роли необходимого элемента правового государства. Соблюдение подобного рода правил способствует развитию института правовой охраны и защиты Конституции.

Сама по себе охрана и защита основополагающего акта страны охватывает довольно большой объем юридических средств, позволяющих обеспечить режим конституционности.

Так, под правовой охраной Конституции понимается не только исполнение конституционных норм, но и обеспечение ее стабильности². Однако, по мнению автора, под правовой охраной и защитой Конституции, как основополагающего акта, следует понимать не только соблюдение конституционных норм в государстве, но и систему институтов и мер правового характера, направленных на их реализацию, а также создание в государстве и обществе необходимого ряда условий и гарантий ее стабильности, совершенствование государственно-правовых методов реализации ее норм. В ином случае под правовой охраной Конституции понимается совокупность средств и методов, направленных на соблюдение Конституции всеми правовыми актами, как принимаемыми, так и уже принятыми.

В свою очередь в более узком смысле рассматривал правовую охрану и защиту Конституции Ю.П. Еременко³, говоря о правовой охране Конституции как об осуществлении конституционного контроля и конституционного надзора, в том числе и о конституционной ответственности как правовой форме охраны конституционной законности. Иные ученые-правоведы⁴ понимают под охраной

Конституции как правовые, так и внеправовые меры, направленные на реализацию конституционных норм.

Ж.И. Овсепян под правовой охраной Конституции понимает судебный конституционный контроль, конституционный надзор, в то же время выделяя конституционный референдум, вето главы государства, наряду с осуществлением парламентом страны конституционного контроля⁵.

С другой стороны рассматривает правовую охрану Конституции Б.В. Щетинин, выделяя задачи этой самой правовой охраны, которые заключаются в фактической реализации Конституции наряду с верховным контролем за соответствием конституционным нормам как законов, так и подзаконных актов⁶.

Более детальной в этом вопросе видится позиция В.В. Лазарева, который, говоря о правовой охране Конституции, видит своего рода систему, включающую не только осуществление контрольных и надзорных функций, но и постепенное совершенствование существующего законодательства, внесение поправок в действующую Конституцию, в том числе и определенные меры защиты и ответственности за допущенные нарушения⁷.

Правовая охрана Конституции выступает в роли необходимого условия реального верховенства основополагающего акта страны, способствующего выявлению нарушений конституционных норм и пресечению подобного рода нарушений в будущем в условиях меняющегося законодательства, в том числе в области принятия новых конституционных норм.

Непосредственно защита осуществляется органами публичной власти, которые несут также ответственность за осуществление подобного рода функций. К органам публичной власти, в чьи обязанности входит обеспечение верховенства Конституции посредством осуществления функций по ее защите, относится глава государства, парламент, правительство, суды и т.д. Хотелось бы отметить, что обязанность публичных органов власти следует рассматривать именно как обеспечение верховенства конституционных норм, за невыполнение которых следуют меры ответственности.

² Иванищева Н.П. Конституции зарубежных социалистических стран — законы высшего исторического типа: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Л.: ЛГУ, 1979. С. 20.

³ Еременко Ю.П. Советская Конституция и законность. Саратов, 1982. С. 130.

⁴ Кряжков В.А., Лазарев Л.В. Конституционная юстиция в Российской Федерации: учебное пособие. М., 1998. С. 11.

⁵ Судебный конституционный контроль в зарубежных странах: правовая защита конституций / Ростовский государственный университет. Ростов-на-Дону: Литера-Д, 1992. С. 42.

⁶ Щетинин Б.В. Проблемы теории советского государственного права М.: Юрид. лит., 1969. С. 165.

⁷ Конституционное право / отв. ред. А.Е. Козлов. М., 1996. С. 400–401.

Одно из главенствующих положений в области правовой охраны Конституции занимают гарантии ее верховенства в форме правовых средств и мер ее охраны, к которым следует относить конституционный контроль и конституционный надзор, выделяемые ранее в указанных мнениях ученых-правоведов в качестве составляющих элементов правовой охраны Конституции как таковой.

Объединяющей для двух правовых институтов будет единая цель — обеспечение режима конституционности, соответствие всех актов, принятых в государстве, Конституции. Однако публичные органы власти, осуществляющие функции конституционного контроля и надзора, имеют различный объем полномочий, а также систему методов достижения поставленной цели. В определенной степени функциями конституционного надзора обладают все органы публичной власти, но некоторые имеют превалирующее значение перед иными. Мировая практика свидетельствует, что зачастую надзорные функции осуществляются не одним органом, а системой органов. Деятельность данных органов, а также их взаимодействие между собой четко регламентированы нормами права. Так, мировая практика представлена различными системами конституционного надзора, что обусловлено не только политической, но и исторической спецификой.

Применительно к практике Российской Федерации по указанному вопросу следует отметить, что главенствующее положение в системе органов, осуществляющих надзорные функции, отводится органам прокуратуры, основным направлением деятельности которых следует назвать надзор над точным соблюдением действующего законодательства.

В случае с органами публичной власти, осуществляющими контрольные функции, необходимо отметить и возможность их специализированной принадлежности.

Таким образом, надлежит заметить, что указанные понятия достаточно схожи по своему сущностному содержанию, однако имеют одно главное отличие. В случае осуществления государственным органом надзорных функций данный орган при обнаружении нарушения конституционных норм лишь сигнализирует непосредственно в орган, способный отменить нормативный акт, нарушающий режим законности, то есть в орган конституционного контроля.

Орган конституционного контроля, помимо функций надзора, имеет право отменить нормативный акт, нарушающий нормы Кон-

ституции. Так, Ю.Л. Шульженко⁸ подчеркивает, что главным отличием конституционного контроля от конституционного надзора является наличие права на отмену незаконного (противоречащего Конституции) акта. Таким образом, орган конституционного контроля занимает самостоятельную позицию в вопросе несоответствия анализируемых норм нормам Конституции, принимая при этом решение, которое будет окончательным в решении спорного вопроса. В случае с конституционным надзором, то, как институт правовой охраны Конституции, он носит предварительный характер.

Наличие у органа полномочий не только сигнализировать об обнаруженном нарушении конституционных норм, но и самостоятельно его отменять, лишая юридической силы является наиболее существенным признаком отличия указанных понятий.

Также существуют различные подходы в понимании конституционного контроля как такового. Сам конституционный контроль можно охарактеризовать как правовое явление, имеющее многоаспектную структуру ввиду неоднозначности такого понятия, как «контроль», под которым можно понимать средство, форму, метод, институт и т.д.⁹ Понимание указанного понятия зависит от методологического подхода, взятого за основу; непосредственно в данном исследовании конституционный контроль будет рассмотрен с точки зрения института правовой системы, а также его функционального отношения к публичному органу власти.

Контроль как таковой является самостоятельным видом деятельности государственной власти. Контроль как форма деятельности присущ всей системе социального управления.

Контроль как таковой служит каналом получения информации посредством обратной связи: так, субъект управления должен иметь постоянный доступ к информации, отражающей результат управления. Таким образом, контроль постоянно отражает объективную информацию, которая раскрывает положение дел, выявляет недостатки принимаемых решений, их исправление и недопущение подобных ситуаций в будущем. В случае с информацией, сбор и обработку информации

⁸ Шульженко Ю.Л. Институт конституционного надзора в Российской Федерации / Ин-т гос-ва и права РАН. М. : ИГП РАН, 1998. С. 4.

⁹ Петренко Д.С. Конституционная (уставная) юстиция в субъектах Российской Федерации (современные правовые проблемы и перспективы) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Денис Сергеевич Петренко. М., 2007. С. 11.

следует рассматривать как первый этап контрольной деятельности, вторым этапом следует назвать коррекционную деятельность, где деятельность объекта сопоставляется с установленными рамками, в случае обнаружения отклонений идет поиск их устранения.

С институциональной точки зрения контроль, в частности контроль конституционный, представляет собой систему органов публичной власти, осуществляющих конституционный контроль в своей области с учетом своей специфики.

Отсюда следует различие в понимании понятия конституционного контроля. Если рассматривать сущность контроля в общем его понимании, то контроль включает в себя действия по проверке чего-либо, в том числе и возможность непосредственного вмешательства в процесс для восстановления равновесия.

Ввиду принадлежности конституционного контроля ко всем ветвям власти, ряд авторов усматривает в нем составную часть иных, более крупных направлений деятельности государственных органов, тем самым растворяя его в них¹⁰.

В одном случае можно говорить об охране Конституции посредством осуществляемого контроля над конституционностью принимаемых нормативных правовых актов, в ином случае можно говорить о конституционном контроле как элементе принципа разделения властей, где конституционный контроль выступает в роли сдержек и противовесов в демократическом государстве.

Само понятие конституционного контроля имеет множество различных определений, например, это проверка законности принимаемых нормативных правовых актов на их соответствие Конституции¹¹.

В ином случае под конституционным контролем понимается функция существующей власти, в том числе и функция специфическая, присущая конкретному компетентному органу¹².

В.А. Туманов¹³ видит в конституционном контроле конституционность всех актов, то

есть непротиворечие Конституции как законодательных актов, так и актов подзаконного характера.

С.А. Авакьян¹⁴ видит в конституционном контроле деятельность государства, имеющую своей направленностью правильное применение Конституции и иных законов, в том числе и защиту конституционного строя. В конечном итоге конституционный контроль является средством защиты всех существующих в обществе ценностей.

Таким образом, большинству точек зрения на данное явление свойственно рассматривать конституционный контроль с позиции его функциональной принадлежности, где в основе рассматривается его действенная составляющая — функция конституционного нормоконтроля. Однако с данной позицией сложно согласиться, так как помимо нормоконтроля к отмеченной области можно отнести и разрешение споров между органами государственной власти, толкование норм Конституции и другое, что более свойственно конституционному судебному контролю.

Данная позиция автора находит отражение в зарубежной практике, где под конституционным контролем зачастую понимается непосредственно конституционный судебный контроль. С учетом уже рассмотренных научных точек зрения на сущность конституционного контроля следует согласиться с тем, что конституционный контроль выступает в роли своего рода деятельности, целью которой является реализация принципа разделения властей и разрешение споров, возникающих на данной почве¹⁵.

Из всего вышесказанного следует, что принятие Конституции как основополагающего акта является необходимой предпосылкой появления институтов правовой охраны этого самого основополагающего акта. Однако с этим весьма сложно согласиться.

В данном случае наибольший интерес представляет позиция зарубежного ученого-правоведа З. Чешейко-Сохацки, который под конституционным контролем понимал институт права, основная цель которого заключается в согласованности всей системы с источником права согласно существующей иерархии права, сложившейся в государстве¹⁶.

¹⁰ Лазарев Б.М. Некоторые вопросы государственного управления в условиях общенародного государства // Советское государство и право. 1963. № 12.

¹¹ Исаев М.А. Основные формы конституционного контроля в странах Скандинавии // Государство и право. 2003. № 12. С. 76.

¹² Витрук Н.В. Конституционное правосудие: судебно-конституционное право и процесс : учебное пособие / Российская акад. правосудия. 4-е изд., перераб. и доп. М. : НОРМА : Инфра-М, 2012. С. 25.

¹³ Туманов В.А. Судебный контроль за конституционностью нормативных актов // Советское государство и право. М. : Наука, 1988. № 3. С. 10.

¹⁴ Авакьян С.А. Проблемы теории и практики конституционного контроля и правосудия // Вестник МГУ. Серия: Право. 1995. № 4. С. 14.

¹⁵ Бланкенгель А. Теория и практика конституционного контроля в ФРГ // Советское государство и право. 1989. № 1. С. 102.

¹⁶ Czeszejko-Sochacki, Z. Trybunał Konstytucyjny PRL: (Zagodnienia wybrane) // Państwo i Prawo. 1986. Nr. 1. S. 53.

Как можно заметить, указанный автор не связывает конституционный контроль непосредственно с Конституцией как таковой. Здесь следует отметить, что конституционные нормы, как нормы учредительного характера, как основная общественная и государственная ценность, содержатся в актах высшей юридической силы, согласно сложившейся в государстве иерархии актов. Яркое тому подтверждение — Великобритания, которая не имеет писаной Конституции в едином виде. В таком случае, по мнению автора, следует говорить о нормах конституционного характера, нормах, имеющих основополагающий характер.

Также в данном контексте следует понимать приоритет международных правовых норм над внутригосударственным правом. Так, согласно ст. 15 Конституции РФ, «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора». Согласно данной конституционной норме, акты международного характера имеют верховенство по отношению к нормам внутригосударственного права.

Приоритет международного права является научно признанным, но в то же время не стоит и отрицать, что в практике имеются и исключения. Как отмечает Конституционный Суд РФ, «будучи связанной требованием соблюдать вступивший в силу международный договор, каковым является Конвенция о защите прав человека и основных свобод, Российская Федерация, тем не менее, обязана обеспечивать в рамках своей правовой системы верховенство Конституции Российской Федерации, что вынуждает ее в случае возникновения каких-либо коллизий в этой сфере — притом что Конституция Российской Федерации и Конвенция о защите прав человека и основных свобод основаны на одних и тех же базовых ценностях защиты прав и свобод человека и гражданина — отдавать предпочтение требованиям Конституции Российской Федерации и тем самым не следовать буквально постановлению Европейского Суда по правам человека в случае, если его реализация противоречит конституционным ценностям»¹⁷.

¹⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального

Иные основополагающие акты содержат положения о невозможности заключения международных договоров, положения которых противоречат положениям Конституции страны. Так, согласно п. 1 ст. 95 Конституции Испании невозможно заключение международного договора, противоречащего Конституции Испании, без предварительного пересмотра самой Конституции.

Указанная автором позиция Конституционного Суда РФ свидетельствует о том, что учредительное или, скорее, основополагающее значение для нашего государства с учетом принятой иерархии источников права будут иметь непосредственно конституционные нормы — нормы, содержащиеся и в Конституции, и в конституционных законах, а также актах международного характера. Однако не следует рассматривать данные писанные акты как объект правовой охраны конституции. «...Исходя из верховенства и прямого действия Конституции Российской Федерации, приоритета общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации (статья 15, части 1 и 4, Конституции Российской Федерации) — должны иметь место лишь в тех случаях, когда иные меры защиты... прав и законных интересов оказываются недостаточными»¹⁸.

Тем самым Конституционный Суд РФ, признавая верховенство конституционных норм над правом международным, отмечает, что в случае недостаточности или отсутствия конституционального регулирования вопроса приоритет отдается нормам международного права — как нормам, имеющим высшую юридическую силу.

закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2012 № 15-П «По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 2 статьи 29, пункта 2 статьи 31 и статьи 32 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И.Б. Деловой» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

Указанная позиция отражена в работах и иных авторов: так, В.А. Оганесян отмечает: «Благодаря широкому применению конституционными судами норм международного права защита прав человека сегодня стала более обоснованной, так как цель применения международного права по конкретным делам — это, с одной стороны, выявление глубинного содержания национальных правовых норм, а с другой — отмена несовершенных законов и обеспечение верховенства права.

Особенностью конституционного контроля за защитой прав человека является то, что международное право как нормативно-правовая основа конституционного правосудия в любых правоотношениях требует соблюдения принципов верховенства права и приоритета прав человека, что в свою очередь служит достижению такой высшей цели, как недопущение неограниченного использования государственными органами своей власти»¹⁹.

В свою очередь органы конституционного контроля зачастую в своих решениях ссылаются на международные акты. Данная позиция объясняется возможностью нарушения международных обязательств государства принятыми органами государственной власти, что автоматически ведет к нарушению конституционных норм²⁰.

Проведенный автором анализ позволяет выделить нормы международного права в качестве объекта правовой охраны и защиты наряду с конституционными нормами. Однако не следует воспринимать данный вопрос в упрощенном порядке: так, следует отметить, что в отношении тех государств, где непосредственно указано на верховенство международных норм над внутригосударственным правом, следует говорить об их верховенстве над внутригосударственными нормами, в том числе и конституционными.

Таким образом, проведенный автором анализ позволяет сделать ряд выводов в части содержания конституционного судебного контроля в Российской Федерации. Так, следует сказать, что принятие Конституции в стране предполагает и становление института конституционного контроля, в том числе и контроля судебного, но не является обязательной предпосылкой. Конституция — это писанный акт, закрепляющий основные права и свободы человека и гражданина в государстве, имеющий также признаки акта учредительного, закрепляющего конституционный строй в стране. Однако не во всех странах принята Конституция как единый основополагающий акт. В то же время не следует говорить о том, что в таких странах не имеется основополагающих актов, закрепляющих основы конституционного строя, в том числе защищающих права и свободы человека и гражданина в государстве как высшую государственную ценность.

Ввиду изложенного, целесообразнее говорить не о Конституции как объекте правовой охраны и защиты посредством конституционного судебного контроля, а о нормах конституционного характера как основополагающих нормах, закрепляющих основы конституционного строя страны и защищающих права и свободы человека и гражданина.

конституционного правосудия в странах СНГ // Рос. судья. 2010. № 12. С. 32).

¹⁹ Оганесян В.А. Международные стандарты прав человека в правоприменительной практике конституционных судов // Российский юридический журнал. 2017. № 2. С. 31–36.

²⁰ Марокко Н.А. Функция защиты основных прав и свобод человека и гражданина в контексте реализации полномочий Конституционного Суда России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 10–11. Наличие таких ссылок в решениях Конституционного Суда РФ объясняется также преемственностью между ним и Комитетом конституционного надзора СССР, наделенным полномочиями по контролю за соответствием правовых актов международным нормам (Слесарева К.А. Комитет конституционного надзора Союза ССР и его влияние на развитие

Литература

1. Авакьян С.А. Проблемы теории и практики конституционного контроля и правосудия / С.А. Авакьян // Вестник МГУ. Серия: Право. 1995. № 4. С. 24–29.
2. Бланкенгель А. Теория и практика конституционного контроля в ФРГ / А. Бланкенгель // Советское государство и право. 1989. № 1. С. 102–108.
3. Витрук Н.В. Конституционное правосудие: судебно-конституционное право и процесс : учебное пособие / Российская акад. правосудия. 4-е изд., перераб. и доп. / Н.В. Витрук. М. : НОРМА : Инфра-М, 2012. 591 с.
4. Еременко Ю.П. Советская Конституция и законность / Ю.П. Еременко. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1982. 164 с.
5. Иванищева Н.П. Конституции зарубежных социалистических стран — законы высшего исторического типа : дис. ... д-ра юрид. наук / Н.П. Иванищева. Л. : ЛГУ, 1979. 389 с.
6. Исаев М.А. Основные формы конституционного контроля в странах Скандинавии / М.А. Исаев // Государство и право. 2003. № 12. С. 76–85.
7. Конституционное право / отв. ред. А.Е. Козлов. М. : БЕК, 1996. 464 с.
8. Крайков В.А. Конституционная юстиция в Российской Федерации : учебное пособие / В.А. Крайков, А.В. Лазарев. М. : БЕК, 1998. 462 с.

9. Лазарев Б.М. Некоторые вопросы государственного управления в условиях общенародного государства / Б.М. Лазарев // Советское государство и право. 1963. № 12. С. 24–33.
10. Марокко Н.А. Функция защиты основных прав и свобод человека и гражданина в контексте реализации полномочий Конституционного Суда России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н.А. Марокко. М., 2009. 181 с.
11. Оганесян В.А. Международные стандарты прав человека в правоприменительной практике конституционных судов / В.А. Оганесян // Российский юридический журнал. 2017. № 2. С. 31–36.
12. Петренко Д.С. Конституционная (уставная) юстиция в субъектах Российской Федерации (современные правовые проблемы и перспективы) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д.С. Петренко. М., 2007. 24 с.
13. Туманов В.А. Судебный контроль за конституционностью нормативных актов / В.А. Туманов // Советское государство и право. 1988. № 3. С. 10–19.
14. Хабриева Т.Я. Правовая охрана Конституции / Т.Я. Хабриева. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1995. 220 с.
15. Шульженко Ю.Л. Институт конституционного надзора в Российской Федерации / Ю.Л. Шульженко ; Ин-т гос-ва и права РАН. М. : ИГП РАН, 1998. 112 с.
16. Щетинин Б.В. Проблемы теории советского государственного права / Б.В. Щетинин. М. : Юрид. лит., 1969. 197 с.
17. Эбзеев Б.С. Конституция. Правовое государство. Конституционный Суд / Б.С. Эбзеев. М., 1996. 349 с.
18. Czeszejko-Sochacki, Z. Trybunał Konstytucyjny PRL: (Zagodnienia wybrane) / Z. Czeszejko-Sochacki // Państwo i Prawo. 1986. Nr. 1. S. 3–15.

References

1. Avakyan S.A. Problemy' teorii i praktiki konstitutsionnogo kontrolya i pravosudiya [Issues of Theory and Practice of Constitutional Control and Justice] / S.A. Avakyan // Vestnik MGU. Seriya : Pravo — Bulletin of the MSU. Series : Law. 1995. № 4. S. 24–29.
2. Blankenagel A. Teoriya i praktika konstitutsionnogo kontrolya v FRG [Theory and Practice of Constitutional Control in the FRG] / A. Blankenagel // Sovetskoe gosudarstvo i pravo — Soviet State and Law. 1989. № 1. S. 102–108.
3. Vitruk N.V. Konstitutsionnoe pravosudie: sudebno-konstitutsionnoe pravo i protsess : uchebnoe posobie / Rossiyskaya akad. pravosudiya. 4-e izd., pererab. i dop. [Constitutional Justice: Judicial and Constitutional Law and Procedure : textbook / the Russian State University of Justice. 4th edition, revised and enlarged] / N.V. Vitruk. Moskva : NORMA : Infra-M — Moscow : NORM : Infra-M, 2012. 591 s.
4. Eremenko Yu.P. Sovetskaya Konstitutsiya i zakonnost [The Soviet Constitution and Legality] / Yu.P. Eremenko. Saratov : Izd-vo Sarat. un-ta — Saratov : publishing house of the Saratov University, 1982. 164 s.
5. Ivanischeva N.P. Konstitutsii zarubezhny'kh sotsialisticheskikh stran — zakony' vysshego istoricheskogo tipa : dis. ... d-ra yurid. nauk [Constitutions of Foreign Socialist Countries — Laws of the Top Historical Class : thesis of ... Doctor of Law] / N.P. Ivanischeva. Leningrad : LGU — Leningrad : the Leningrad State University, 1979. 389 s.
6. Isaev M.A. Osnovny'e formy' konstitutsionnogo kontrolya v stranakh Skandinavii [The Main Constitutional Control Forms in the Scandinavian Countries] / M.A. Isaev // Gosudarstvo i pravo — State and Law. 2003. № 12. S. 76–85.
7. Konstitutsionnoe pravo / otv. red. A.E. Kozlov [Constitutional Law / publishing editor A.E. Kozlov]. Moskva : BEK — Moscow : BECK, 1996. 464 s.
8. Kryazhkov V.A. Konstitutsionnaya yustitsiya v Rossiyskoy Federatsii : uchebnoe posobie [Constitutional Justice in the Russian Federation : textbook] / V.A. Kryazhkov, L.V. Lazarev. Moskva : BEK — Moscow : BECK, 1998. 462 s.
9. Lazarev B.M. Nekotory'e voprosy' gosudarstvennogo upravleniya v usloviyakh obschenarodnogo gosudarstva [Some Issues of Public Administration in the Conditions of a State of the Whole People] / B.M. Lazarev // Sovetskoe gosudarstvo i pravo — Soviet State and Law. 1963. № 12. S. 24–33.
10. Marokko N.A. Funktsiya zaschity' osnovny'kh prav i svobod cheloveka i grazhdanina v kontekste realizatsii polnomochiy Konstitutsionnogo Suda Rossii : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [The Function of Protection of the Key Human and Civil Rights and Freedoms within the Framework of Exercising of the Powers of the Constitutional Court of Russia : author's abstract of thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / N.A. Marokko. Moskva — Moscow, 2009. 181 s.
11. Oganesyana V.A. Mezhdunarodny'e standarty' prav cheloveka v pravoprimenitel'noy praktike konstitutsionny'kh sudov [The International Standards of Human Rights in the Law Enforcement Practice of Constitutional Courts] / V.A. Oganesyana // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal — Russian Law Journal. 2017. № 2. S. 31–36.
12. Petrenko D.S. Konstitutsionnaya (ustavnaya) yustitsiya v subyektakh Rossiyskoy Federatsii (sovremennyye pravovyye problemy' i perspektivy) : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Constitutional (Statutory) Justice in the Constituent Entities of the Russian Federation (the Modern Legal Issues and Prospects) : author's abstract of thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / D.S. Petrenko. Moskva — Moscow, 2007. 24 s.
13. Tumanov V.A. Sudebny' kontrol za konstitutsionnostyu normativny'kh aktov [Judicial Control over Constitutionality of Statutory Acts] / V.A. Tumanov // Sovetskoe gosudarstvo i pravo — Soviet State and Law. 1988. № 3. S. 10–19.
14. Khabrieva T.Ya. Pravovaya okhrana Konstitutsii [Legal Protection of the Constitution] / T.Ya. Khabrieva. Kazan : Izd-vo Kazan. un-ta — Kazan : publishing house of the Kazan University, 1995. 220 s.
15. Shulzhenko Yu.L. Institut konstitutsionnogo nadzora v Rossiyskoy Federatsii [Institution of Constitutional Supervision in the Russian Federation] / Yu.L. Shulzhenko ; In-t gos-va i prava RAN. Moskva : IGP RAN — the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. Moscow : the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 1998. 112 s.
16. Schetinin B.V. Problemy' teorii sovetskogo gosudarstvennogo prava [Issues of Theory of the Soviet State Law] / B.V. Schetinin. Moskva : Yurid. lit. — Moscow : Legal Literature, 1969. 197 s.
17. Ebzееv B.S. Konstitutsiya. Pravovoe gosudarstvo. Konstitutsionny' Sud [Constitution. Law-Governed State. Constitutional Court] / B.S. Ebzееv. Moskva — Moscow, 1996. 349 s.
18. Czeszejko-Sochacki, Z. Trybunał Konstytucyjny PRL: (Zagodnienia wybrane) / Z. Czeszejko-Sochacki // Państwo i Prawo. 1986. № 1. S. 3–15.

Краткий очерк развития института личных прав в странах Западной Европы

Ульбашев Алим Хусейнович,
приглашенный исследователь (стажер)
Йельского университета,
кандидат юридических наук
alim-ulbashev@mail.ru

Настоящая статья посвящена истории формализации личных прав в европейских странах. Основываясь на римско-правовом, германском и французском опыте регламентации личных прав, автор указывает на единство континентально-европейской традиции. В статье подчеркивается важное значение концепции прав человека для развития института личных прав.

Ключевые слова: личные права, гражданская правоспособность, личная свобода, права человека.

A Brief Overview of the Development of the Personal Rights Institution in the Western European Countries

Ullbashev Alim Kh.
Visiting Researcher (Trainee) of the Yale University
Candidate of Legal Sciences

This article is devoted to the history of formalization of personal rights in the European countries. Basing on the Roman, German and French experience of regulation of personal rights, the author emphasises unity of the continental European tradition. The article highlights the importance of human rights for the development of the institution of personal rights.

Keywords: personal rights, civil capacity, personal freedom, human rights.

Проблема гражданско-правовой регламентации нематериальных благ (по терминологии К.Б. Ярошенко, «личных неимущественных благ») как объектов личных прав имеет глубокую историю. По верному наблюдению И.А. Покровского, «на более высоких ступенях развития усиливается сознание самобытности и особенности каждой отдельной личности и вместе с тем начинает чувствоваться потребность в праве на эту самобытность, в праве на индивидуальность. <...> Возникает новая задача права: помимо охраны человека в его «общей, родовой сущности», в его типичных интересах, дать охрану конкретной личности «во всем богатстве его своеобразных особенностей и творческих проявлений». И действительно, чем далее: тем определеннее наблюдается движение по пути охраны человеческой личности как таковой *во всей совокупности ее индивидуальных интересов и особенностей*» (курсив наш. — Прим. А. У.)¹.

Сегодня практически повсеместно на уровне гражданско-правовых кодификаций,

статутов и судебной практики выработаны комплексные подходы к регламентации *субъективных личных прав*, а также по обеспечению их юридической защиты. В современной цивилистической доктрине политико-правовое обоснование выделения в составе субъективных гражданских прав особой группы личных прав, как правило, находит в признании фундаментального принципа примата прав человека².

¹ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 2013. С. 122 (Серия «Классика российской цивилистики»).

² См., например: Montero, J. Human Rights, Personal Responsibility, and Human Dignity: What Are Our Moral Duties to Promote the Universal Realization of Human Rights? // Human Rights Review. 2017. Vol. 18. P. 67. Особенно важную роль для развития института личных прав сыграла Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (ратифицирована Российской Федерацией в 1998 г.), отдельные положения которой послужили «общей частью» института личных прав (O'Callaghan, P. Article 8 ECHR as a General Personality Right?: A Commentary on Axel Springer AG v Germany [2012] ECHR 227 // Journal of European Tort Law. 2015. Vol. 6. No. 1. P. 69; Lavrysen, L. Protection by the Law: The Positive Obligation to Develop a Legal Framework to Adequately Protect ECHR // Rights Human Rights and Civil Liberties in the 21st Century // Ed. by Y. Haeck, E. Brems. Heidelberg, New York, London, 2014. P. 69; Eckes, C. EU Accession

В свою очередь, ценность частно-правового института личных прав (т.е. *личных прав в объективном смысле*) состоит в том, что нормы данного института позволяют определить непосредственную сферу личной свободы гражданина, объективировать и конкретизировать абстрактно-декларативные нормы публичного права, провозглашающие основные права и свободы человека. Признание за физическим лицом базовых прав на жизнь, здоровье, достоинство личности, личную неприкосновенность, честь, доброе имя и т.д., а также придание этим благам гражданско-правовой формы служат необходимой предпосылкой реализации автономии личности³.

Стоит отметить, что исторически подходы к пониманию личных прав не оставались неизменными: за прошедшие столетия развития западной правовой мысли, неотъемлемой частью которой является и отечественная юриспруденция, менялось как само обозначение личных прав, так и собственно их содержание.

Изначально в римском праве личные права (*ius in personam*) рассматривались в качестве синонима обязательственных прав. Тем самым они противопоставлялись правам вещным (*ius in rem*)⁴. По этой причине некоторыми исследователями был сделан вывод, что римскому праву в принципе не были известны нормы, образующие в современных правовых порядках целостный институт личных прав. Подобной точки зрения придерживался крупный советский и российский историк права З.М. Черниловский: «Место конкретного лица — римского гражданина, вольноотпущенника, иностранца и т.д. — занимает просто “собственник”, просто “товаровладелец”, абстрактная личность, выступающая как одна из сторон правоотношения»⁵. Иными словами, по мнению ученого, римская юриспруденция «упрощала» субъекта частного права до простого «собственника» и «то-

варовладельца», не имеющего личных прав (в их современном понимании, *т.е.* гражданских прав *sui generis* на нематериальные блага) и, по большому счету, не претендующего на обладание такими правами. По всей видимости, руководствуясь подобной же логикой и лишь пунктирно обозначая категорию личных прав в римском праве, Е.А. Флейшиц и М.М. Агарков также практически не уделяли должного внимания генезису и эволюции правовой регламентации нематериальных благ в Древнем Риме⁶.

Действительно, римскому праву не удалось выработать единой концепции личных прав. Тем не менее римлянами предпринимались попытки придания правовой защиты отдельным видам нематериальных благ. Так, например, римское право предоставляло некоторые правовые средства защиты чести римских граждан, что прямо следует из известного отрывка Законов XII таблиц⁷:

(1a) Qui malum carmen incantassit...
(1b) XII tabulae cum perpaucas res capite sanxissent, in his hanc quoque sancendam putaverunt: si quis occentavisset sive carmen condidisset, quod infamiam faceret flagitiumve alteri [Цицерон, «О государственном праве», 4, 10, 12].

(1a) Кто злую песню распевает...
(1b) XII таблиц предусматривали смертную казнь за небольшое число преступлений и в том числе установили ее применение на случай, когда кто-нибудь сложит или будет распевать песню, которая содержит клевету или позорит другого [Цицерон, «О государственном праве», 4, 10, 12] (перев. наш. — Прим. А.У.).

Анализ более поздних источников римского права также свидетельствует о том, что уже в Древнем Риме существенно корректируется сфера применения понятия личных

to the ECHR: Between Autonomy and Adaptation // Modern law review. 2013. Vol. 76. No. 2. P. 254 и др.).

³ См. подп.: Adler, E. Die Persönlichkeitsrechte im allgemeinen bürgerlichen Gesetzbuch // Sonderabdruck aus der Festschrift zur Jahrhundertfeier des Allgemeinen bürgerlichen Gesetzbuches. Bd. 2. Wien, 1911. P. 165; Canaris, C.-W. Grundprobleme des privatrechtlichen Persönlichkeitsschutzes // Juristische Blätter (JBl). 1991. No. 74. P. 205; Karner, E. Menschenrechte und Schutz der Persönlichkeit im Zivilrecht // Österreichische Juristen Zeitung. 2013. Heft 20. P. 906.

⁴ Burdick, W.L. The Principles of Roman Law and Their Relation to Modern Law. Clark (NJ), 2004. P. 387.

⁵ Черниловский З.М. Всеобщая история государства и права. М., 1996. С. 94.

⁶ Более того, Е.А. Флейшиц прямо утверждала, что «личной свободе и равенству надо было искать позитивно-правовое закрепление вне римского права. и мы видим, как естественно-правовые начала свободы и равенства людей утверждают себя не путем приспособления римско-правовых институтов, а путем создания юристами конца XVI и XVII–XVIII веков перечней личных прав, призванных практически выражать и закреплять эти начала» (Флейшиц Е.А. Личные права в гражданском праве Союза ССР и капиталистических стран // Флейшиц Е.А. Избранные труды по гражданскому праву: в 2-х т. М., 2015. Т. 1. С. 113 (Серия «Классика российской цивилистики»).

⁷ Нормы подобного содержания весьма характерны для многих традиционных обществ. Ср. с эволюцией регулирования ответственности за причинение «обиды» в Русской Правде и в более поздних памятниках русского права: Розин Н.Н. Об оскорблении чести: Уголовно-юридическое исследование. Общая часть. Опозорение. Томск, 1910. С. 92.

прав. Так, книга II Институций Гая открывается со слов:

Superiore commen-
tario de iure per-
sonarum (курсив
наш.— Прим. А.У.)
exposuimus; modo
uideamus de rebus:
quae uel in nostro
patrimonio sunt uel
extra nostrum patri-
monium habentur.

В предыдущем коммента-
рии изложено *правовое
положение лиц* (курсив
наш.— Прим. А.У.); теперь
рассмотрим правовой ре-
жим вещей: как тех, что
образуют часть нашего
имущества, так и тех, что
не относятся к нему (пе-
рен. наш.— Прим. А.У.)⁸.

Данный отрывок примечателен тем, что в нем понятие *iure personarum* используется не применительно к обязательствам, а к правовому положению личности (в переводе известного русского романиста Ф.М. Дыдынского — «личным правам»), поскольку основное содержание книги I, названной в приведенном отрывке «предыдущим комментарием», составляют нормы, определяющие правовое положение лиц (свободных и рабов; свободнорожденных и вольноотпущенных; римских граждан, латинян и покоренных). Также в указанной книге Институций Гая предпринимается попытка закрепления прав (по существу именно *личных*) на такие нематериальные блага, как жизнь и здоровье; большое количество статей посвящено личной свободе человека (e.g., I, I: 9, 117 и др.).

Понятно, что в указанный период развития римской юриспруденции еще нельзя говорить о полноценно сформировавшемся и получившем развитие институте личных прав. Однако не может вызывать сомнений и то, что объективная необходимость регламентации личных прав (пусть и не всех членов общества, а лишь отдельных и наиболее привилегированных его сословий) уже со всей полнотой осознавалась римскими юристами⁹. Поэтому можно согласиться с Ч. Санфилиппо, что «в отличие от со-

временного права в соответствии с *ius civile* простого материального существования субъекта было недостаточно для признания в нем юридической личности. Для того чтобы индивидууму можно было придать правоспособность, надо было, чтобы он находился в определенном состоянии (*status*) в отношении *ius libertatis, ius civitatis* и *ius familiae*»¹⁰.

Древние римляне одними из первых в истории человечества осознали, что *правовой статус гражданина во многом определяется степенью его личной свободы*. Более того, именно степень личной свободы предопределяла имущественное положение римского гражданина¹¹. По этой причине в римском праве личная свобода рассматривалась в качестве особого социального блага, требующего специальной правовой защиты¹².

Уже в Новое время европейские правоведы восприняли идею о первичности личной свободы в правовом статусе личности (пусть и вложив несколько обновленное содержание в понятие свободы). Данное обстоятельство способствовало достаточно единообразному развитию концепции личных прав в континентальной Европе, сердцевину которой исторически составляла именно категория личной свободы человека¹³.

Концепция личных прав получила наибольшее развитие в Европе и США во второй половине XX века в рамках послевоенной борьбы за права человека (*human rights*), охватившей большинство западных правовых порядков. В особенности влияние доктрины прав человека на концепцию личных прав оказалось ощутимым в странах общего

¹⁰ Санфилиппо Ч. Курс римского частного права. М., 2014. С. 77.

¹¹ Английский юрист Кр. МакКрудден (Оксфорд) утверждает, что в классическом римском праве нематериальные блага (главным образом *dignitas hominis*) были атрибутом правового статуса гражданина и даже социальных институтов в целом, а не человека *per se*. Однако в последующем сам же автор признает, что уже в работах Цицерона есть примеры использования *dignitas hominis* в качестве универсальной характеристики всякого человека (McCrudden, Ch. Human Dignity and Judicial Interpretation of Human Rights // The European Journal of International Law. 2008. Vol. 19. No. 4. P. 656–657, cf.: Cancik, H. "Dignity of Man" and "Personal" in Stoic Anthropology: Some Remarks on Cicero, De Officiis I // Concept of Human Dignity in Human Rights Discourse // Ed. by D. Kretzmer, E. Klein. Netherlands, 2002. P. 105–107).

¹² Cf.: Levy, E. Natural Law in the Roman Period // Natural Law Institute Proceedings. University of Notre Dame. 1949. Vol. 2. P. 43.

¹³ Cf.: Barker, C. Dignity in International Human Rights Law. London, 2011. P. 23.

⁸ Ср. с переводом Ф.М. Дыдынского: «В предыдущей книге мы говорили о личных правах (*курсив наш*. — Прим. А.У.); теперь рассмотрим вещи, которые состоят или в нашей собственности, или вне нашего частного обладания». Цит. по: Институции Гая // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: Древность и Средние века / сост. В.А. Томсинов. М., 2004. С. 135 (автор перевода статьи — Ф.М. Дыдынский).

⁹ Вместе с тем в отдельных случаях подобная защита специально предусматривалась не только для лично свободных граждан, но и для рабов, не признававшихся римскими законами самостоятельными субъектами права, что само по себе кажется весьма феноменальным правовым явлением для рабовладельческого государства (Shumway, E.S. Freedom and Slavery in Roman Law // Law Review. University of Pennsylvania. 1901. No. 49. P. 640).

права¹⁴. В этих государствах сформировалось дуалистическое регулирование: та часть личных прав, которая обеспечивает физическую и социальную неприкосновенность личности, ее свободу и самоидентификацию, защищается преимущественно публично-правовыми нормами (одним из значительных исключений из данного права является защита *privacy*, осуществляемая главным образом на уровне *tort law*)¹⁵; напротив, группа прав, возникающих в связи и по поводу интеллектуальной деятельности (право авторства, право на неприкосновенность произведения и защита произведения от искажений и др.), охраняется нормами права интеллектуальной собственности (т.н. *moral rights* в составе *intellectual property law*)¹⁶. В целом в странах общего права до настоящего времени отсутствует целостная концепция личных прав¹⁷. Сказанное не означает того, что в англо-американском праве не в полной мере обе-

спечивается защита нематериальных благ. Конечно же, соответствующая защита существует, хотя и закрепляется, как правило, не на уровне статутного права, а главным образом в прецедентной практике судов.

Напротив, в континентально-европейских правовых порядках законодатели и суды стремятся к выработке единых унифицированных основ регламентации и защиты личных прав граждан. Например, Конституционный суд Германии по делу *Lebach* (1973 г.) в наиболее завершенном виде сформулировал принцип охраны всеобщего права личности (*allgemeine Persönlichkeitsrecht*), который в свою очередь был выведен из общих положений статьи 1 основного закона страны (*Grundgesetz, GG*)¹⁸. Суд постановил, что всеобщее право личности должно пониматься как абсолютное, всеобъемлющее право на уважение и развитие личности (*absolutes, umfassendes Recht auf Achtung und Entfaltung der Persönlichkeit*). Важно отметить, что германские суды традиционно видят в конституционных положениях, провозглашающих права и свободы человека, базовую предпосылку для конструирования отдельных субъективных гражданских прав (прав на имя, частную жизнь, честь, достоинство и деловую репутацию и т.д.), тем самым придавая «каучуковым», рамочным нормам *GG* реальное частно-правовое содержание.

Практически в тот же исторический период несколько отличным путем пошел французский законодатель, предусмотрев внесение изменений непосредственно в Гражданский кодекс 1804 г. (*Code civil*): так, в 1970 г. радикально изменяется содержание ст. 9 кодекса, в которой прямо закрепляется право граждан на уважение их личной жизни (*chacun a droit au respect de sa vie privée*)¹⁹. Указанная норма стала главным (и долгое время практически единственным наравне со ст. 16 названного кодекса) основанием защиты личных прав гражданско-правовыми средствами во французских судах.

Таким образом, во второй половине XX в. В европейском законодательстве и судебной практике формируется целостный институт личных прав, занимая прочное место в системе гражданского законодательства.

¹⁸ BVerfGE 35, 202.

¹⁹ Bertrand-Mirkovic, A. Droit civil: personnes, famille. Paris, 2004. P. 66.

¹⁴ Долгое время (практически до 1980-х гг.) отечественная цивилистика развивала учение о личных правах в целом в отрыве от доктрины прав человека. По всей видимости, в этом проявлялось также и идеологическое неприятие концепции прав человека, признававшейся наиболее радикальными авторами «фашистской» и «буржуазной» концепций (см., например: Левин И.Д. Фашизация государственного строя и государственного права США // Труды Института права. Буржуазное право на службе американского империализма. 1951. Вып. 1. С. 112; и др.).

¹⁵ O'Callaghan, P. Refining Privacy in Tort Law. Berlin, Heidelberg, 2013. P. IX ff. Здесь также нужно оговориться, что и в области *privacy* в странах общего права существует разрозненность правового регулирования, «распыленность» правовых норм по различным отраслям права, что в конечном счете нередко затрудняет правоприменение (*Privacy and the Criminal Law* / ed. by E. Claes, A. Duff, S. Gutwirth. Antwerpen, Oxford, 2006. P. 2 ff.).

¹⁶ Подобная дихотомия известна и романо-германским правовым порядкам, однако в последних, в отличие от стран общего права, регулирование обеих групп неимущественных отношений осуществляется преимущественно (хотя и с некоторыми изъятиями) в рамках единой отрасли частного права (ср.: Маковский А.А. Вводный комментарий к Гражданскому кодексу // Маковский А.А. О кодификации гражданского права. М., 2010. С. 431–432).

¹⁷ См. подр.: Human Rights, Human Dignity, and Cosmopolitan Ideals: Essays on Critical Theory and Human Rights / ed. by M. Lutz-Bachmann, A. Nascimento. London, New York, 2016. P. 77 ff.; Sainsbury, M. Moral Rights and Their Application in Australia. Leichhardt, 2003. P. 12 ff.

Литература

1. Левин И.Д. Фашизация государственного строя и государственного права США / И.Д. Левин // Труды Института права. Буржуазное право на службе американского империализма. 1951. Вып. 1. 184 с.
2. Маковский А.А. О кодификации гражданского права / А.А. Маковский. М.: Статут, 2010. 736 с.

3. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права / И.А. Покровский. М. : Статут, 2013. 351 с. (Серия «Классика российской цивилистики»).
4. Розин Н.Н. Об оскорблении чести: Уголовно-юридическое исследование. Общая часть. Опозорение / Н.Н. Розин. Томск : Печатня С.П. Яковлева, 1910. 470 с.
5. Санфилиппо Ч. Курс римского частного права / Ч. Санфилиппо. М. : Наука, 2014. 464 с.
6. Флейшиц Е.А. Избранные труды по гражданскому праву : в 2-х т. / Е.А. Флейшиц. М. : Статут, 2015. 512 с.; 720 с. (Серия «Классика российской цивилистики»).
7. Флейшиц Е.А. Соотношение правоспособности и субъективных прав / Е.А. Флейшиц // Вестник гражданского права. 2009. Т. 9. № 2. С. 209–230.
8. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: Древность и Средние века / сост. В.А. Томсинов. М. : Зерцало, 2004. 456 с.
9. Черниловский З.М. Всеобщая история государства и права / З.М. Черниловский. М. : Юристъ, 1996. 570 с.
10. Ярошенко К.Б. Физические лица как субъекты гражданского права / К.Б. Ярошенко // Гражданское право и современность : сб. ст., посв. памяти М.И. Брагинского / под ред. В.Н. Литовкина, К.Б. Ярошенко. М. : Статут, 2013. 766 с.
11. Adler, E. Die Persönlichkeitsrechte im allgemeinen bürgerlichen Gesetzbuch / E. Adler // Sonderabdruck aus der Festschrift zur Jahrhundertfeier des Allgemeinen bürgerlichen Gesetzbuches. Bd. 2. Wien, 1911. P. 163–227.
12. Barker, C. Dignity in International Human Rights Law / C. Barker. London : International Write for Rights Movement, 2011. 76 p.
13. Bertrand-Mirkovic, A. Droit civil: personnes, famille / A. Bertrand-Mirkovic. Paris : Studyrama, 2004. 495 p.
14. Burdick, W.L. The Principles of Roman Law and Their Relation to Modern Law / W.L. Burdick. Clark (NJ) : The Law Book Exchange Ltd., 2004. 210 p.
15. Canaris, C.–W. Grundprobleme des privatrechtlichen Persönlichkeitsschutzes / C.–W. Canaris // Juristische Blätter (JBl). 1991. No. 74. P. 205–237.
16. Cancik, H. “Dignity of Man” and “Personal” in Stoic Anthropology: Some Remarks on Cicero, De Officiis I / H. Cancik // Concept of Human Dignity in Human Rights Discourse // Ed. by D. Kretzmer, E. Klein. Netherlands : Kluwer Law International, 2002. 324 p.
17. Eckes, C. EU Accession to the ECHR: Between Autonomy and Adaptation / C. Eckes // Modern law review. 2013. Vol. 76. No. 2. P. 254–285.
18. Human Rights, Human Dignity, and Cosmopolitan Ideals: Essays on Critical Theory and Human Rights / ed. by M. Lutz-Bachmann, A. Nascimento. London, New York : Routledge Taylor & Francis Group, 2016. 748 p.
19. Karner, E. Menschenrechte und Schutz der Persönlichkeit im Zivilrecht / E. Karner // Österreichische Juristen Zeitung. 2013. Heft 20. P. 906–930.
20. Lavrysen, L. Protection by the Law: The Positive Obligation to Develop a Legal Framework to Adequately Protect ECHR / L. Lavrysen // Rights Human Rights and Civil Liberties in the 21st Century / ed. by Y. Haeck, E. Brems. Heidelberg, New York, London : Springer Netherlands, 2014. 262 p.
21. Levy, E. Natural Law in the Roman Period / E. Levy // Natural Law Institute Proceedings. University of Notre Dame. 1949. Vol. 2. P. 43–72.
22. McCrudden, Ch. Human Dignity and Judicial Interpretation of Human Rights / Ch. McCrudden // The European Journal of International Law. 2008. Vol. 19. No. 4. P. 645–672.
23. Montero, J. Human Rights, Personal Responsibility, and Human Dignity: What Are Our Moral Duties to Promote the Universal Realization of Human Rights? / J. Montero // Human Rights Review. 2017. Vol. 18. P. 67–85.
24. O’Callaghan, P. Article 8 ECHR as a General Personality Right?: A Commentary on Axel Springer AG v Germany [2012] ECHR 227 / P. O’Callaghan // Journal of European Tort Law. 2015. Vol. 6. No. 1. P. 69–84.
25. O’Callaghan, P. Refining Privacy in Tort Law / P. O’Callaghan. Berlin, Heidelberg: Springer, 2013. 170 p.
26. Privacy and the Criminal Law / ed. by E. Claes, A. Duff, S. Gutwirth. Antwerpen, Oxford : Intersentia, 2006. 199 p.
27. Sainsbury, M. Moral Rights and Their Application in Australia / M. Sainsbury. Leichhardt : The Federation Press, 2003. 234 p.
28. Shumway, E.S. Freedom and Slavery in Roman Law / E.S. Shumway // Law Review. University of Pennsylvania. 1901. No. 49. P. 632–655.

References

1. Levin I.D. Fashizatsiya gosudarstvennogo stroya i gosudarstvennogo prava SShA [Fascination of the State System and State Law of the USA] / I.D. Levin // Trudy Instituta prava. Burzhuaznoe pravo na sluzhbe amerikanskogo imperializma — Works of the Institute of Law. Bourgeois Law in the Service of the American Imperialism. 1951. Issue 1. 184 s.
2. Makovsky A.L. O kodifikatsii grazhdanskogo prava [On Codification of Civil Law] / A.L. Makovsky. Moskva : Statut — Moscow : Statute, 2010. 736 s.
3. Pokrovsky I.A. Osnovny'e problemy' grazhdanskogo prava [The Key Issues of Civil Law] / I.A. Pokrovsky. Moskva : Statut — Moscow : Statute, 2013. 351 s. (Seriya “Klassika rossiyskoy tsivilistiki” — Series : Classics of Russian Civil Law).
4. Rozin N.N. Ob oskorblenii chesti: Ugolovno-yuridicheskoe issledovanie. Obschaya chast. Opozorenii [On Offence to Honor: Criminal Law Research. General Part. Defamation] / N.N. Rozin. Tomsk : Pechatnya S.P. Yakovleva — Tomsk : S.P. Yakovlev's printing office, 1910. 470 s.
5. Sanfilippo H. Kurs rimskogo chastnogo prava [Course of Roman Private Law] / H. Sanfilippo. Moskva : Nauka — Moscow : Science, 2014. 464 s.
6. Fleyshits E.A. Izbranny'e trudy' po grazhdanskomu pravu : V 2-kh t. [Selected Works on Civil Law : in 2 vol.] / E.A. Fleyshits. Moskva : Statut — Moscow : Statute, 2015. 512 s.; 720 s. (Seriya “Klassika rossiyskoy tsivilistiki” — Series : Classics of Russian Civil Law).

7. Fleyshts E.A. Sootnoshenie pravospobnosti i subektivny'kh prav [Correlation between Legal Capacity and Subjective Rights] / E.A. Fleyshts // *Vestnik grazhdanskogo prava — Civil Law Bulletin*. 2009. Vol. 9. № 2. S. 209–230.
8. Khrestomatiya po istorii gosudarstva i prava zarubezhny'kh stran: Drevnost i Srednie veka / sost. V.A. Tomsinov [Anthology of the History of State and Law of Foreign Countries: the Old Age and the Middle Ages]. Moskva : Zertsalo — Moscow : Mirror, 2004. 456 s.
9. Chernilovsky Z.M. Vseobshchaya istoriya gosudarstva i prava [The World History of State and Law] / Z.M. Chernilovsky. Moskva : Yurist — Moscow : Lawyer, 1996. 570 s.
10. Yaroshenko K.B. Fizicheskie litsa kak subyekty' grazhdanskogo prava [Natural Persons as Subjects of Civil Law] / K.B. Yaroshenko // *Grazhdanskoe pravo i sovremennost' : sb. st., posv. pamyati M.I. Braginskogo / pod red. V.N. Litovkina, K.B. Yaroshenko*. Moskva : Statut — Civil Law and the Modern Times : collection of articles dedicated to the memory of M.I. Braginsky / edited by V.N. Litovkin, K.B. Yaroshenko. Moscow : Statute, 2013. 766 s.
11. Adler, E. Die Persönlichkeitsrechte im allgemeinen bürgerlichen Gesetzbuch / E. Adler // *Sonderabdruck aus der Festschrift zur Jahrhundertfeier des Allgemeinen bürgerlichen Gesetzbuches*. Bd. 2. Wien, 1911. S. 163–227.
12. Barker, C. Dignity in International Human Rights Law / C. Barker. London : International Write for Rights Movement, 2011. 76 s.
13. Bertrand-Mirkovic, A. Droit civil: personnes, famille / A. Bertrand-Mirkovic. Paris : Studyrama, 2004. 495 s.
14. Burdick, W.L. The Principles of Roman Law and Their Relation to Modern Law / W.L. Burdick. Clark (NJ) : The Law Book Exchange Ltd., 2004. 210 s.
15. Canaris, C.–W. Grundprobleme des privatrechtlichen Persönlichkeitsschutzes / C.–W. Canaris // *Juristische Blätter (JBI)*. 1991. № 74. S. 205–237.
16. Cancik, H. “Dignity of Man” and “Personal” in Stoic Anthropology: Some Remarks on Cicero, *De Officiis I* / H. Cancik // *Concept of Human Dignity in Human Rights Discourse* // Ed. by D. Kretzmer, E. Klein. Netherlands : Kluwer Law International, 2002. 324 s.
17. Eckes, C. EU Accession to the ECHR: Between Autonomy and Adaptation / C. Eckes // *Modern law review*. 2013. Vol. 76. № 2. S. 254–285.
18. Human Rights, Human Dignity, and Cosmopolitan Ideals: Essays on Critical Theory and Human Rights / ed. by M. Lutz-Bachmann, A. Nascimento. London, New York : Routledge Taylor & Francis Group, 2016. 748 s.
19. Karner, E. Menschenrechte und Schutz der Persönlichkeit im Zivilrecht / E. Karner // *Österreichische Juristen Zeitung*. 2013. Heft 20. S. 906–930.
20. Lavrysen, L. Protection by the Law: The Positive Obligation to Develop a Legal Framework to Adequately Protect ECHR / L. Lavrysen // *Rights Human Rights and Civil Liberties in the 21st Century* / ed. by Y. Haeck, E. Brems. Heidelberg, New York, London : Springer Netherlands, 2014. 262 s.
21. Levy, E. Natural Law in the Roman Period / E. Levy // *Natural Law Institute Proceedings*. University of Notre Dame. 1949. Vol. 2. S. 43–72.
22. McCrudden, Ch. Human Dignity and Judicial Interpretation of Human Rights / Ch. McCrudden // *The European Journal of International Law*. 2008. Vol. 19. № 4. S. 645–672.
23. Montero, J. Human Rights, Personal Responsibility, and Human Dignity: What Are Our Moral Duties to Promote the Universal Realization of Human Rights? / J. Montero // *Human Rights Review*. 2017. Vol. 18. S. 67–85.
24. O'Callaghan, P. Article 8 ECHR as a General Personality Right?: A Commentary on Axel Springer AG v Germany [2012] ECHR 227 / P. O'Callaghan // *Journal of European Tort Law*. 2015. Vol. 6. № 1. S. 69–84.
25. O'Callaghan, P. Refining Privacy in Tort Law / P. O'Callaghan. Berlin, Heidelberg: Springer, 2013. 170 s.
26. Privacy and the Criminal Law / ed. by E. Claes, A. Duff, S. Gutwirth. Antwerpen, Oxford : Intersentia, 2006. 199 s.
27. Sainsbury, M. Moral Rights and Their Application in Australia / M. Sainsbury. Leichhardt : The Federation Press, 2003. 234 s.
28. Shumway, E.S. Freedom and Slavery in Roman Law / E.S. Shumway // *Law Review*. University of Pennsylvania. 1901. № 49. S. 632–655.

К вопросу о стратификационно-фискальной оптимизации в правовом регулировании сословий Российской империи

*Ефремова Ольга Валентиновна,
аспирант кафедры истории и международных отношений
Среднерусского института управления — филиала
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
eov2209@mail.ru*

Автор постулирует тезис о том, что сословное разделение общества — естественное и, возможно, неизбежное для определенного этапа общественной эволюции устройство, повышающее функциональность разделения труда и скорость развития в той или иной стране при условии, что законодательное регулирование и практика повседневной жизни сословий отвечают оптимальным для данного времени условиям, но сословная организация в Российской империи не успевала эволюционировать вслед за изменением общества не только в части стратификационной функции для привилегированных сословий, но и в части фискальной функции, исходя из потребностей экономики. В итоге автором делается вывод о невозможности возвращения к сословной стратификации в современной России.

***Ключевые слова:** Российская империя, сословия, правовое положение сословий, сословная структура общества.*

On the Stratification and Fiscal Optimization in the Legal Regulation of Social Classes in the Russian Empire

*Efremova Olga V.
Postgraduate Student of the Department of History and International Relations
of the Central Russian Institute of Management — branch
of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration*

The author postulates the thesis that the social class division of society — a natural and perhaps inevitable to a certain stage of social evolution device that increase the functionality of the division of labor and the rate of development in a particular country provided that the law and practice of everyday life classes meets optimal for the given time conditions, but a class organization in the Russian Empire did not have time to evolve along with the change in society, not only in terms of the stratification functions to the privileged classes, but in the part of the fiscal functions based on the needs of the economy. In the conclusion to the article the conclusion about the wrong perception of the class device in the modern Russian society and the impossibility of returning to it in modern Russia.

***Keywords:** the Russian Empire, class, legal status of social classes, social class structure of society.*

Разделение обществ на сословия в человеческой истории проистекает из разделения функций — естественного и неизбежного явления в сложно организованных государствах. Так же неизбежно возникало различие в социальном статусе (престиже), привилегиях, юридически закрепленных правах и обязанностях, материальном достатке представителей различных сословий. В одних случаях разделение становилось жестко закрепленным и наследуемым, без возможности перехода в другое сословие даже для потомков (классический пример — индийские касты), а в других случаях, напротив, прикрепление к сословию даже не было пожизненным (например, в России статус

купца какой-либо гильдии сохранялся за человеком только до тех пор, пока он вносил в казну установленный регулярный платеж).

Целью настоящей работы является выделение социально-стратификационной и фискально-имущественной функций сословного деления на примере Российской империи, а также постановка проблемы оптимизации правового регулирования.

1. Функциональные причины возникновения и сохранения сословного деления

Разделение труда, необходимое для существования сложных обществ, требует надлежащего качества выполнения соответствующих

данному месту функций, а значит, необходимой квалификации/подготовки и адекватной системы мотивации (включающей все виды материального и морального вознаграждения и наказания). Разные цивилизации разрешали обе проблемы по-разному, при этом критериями успешности решения могут выступать как краткосрочное реагирование государств в ответ на текущие смертельные вызовы, так и способность к долгосрочному выживанию и развитию в геополитической конкуренции.

На наш взгляд, основным параметром, позволяющим дать наиболее грубое описание сословной системы той или иной эпохи, является социальная мобильность, регулирование которой в данной системе во многом задает и систему профессиональной подготовки, и мотивационную составляющую. На противоположных полюсах при оценке по этому показателю находятся предельно «демократичная» китайская система, в которой по-настоящему наследовался только императорский трон, а продвижение по служебной лестнице строилось на меритократической основе, и индийская система отграниченных каст без возможности смешанных браков и перехода из одной касты в другую, во многом совпадающая с равным делением, которое, скорее всего, исторически происходило из господства племенн-завоевателя над другими.

На основе изучения работ современных исследователей можно сформулировать вывод, что оба обозначенных полюса сословного устройства оказались неадекватны вызовам времени и не обеспечили достаточные темпы развития. Так, указывается на отсутствие накопления капиталов в поколениях в китайской системе, затруднившее развитие капитализма, равно как и «прокрестьянский» характер землепользования, способствовавший бесконечному повторению циклов аграрного перенаселения и социально-экономических кризисов, практически отбрасывавших китайскую цивилизацию на исходные рубежи¹. В «замороженной» кастовой системе Индии недоставало конкурентной мотивации для выхода на другой уровень и в социальном статусе, и в материальном благосостоянии.

Следующими параметрами являются содержание привилегий, прав и обязанностей в разных сословиях, их соответствие выполняемым функциям, а также конкретные критерии, по которым осуществляется переход в другое сословие, их соответствие необходи-

мым качествам, накладываемым на носителей данных прав и обязанностей.

По всей видимости, сословное деление общества для прошедших эпох было естественной чертой и даже потребностью, поскольку именно это деление обеспечивало общественную стабильность и выполнение различных функций. При этом каждой эпохе присущ свой уровень оптимальной социальной мобильности, ниже которого наблюдается застой и отсутствие мотивации, а выше — перерасход ресурсов на конкуренцию и снижение эффективности выполнения функций.

Так, применительно к Новому времени тезис о непродуктивности излишней социальной мобильности с точки зрения развития общества находит свое подтверждение при наблюдении за высочайшим уровнем подготовки дворянской элиты успешных европейских стран по сравнению со средним уровнем населения. Ясно, что в той же Российской империи XIX в. рассредоточение среди всех сословий ресурсов, которые были использованы на образование дворянской элиты, не позволило бы добиться такого же прорыва в культуре, науке и государственном строительстве, который наблюдался в этот период. Кроме того, немаловажную роль в достижениях элиты играла и моральная мотивация, привитая в ходе воспитания и образования в привилегированных условиях (представления о долге, достоинстве и чести, патриотизм, эстетические представления, познавательные мотивы). Сомнительно, что аналогичное развитие внутренних ориентиров в тех условиях можно было обеспечить для тягловых сословий, помыслы которых были сосредоточены на добывании хлеба насущного. По мнению Й. Шумпетера², именно дворянская среда с ее культурным типом высокообразованного военного дала европейским странам блестящих государственных деятелей, дипломатов, ученых, деятелей искусства, в то время как буржуазия и крестьянство поставляли кадры для предпринимательской деятельности.

С другой стороны, возможности вертикальной мобильности должны быть достаточно высоки как для повышения статуса талантливых самородков, так и для снижения статуса в тех случаях, когда тот или иной представитель не отвечает высоким требованиям, налагаемым на его сословие (в случае если это сословие привилегированное).

Как избыточные, так и недостаточные, равно как и неправильно подобранные, привилегии могут способствовать деградации функ-

¹ Нефедов С.А. Концепция демографических циклов. Екатеринбург, 2007; Нефедов С.А. О демографических циклах в истории средневековой Руси // Клио. 2002. № 3. С. 193–203; и др.

² Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М., 1995.

циональности: слишком высокое потребление привилегированных сословий влечет элементы «соискания ренты»³ и перерасход ресурсов на процесс выбивания и удержания привилегий, в то время как недостаточные привилегии снижают стимулы для достижения высоких результатов в привилегированном сословии.

По мере экономического развития и роста богатства общества, а также в условиях значительно ускорившейся эволюции социальных ролей и экономических функций, с одной стороны, расширились возможности для предоставления новым поколениям образования, позволяющего почти всем, при достаточных талантах, выбрать себе дорогу в жизни, с другой стороны, существенно ослабла мотивация не только для наследования социальной функции родителей новым поколением, но часто и для сохранения одной и той же социальной функции одним человеком на протяжении активной жизни. Тем не менее, и в наше время сохраняет силу ряд факторов, которые часто обуславливают пригодность выходцев из определенных (привилегированных) слоев для выполнения привилегированных функций, т.е. для условной наследуемости социального деления даже в отсутствие юридического закрепления. Это прежде всего поведенческие стереотипы, социальные навыки и культурный уровень, которые передаются либо от родителей к детям, либо в рамках более широкой социальной среды (например, «улицы» в данном районе города) даже в условиях формально равного образования для всех. На самом деле более состоятельные, образованные или мотивированные родители готовы прилагать дополнительные усилия для подготовки своих детей, и поэтому говорить об абсолютно равном образовании и равных возможностях для всех не приходилось даже в советском обществе, хотя юридически со стороны государства все было сделано для обеспечения такого равенства. При этом вступительные экзамены в престижные вузы, возможность исключения, элементы меритократии в карьере также выступали в роли препонов, затруднявших перемещение из одного слоя в другой, поскольку именно принадлежность родителей или исходной социальной среды к привилегированному слою помогала успешной сдаче экзаменов или продвижению по служебной лестнице. Таким образом, даже в обществе с максимальными государственными

усилиями по обеспечению реализации эгалитарного принципа в отношении нового поколения можно говорить не о стопроцентном, но о высоковероятном наследовании социального статуса, когда выходцы из условно привилегированных слоев получают больше шансов на успех в силу лучшей подготовки и наличия высококоранговых знакомств у родителей.

Таким образом, стратификация, обусловленная сословной системой, является в той или иной мере неизбежной чертой любого развитого общества (даже без какого-либо юридического закрепления сословий), а в определенных аспектах — и необходимым условием адекватного выполнения функций. Насколько конкретная составляющая стратификации отвечает интересам общества и возможно ли ее изменить, подлежит исследованию в каждом конкретном случае.

2. Проблема устойчивости сословной системы: основные факторы

В то же время одна из сторон эффективности стратификационной системы — это ее устойчивость, которая, в свою очередь, зависит от степени консолидации, обеспечиваемой стратификационной системой, и легитимности в обществе. Вообще говоря, ввиду эволюции общественного сознания, постоянного возникновения и распространения новых элитаристских или эгалитаристских идей, не прошедших глубокой теоретической проработки и имеющих скорее эмоциональную подоплеку, социальная эффективность той или иной системы стратификации обязательно соответствует высокой степени консолидации и легитимности. Общественное сознание может быть как элитаристским, так и эгалитаристским. Чем глубже социальная стратификация как таковая, тем более сильные механизмы консолидации и легитимизации необходимы.

Сословность — это прежде всего юридически закрепленная стратификация, в рамках которой на представителя каждого сословия распространяются определенные права и обязанности.

Для успешной работы сословного механизма необходимы: 1) относительно объективная оценка заслуг со стороны государства; 2) вознаграждение за эти заслуги, соответствие сословного положения заслугам; 3) принятие обществом сословной системы и подкрепление массовым поведением привилегий и обязанностей, закрепленных сословным рангом. Социальное положение (в сословном смысле) следует рассматривать прежде всего как специфический комплекс прав и обязанностей, определяющих уровень подготовки человека (образование и воспитание). В большинстве случаев оно может подкрепляться материаль-

³ Таллок Гордон. Соискание ренты [Электронный ресурс] // В сб.: The New Palgrave Dictionary. URL: http://gallery.economicus.ru/cgi-bin/frame_rightn_newlife.pl?type=in&links=../in/tulloch/works/tulloch_w3.txt&img=works.jpg&name=tulloch (дата обращения: 04.12.2017).

ным положением, но не наоборот. Социальное положение нужно было заслужить и подерживать.

Наиболее сложный вопрос в этом плане — тема о наследовании социального положения по мере развития общества: далеко не всегда количество наследников и новых рекрутов в социальный слой совпадает с необходимой его численностью для выполнения тех или иных функций. Так, ввиду действия майората для дворянской земельной собственности в Российской империи образовался немалый слой необеспеченных людей с высоким статусом, и большое количество беспоместных дворян стало питательной средой для всякого рода революционных настроений. Таким образом, правовое регулирование сословий не соответствовало потребности в развитии стратификации, что в конечном итоге привело к явному расхождению юридически закрепленного наследуемого сословного деления и необходимой при данной организации общества стратификации.

Отдельным аспектом являются критерии сословного разделения и механизмы его обеспечения. В Российской империи для привилегированных сословий использовались образовательный и служебный критерии, для тяглых — экономический и фискальный. Надо сказать, что, несмотря на быстрое изменение законодательства в сфере сословного регулирования, начиная с определенного момента темпы эволюции общества превысили скорость возможного регулирования сословного деления на основе формальных принципов и привели к фактическому постепенному демонтажу сословной системы. Так, изначальный образовательно-служебный критерий, согласно которому были сформированы привилегированные сословия, расходился с фактическим юридическим закреплением положения в привилегированном сословии через наследуемость дворянского титула. Способы налогообложения податных сословий устанавливались без учета экономической динамики и вне зависимости от материального положения налогоплательщика.

3. Стратификационно-фискальный дуализм в регулировании сословного устройства Российской империи

В связи с тем что Русское государство усложнилось и стало перенимать европейские способы организации достаточно поздно, вплоть до XVII в. не вводилось специфического правового регулирования и внутренней коммуникации. Безусловно, социальные группы дворянства, духовенства, купечества, мещанства и крестьянства существовали в государстве (и их вполне можно назвать сословными груп-

пами), однако у них не было развито корпоративной организации и четкого разграничения в правах. Следует отметить, что применительно к этому периоду не всегда корректно говорить даже о привилегированном положении какой-либо социальной группы. Так, дворянство несло настолько тяжелую военную службу, что нередко были случаи обращения дворян к царю с просьбой о переходе в крестьяне.

Первые попытки правового упорядочения сословной системы на основе приближения к европейским образцам относятся к периоду петровских реформ, однако ее институционализация приходится на царствование Екатерины II. Вместе с тем, даже в этот период переговоры между сословиями в России оставались принципиально более преодолимыми, чем в большинстве западноевропейских стран. В то время как европейские страны (с конца XVIII в. до середины XIX в.) постепенно отказывались от сословной системы, в России происходило завершение ее оформления и укрепление вплоть до реформ Александра II, после чего сословные различия стали быстро сглаживаться.

Основным привилегированным сословием в России было дворянство, которое, начиная с петровских времен, являлось служилым сословием с формальным равенством всех его членов (различия в титулах не влекли юридических преимуществ) и возможностью для представителей иных сословий быть произведенными в дворяне в награду⁴. В ряде случаев человек мог быть произведен только в личное дворянство, потомственное дворянство предоставлялось за особые заслуги. Наличие дворянства давало возможность получить лучшее образование и попасть на государственную службу, по этой причине правящая элита формировалась из дворян. Дворянство имело систему внутрисословного самоуправления (дворянские собрания), возможность участия в котором зависела не от титула, а от имеющейся собственности. При Екатерине II дворяне освобождаются от обязательной военной службы, получают право владеть имениями и крестьянами. Как видим, с функциональной точки зрения помещный дворянин осуществлял государственную власть на местах, и вменение ему некоторых инструментов управления (возможность ссылать своих крестьян в Сибирь и отдавать в рекруты) следует рассматривать как делегирование государством помещику своих карательных полномочий.

Вторым привилегированным сословием в России было духовенство, оно освобожда-

⁴ Лавицкая М.И. Правовое положение дворянского сословия в России в XIX — начале XX века // История государства и права. 2009. № 5. С. 20–23.

лось от податей и рекрутчины, но было обязательно служить церкви.

Третьим сословием, освобожденным от податей, было казачество, которому выделялась земля для обеспечения собственных нужд и вменялась обязанность первоочередного участия в войне, содержания необходимого вооружения и пр. Внутрисословная организация казачества совпадала с военной. Нахождение в казачьем сословии было наследуемым, при этом не исключалась запись в казачество представителей других сословий. Однако вопрос о выделении казачества в качестве отдельного (и тем более привилегированного) сословия можно считать дискуссионным.

Аналогичная проблема возникает и в отношении купечества. Следует отметить, что в научной среде не выработано единой позиции по поводу природы купеческого сословия, нет единого мнения и о том, можно ли вообще считать его сословием. Так М.И. Лавицкая, подробно исследовавшая историографию по данной проблематике⁵, отмечает работы ученых, которые не выделяют купечество как сословие, считая его одной из страт городских жителей из-за отсутствия одного основополагающего сословного признака — наследственности (поскольку принадлежность к купечеству определялась капиталом)⁶ или отсутствия четкой и полной характеристики⁷. Тем не менее, ряд ученых признают купечество привилегированным сословием⁸.

В целом можно отметить, что в современной исторической науке не выработано единой консолидированной позиции в отношении сословной структуры Российской империи. По нашему мнению, исходя из критерия налогообложения, к числу податных социальных групп можно отнести крестьян, мещан, купцов, цеховых (ремесленников). Налогообложение для них было индивидуально установленным и определялось конкретным видом деятельности. Например, мещанам была разрешена торговля (только мелкая) и наем определенного числа работников, цеховые имели право занятий определенными ремеслами. Вид торгово-промышленной деятельности купцов зависел от их гильдейской принадлеж-

ности. Правила налогообложения часто менялись, за исключением установлений для крестьян, плативших подушную подать. В число обязанностей податных сословий также входила рекрутская повинность (за некоторыми исключениями).

Необходимо сказать, что по мере ускорения экономического развития становились все более разнообразными экономические роли, в этих условиях попытки царского правительства адаптировать фискальную систему, построенную на фиксированных платежах, к этим изменениям давали многочисленные сбои, и это способствовало постепенному переходу к налоговой системе более современного типа.

Ведущим замыслом регулирования сословной дифференциации обычно выступала функциональность разделения труда и социальных ролей. Для достижения стратегических целей романовской династии привилегированным сословиям пытались создать оптимальные условия на службе, а с податных сословий пытались взывать налоги для осуществления функций государства. Корпоративная организация внутри сословий и система сословных наказаний вводились, скорее всего, как элемент экономии бюджетных средств. Например, дворянские собрания или органы самоуправления мещан финансировались за счет собственных средств представителей этих сословий, но были придатком к государственному аппарату. Однако следует отметить, что подобная организация социума имела положительный побочный эффект, возникавший благодаря коммуникации внутри сословий (повышение культурного уровня дворянства, появление новых идей, развитие городской среды и т.д.). Таким образом, действовавшие внутрисословные механизмы непосредственно влияли на повышение общего уровня развития общества и сыграли свою позитивную роль в достижении стратегической цели — строительстве блестящей европейской империи.

Необходимо подчеркнуть, что внутрисословные элементы управления, в той части, в которой они выполняли государственные функции, служили в первую очередь для упрощения реализации задач госаппарата. Так, круговая порука в общине при взывании подушной подати избавляла от проблем со сбором налогов на местах. Однако вопрос о том, можно ли считать такое делегирование государственных полномочий общине оптимальным применительно, например, к XIX в., достаточно спорен с точки зрения любого другого критерия, кроме обозначенной задачи. Очевидно, что функционирование общины и реализация круговой поруки также связаны с издержками

⁵ Лавицкая М.И. Орловское купечество второй половины XIX — начала XX века. Орел, 2007.

⁶ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи. XVIII — начало XX вв.: в 2-х т. СПб., 1999. Т. 1. С. 77–80, 110–113.

⁷ Обнорская Н.В. Купечество Ярославской губернии в конце XVIII — начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2000.

⁸ Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословно-классовая структура России в конце XIX — начале XX века. М., 2004.

ми для членов общины — прямыми (для вознаграждения работы сельских старост либо при проведении сельских сходов) и косвенными (жестокость и проявление несправедливости при коллективном воздействии на других членов общины, ошибочные решения сходов). Поэтому взятие этих функций на себя территориальными государственными органами, не привязанными к сословному самоуправлению, могло бы сэкономить ресурсы крестьянских дворов и позволить дополнительное налогообложение на функционирование государственных органов. Не случайно в 1903–1905 гг. круговая порука была полностью отменена, обложение крестьян налогами стало индивидуальным, а производилось их взывание государственными чиновниками (податными инспекторами).

Таким образом, можно сказать, что сословная организация не только не успевала эволюционировать вслед за изменением общества в части стратификационной функции для привилегированных сословий, но и не была модернизирована в части фискальной функции в соответствии с потребностями экономики, что повлекло отмену фискальных функций сословной системы еще до революции.

4. Выводы

Сословное разделение общества — естественное и, возможно, неизбежное для определенного этапа общественной эволюции устройство, повышающее функциональность разделения труда и уровень развития общества в той или иной стране. Однако подобное

положение наблюдается только в том случае, если законодательное регулирование и практика повседневной жизни сословий отвечают оптимальным для данного времени условиям. Это касается определения прав и обязанностей сословий, проницаемости межсословных перегородок (социальной мобильности), оптимальных стимулов для максимальной реализации каждого члена сословного общества.

Специфика сословной организации в Российской империи имела свои плюсы, способствовавшие военным успехам, государственному строительству и культурному подъему страны при ограниченных экономических ресурсах, однако сословное устройство не успело соответствовать вызовам времени. Это привело не только к провалам экономического регулирования и хроническому недостатку денег в казне, но и к ставшим заметными явлениям паразитизма и вырождения части элиты, деградации податных сословий, ослаблению консолидации общества и в конечном итоге к делегитимации всего устройства империи.

Вряд ли можно поддержать раздающиеся сейчас призывы к восстановлению сословной системы, по крайней мере в части наследуемого характера экономических и властных привилегий для современной элиты. Тем не менее такие элементы сословной организации, как внутрикорпоративные советы, способные принимать юридически значимые решения в отношении своих членов, могут оказаться весьма полезными для развития культуры и роста профессионализма, повышения качества выполнения социальных ролей.

Литература

1. Иванова Н.А. Сословно-классовая структура России в конце XIX — начале XX века / Н.А. Иванова, В.П. Желтова. М.: Наука, 2004. 574 с.
2. Лавицкая М.И. Орловское дворянство и купечество второй половины XIX — начала XX века (социокультурная характеристика) / М.И. Лавицкая. Орел: Изд-во ОРАГС, 2007. 184 с.
3. Лавицкая М.И. Орловское купечество второй половины XIX — начала XX века / М.И. Лавицкая. Орел, 2007. 288 с.
4. Лавицкая М.И. Правовое положение дворянского сословия в России в XIX — начале XX века / М.И. Лавицкая // История государства и права. 2009. № 5. С. 20–23.
5. Лавицкая М.И. Правовое положение духовного сословия в России в XIX — начале XX в. / М.И. Лавицкая // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 8 (76). С. 335–343.
6. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи. XVIII — начало XX вв.: в 2-х т. / Б.Н. Миронов. СПб., 1999. Т. 1. 548 с.
7. Нефедов С.А. Концепция демографических циклов / С.А. Нефедов. Екатеринбург: Изд-во УГТУ, 2007. 141 с.
8. Нефедов С.А. О демографических циклах в истории средневековой Руси / С.А. Нефедов // Клио. 2002. № 3. С. 193–203.
9. Обнорская Н.В. Купечество Ярославской губернии в конце XVIII — начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук / Н.В. Обнорская. Ярославль, 2000. 262 с.
10. Таллок Г. Соискание ренты // В сб.: The New Palgrave Dictionary [Электронный ресурс]. URL: http://gallery.economicus.ru/cgi-bin/frame_rightn_newlife.pl?type=in&links=../in/tulloch/works/tulloch_w3.txt&img=works.jpg&name=tulloch (дата обращения: 04.12.2017).
11. Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия / Й. Шумпетер; пер. с англ., предисл. и общ. ред. В.С. Автономова. М.: Экономика, 1995. 540 с.

References

1. Ivanova N.A. Soslovno-klassovaya struktura Rossii v kontse XIX — nachale XX veka [The Estate and Class Structure of Russia in the Late XIX to the Early XX Century] / N.A. Ivanova, V.P. Zheltova. Moskva : Nauka — Moscow : Science, 2004. 574 s.
2. Lavitskaya M.I. Orlovskoe dvoryanstvo i kupechestvo vtoroy poloviny' XIX — nachala XX veka (sotsiokulturnaya kharakteristika) [The Orel Nobility and Merchantry of the Second Half of the XIX to the Early XX Century (Sociocultural Characteristics)] / M.I. Lavitskaya. Orel : Izd-vo ORAGS — Orel : publishing house of the Orel Regional Academy of the State Service, 2007. 184 s.
3. Lavitskaya M.I. Orlovskoe kupechestvo vtoroy poloviny' XIX — nachala XX veka [The Orel Merchantry of the Second Half of the XIX to the Early XX Century] / M.I. Lavitskaya. Orel — Orel, 2007. 288 s.
4. Lavitskaya M.I. Pravovoe polozhenie dvoryanskogo sosloviya v Rossii v XIX — nachale XX veka [Legal Status of the Nobility in Russia in the XIX to the Early XX Century] / M.I. Lavitskaya // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2009. № 5. S. 20–23.
5. Lavitskaya M.I. Pravovoe polozhenie dukhovnogo sosloviya v Rossii v XIX — nachale XX v. [Legal Status of the Clergy in Russia in the XIX to the Early XX Century] / M.I. Lavitskaya // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya : Gumanitarnye nauki — Bulletin of the Tambov University. Series : the Humanities. 2009. № 8 (76). S. 335–343.
6. Mironov B.N. Sotsialnaya istoriya Rossii perioda imperii. XVIII — nachalo XX vv. : V 2-kh t. [Social History of Russia in the Period of the Empire. The XVIII to the Early XX Century : in 2 vol.] / B.N. Mironov. Sankt-Peterburg — Saint Petersburg, 1999. Vol. 1. 548 s.
7. Nefedov S.A. Kontsepsiya demograficheskikh tsiklov [Concept of Demographic Cycles] / S.A. Nefedov. Ekaterinburg : Izd-vo UGGU — Ekaterinburg : publishing house of the URSMU, 2007. 141 s.
8. Nefedov S.A. O demograficheskikh tsiklakh v istorii srednevekovoy Rusi [On Demographic Cycles in the History of the Medieval Russia] / S.A. Nefedov // Klio — Clio. 2002. № 3. S. 193–203.
9. Obnorskaya N.V. Kupechestvo Yaroslavskoy gubernii v kontse XVIII — nachale XX vv. : dis. ... kand. ist. nauk [Merchantry of the Yaroslavl Governorate in the Late XVIII to the Early XX Century : thesis of ... Candidate of Historical Sciences] / N.V. Obnorskaya. Yaroslavl — Yaroslavl, 2000. 262 s.
10. Tullock G. Soiskanie renty' [Rent Seeking] // V sb. : The New Palgrave Dictionary — collection of works : The New Palgrave Dictionary [Elektronnyy resurs — Electronic source]. URL: http://gallery.economicus.ru/cgi-bin/frame_rightn_newlife.pl?type=in&links=../in/tullock/works/tullock_w3.txt&img=works.jpg&name=tullock (reference date: December 4, 2017).
11. Schumpeter J. Kapitalizm, sotsializm i demokratiya [Capitalism, Socialism and Democracy] / J. Schumpeter ; per. s angl., predisl. i obsch. red. V.S. Avtonomova. Moskva : Ekonomika — translated from English, foreword by and under the general editorship of V.S. Avtonomov. Moscow : Economy, 1995. 540 s.

DOI:10.18572/1812-3805-2018-2-65-70

Вторичная правовая социализация как средство освоения правовых ценностей

Скоробогатов Андрей Валерьевич,
 профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин
 Казанского инновационного университета имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП),
 доктор исторических наук, доцент
 skorobogatov@ieml.ru

Скоробогатова Анна Ильдаровна,
 заведующая кафедрой педагогической психологии и педагогики
 Казанского инновационного университета имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП),
 кандидат педагогических наук, доцент
 skorobogatova@ieml.ru

Правовая социализация — процесс выработки у индивида представлений о своей социальной роли и месте в правовой реальности. В ней выделяются два этапа: первичная и вторичная правовая социализация. Первичная правовая социализация — это усвоение индивидом в процессе воспитания и обучения системы правовых знаний, ценностей и норм для адаптации к правовой жизни. Вторичная правовая социализация происходит во время перехода индивида из одной социальной группы в другую. Вторичная правовая социализация представляет собой процесс овладения индивидом правовыми ценностями. Она способствует стереотипизации и каузальной атрибуции индивидом правовой реальности в соответствии с социальным правовым опытом номинальной профессиональной группы.

Ключевые слова: правовая социализация, вторичная правовая социализация, правовая ценность, правосознание, правовая реальность.

Secondary Legal Socialization as a Means of Adoption of Legal Values

Skorobogatov Andrey V.
 Professor of the Department of Theory of State and Law and Public Law Disciplines
 of the Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML)
 Doctor of History
 Assistant Professor

Skorobogatova Anna I.
 Head of the Department of Pedagogical Psychology and Pedagogics
 of the Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML)
 Candidate of Pedagogical Sciences
 Assistant Professor

Law socialization is the making process in the individual perceptions of their social role and place in the law reality. There are two stages in it: primary and secondary law socialization. Primary law socialization is the assimilation of the individual in the process of education and training of law knowledge, values and norms for the adaptation to the law life. Secondary law socialization occurs during the transfer of an individual from one social group to another. Secondary law socialization is a process of learning by the individual law values. It promotes stereotyping and causal attribution individual of law reality in accordance with the law experience of social rated professional group.

Keywords: law socialization, secondary law socialization, law value, law-awareness, law reality.

Современная правовая реальность России отличается трансгрессивным характером и может быть представлена не только онтологически, но и аксиологически¹. Это обуславли-

вает необходимость более широкого подхода к исследованию правовой сферы, использования постклассической методологии².

¹ Подробнее см.: Скоробогатов А.В. Факторы формирования правовой реальности России // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 8. С. 1572–1576; Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Правовая реальность России: философско-правовой анализ // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 1 (2). С. 79–85; Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Правовая реальность

России: константы и переменные // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 2. С. 161–170; Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Правовая реальность России в постклассической парадигме // Правовая культура. 2015. № 3(22). С. 38–47.

² Честнов И.А. Постклассическая теория права. СПб.: Алеф-Пресс, 2012. 650 с.; Медушевская Н.Ф. Методологические программы современной юридической

Как правило, при изучении проблемы формирования правовых ценностей основное внимание уделяется формированию правовой культуры индивида в детстве, юности и молодости, когда под влиянием прежде всего социального правового опыта закладываются основы ценностных ориентаций личности³. Однако не менее значима проблема правовой идентификации индивида во взрослом возрасте⁴.

Исходя из этого, правовую социализацию можно определить как объективно-субъективный процесс включения индивида в правовую реальность в качестве социально активного субъекта (актора), усвоения им правовых норм и ценностей общества (локального сообщества), трансформации их в собственные нормы и ценности, определяющие содержание правового поведения. Целью данного процесса является становление целостной личности, действия которой регулируются нормами права, адаптация индивида к правовой реальности на основе самостоятельности, креативности и ответственности за результаты своей деятельности, независимо от сферы ее осуществления.

В процессе правовой социализации выделяются два периода: первичная социализация, в процессе которой осуществляется правовое воспитание индивида, освоение им социального правового опыта, знаний, оценок и установок родового общества (социальной группы); вторичная социализация, при которой субъект на основе индивидуального правового опыта овладевает знаниями, ценностями и установками, для того чтобы идентифицировать себя с определенной социальной группой (реальной и номинальной).

Если при первичной правовой социализации преимущественно формируется обыденное правосознание, то вторичная правовая социализация направлена на формирование профессионального или доктринального правосознания, в зависимости от статуса в правовой реальности группы, с которой себя идентифицирует субъект⁵. Однако это

не означает, что вторичная социализация представляет собой лишь овладение отдельным социальным сегментом, как утверждает Е.В. Резников⁶. Во-первых, неоднократный характер вторичной социализации дает возможность индивиду освоить правовые ценности различных групп. Во-вторых, в процессе правовой идентификации индивид осваивает не только ценности группы, но и трансформирует систему ценностей, сформировавшихся у него в процессе первичной социализации. Благодаря этому в различных правовых взаимодействиях он может выступать в различных социальных ролях, соответствующих различным ценностным ориентациям в соответствии с принадлежностью к различным социальным группам и обществу в целом. Так, индивид, являющийся военнослужащим и верующим, во время нахождения на военной службе будет стремиться не только полностью соответствовать требованиям воинского устава, но и выполнять все неписанные правила военнослужащих (как реальной и номинальной группы) для позитивной идентификации с группой (например, «дедовщина»). В то же время, приходя в церковь, он ведет себя в соответствии с ценностными ориентациями той конфессии, с которой он себя идентифицирует. Однако одновременно он вступает в целый ряд гражданско-правовых отношений (например, заключение договора купли-продажи), в которых ведет себя в соответствии с общественными правовыми ценностями. Хотя вторичная правовая социализация трансформирует систему правовых ценностей индивида, но не заменяет ее. Чем больше будет коррелировать индивидуальный правовой опыт, являющийся основой вторичной правовой социализации, и социальный правовой опыт, на котором основана первичная социализация, тем более болезненным будет правовая идентификация индивида. Однако одновременно это будет способствовать и минимизации фрагментации его правосознания, благоприятствуя формированию цельной правовой личности, которая в любой ситуации будет действовать единообразно, независимо от того, в какой социальной роли необходимо выступать в данный конкретный момент.

При вторичной социализации происходит определенная трансформация личности (усвоение новых норм и ценностей). Это позволяет уже социализированному индивиду интегрироваться в иные социальные группы. Будучи

науки // История государства и права. 2017. № 3. С. 15–19.

³ Самыгин П.С., Исакова Ю.И., Печкуров И.В. Правовая социализация современной российской молодежи : монография / под ред. С.И. Самыгина. М. : РУСАЙНС, 2016. 172 с.

⁴ Резников Е.В. Теоретические проблемы правовой идентичности. М. : Юнити-Дана, Закон и право, 2014. 250 с.; Исаева Н.В. Правовая идентичность (теоретико-правовое исследование) : монография. М. : Юрлитинформ, 2013. 416 с.

⁵ Гуляихин В.Н. Вторичная правовая социализация человека // Право и политика. 2011. № 9 (141). С. 1583–1590.

⁶ Резников Е.В. Правовая социализация как процесс формирования правовой идентичности // Новая правовая мысль. 2012. № 6. С. 8–9.

активным процессом, вторичная социализация предполагает творческое переосмысление своих действий в соответствии с новой системой норм, ценностей и установок. В этом смысле ее можно рассматривать как «всестороннее и последовательное вхождение индивида в объективный мир общества или в отдельную его часть»⁷. Благодаря ориентации вторичной правовой социализации на адаптацию человека в правовой реальности, она способствует освоению не только групповых, но и общегражданских ценностей. Это в определенной степени позволяет гармонизировать как внутригрупповую и межгрупповую правовую коммуникацию, так и правовую реальность в целом.

В отличие от первичной правовой социализации вторичная носит неоднократный характер. Она происходит при каждом переходе индивида из одной социальной среды в другую (изменение правового статуса, переезд из села в город, изменение места работы, вступление в брак и т.д.) или при освоении новой социальной роли.

В процессе вторичной правовой социализации индивид, овладевая знаниями, ценностями и установками (стандартами поведения), становится актором правовой реальности. Идентифицируя себя с социальной группой, он становится способным к ее воспроизводству и трансляции социального правового опыта. Вторичная правовая социализация происходит во взрослом возрасте. Поэтому снижается роль агентов правовой социализации и усиливается роль индивидуального правового опыта, благодаря которому происходит не только освоение индивидом правовых аксиом, но и выработка установки на их воспроизводство в качестве единственно возможного варианта правового поведения, необходимого для поступательного развития самого субъекта и социальной группы, с которой он себя идентифицирует. Процесс вторичной правовой социализации предполагает необходимость стереотипизации, при которой индивид приписывает всем членам социальной группы, с которой он себя идентифицирует, сходные характеристики (тождественные правовые знания, ценности и установки)⁸. Это позволяет индивиду

когнитивно сконструировать внутренне непротиворечивую правовую реальность, которая коррелирует как с объективной правовой реальностью, так и с ее интерсубъективным образом, сложившимся в групповом правосознании данного сообщества. С этим связана каузальная атрибуция — процесс и результат субъективной (интерсубъективной) интерпретации причин и мотивов собственного правового поведения и поступков других людей⁹, степени их соответствия юридической норме и групповому образу правовой реальности, независимо от его мифологизации. Степень корреляции содержания юридической нормы и образа правовой реальности определяет уровень комфортности правовой жизни индивида и группы, их внутрисубъективной и межгрупповой правовой коммуникации. Сформировавшиеся в процессе вторичной правовой социализации правовые ценности особенно важны по отношению к представителям юридической профессии. Характер юридической практики в значительной степени зависит от оценочных категорий в сознании правоприменителя¹⁰ и вытекающих из них установок на совершение правовых действий, соответствующих не только закону, но и социальному пониманию права.

Процесс вторичной правовой социализации характеризуется дихотомизмом. Во-первых, индивид, стремясь стать членом определенной социальной группы, принимает и воспроизводит ее правовые знания, ценности и установки не только когнитивно, но и функционально. Во-вторых, группа, стремясь к собственному воспроизводству, способствует включению в нее новых членов с помощью трансляции интерсубъективных стереотипов и атрибуций в их правосознание. Благодаря двусторонности этого процесса, индивид не только становится членом данной группы, но и способствует дальнейшей трансляции ее правовых знаний, ценностей и установок, а в конечном итоге и воспроизводству группы.

Вторичная правовая социализация может осуществляться в разных формах: 1) правовая адаптация — приспособление индивида к внешним условиям существования, развития и функционирования определенной социальной группы; 2) интериоризация — усвоение внешней правовой деятельности, характерной для группы, с которой себя идентифицирует индивид; 3) пра-

⁷ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. С. 212; Честнов И.А. Конструирование социальной и правовой реальности: к формированию диалогической онтологии права // Платон. 2012. № 1. С. 45–51.

⁸ Андрианов М.С. Психологические механизмы и периодизация процесса правовой социализации [Электронный ресурс] // Психология и право. 2013. № 1. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n1/58284.shtml> (дата обращения: 08.12.2017).

⁹ Гулевич О.А. Психологические аспекты юриспруденции: учебное пособие. М.: Московский психолого-социальный институт, 2006. 512 с.

¹⁰ Коваленко К.Е. Оценочные категории и проблемы судебной практики // История государства и права. 2016. № 16. С. 38–43.

вовая аккумуляция — некритичное восприятие правовых ценностей определенного общества или локального сообщества.

Вторичная правовая социализация характеризуется следующими чертами:

1. Как правило, она опосредована текстами¹¹, содержащими правовую информацию (информацию о правильном и(или) допустимом правовом поведении в определенном обществе (локальном сообществе)), определяя в широком смысле действие права¹². Хотя основными источниками правовой информации являются нормативные правовые акты, зачастую она также содержится в этико-правовых источниках (кодексах профессиональной этики) и локальных правовых обычаях социальной группы (нормы «дедовщины», правила поведения в храме и т.д.). Освоение этих текстов является необходимым условием вторичной правовой социализации.

2. Вторичная правовая социализация происходит во взрослом возрасте человека, когда он полностью осознает окружающую правовую реальность, место в ней социальной группы, с которой он себя идентифицирует, и собственное правовое поведение не только как условие вхождения в группу, но и как непереносимый атрибут ее воспроизводства. Индивидуальный правовой опыт как основная форма правового взаимодействия в данном случае носит значительно более осознанный, целенаправленный характер и предполагает значительную степень трансформации ценностей системы, сформировавшихся в процессе первичной правовой социализации. При этом каждая последующая вторичная правовая социализация предполагает подобную трансформацию, хотя индивидуальный правовой опыт человека зачастую оказывается способным оказать влияние на эволюцию правовых ценностей группы, если его личность достаточно харизматична или он входит в группу в качестве авторитета (в т.ч. формального).

3. Поскольку целью вторичной правовой социализации является не только освоение правовых ценностей общества (социальной группы) и правовая идентификация с ним, но и адаптация в правовой реальности, которая постоянно эволюционирует под влиянием множества объективных и субъективных факторов, она характеризуется высоким уровнем динамизма и ориентирована на восприятие трансформации, наряду с традицией, как необходимого условия развития. Благодаря вторичной правовой социализации возможно минимизировать «юридическую антикультуру» как в профессиональном сообществе, так и в целом в правовой реальности¹³.

Результатом вторичной правовой социализации является формирование профессионального или доктринального правосознания, овладение правовыми знаниями, ценностями и установками определенного общества (социальной группы), что позволяет индивиду идентифицировать себя с данным сообществом и адаптироваться в правовой реальности в соответствии с местом в ней данной группы. Ведущим элементом этой триады являются правовые ценности, определяющие отбор и рефлексию осваиваемых в ходе индивидуального правового опыта правовых знаний, необходимых для правовой идентификации индивида, и одновременно формирующие установку на совершение действий, которые не только свидетельствуют о вхождении субъекта в группу, но и способствуют ее воспроизводству.

Таким образом, вторичная правовая социализация осуществляется в форме индивидуального правового опыта и представляет собой процесс овладения человеком правовыми знаниями, ценностями и установками определенной социальной группы. Она является необходимым условием правовой идентификации индивида, определения его роли в правовой реальности. Чем в большей степени процесс вторичной правовой социализации будет целенаправленным (в т.ч. при получении профессионального образования), тем успешнее будет правовая идентификация субъекта и гармонизация правовой реальности в целом.

¹¹ Текст в данном случае понимается в семиотическом смысле как совокупность вербальных (необязательно писанных) знаков (Садченко В.Т. Текст как объект лингвистической семиотики // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 5 (143). Серия: Филология. Искусствоведение. Вып. 29. С. 104–111).

¹² Шафиков Ю.С. Действие права // Юридический мир. 2016. № 5. С. 59–63.

¹³ Климова А.С. Преодоление юридической антикультуры как перспективное направление стратегии национального развития // Юридический мир. 2016. № 6. С. 65–67.

Литература

1. Андрианов М.С. Психологические механизмы и периодизация процесса правовой социализации [Электронный ресурс] // Психология и право. 2013. № 1. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n1/58284.shtml> (дата обращения: 08.12.2017).
2. Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. М.: Медиум, 1995. 323 с.
3. Гулевич О.А. Психологические аспекты юриспруденции : учебное пособие / О.А. Гулевич. М.: Московский психолого-социальный институт, 2006. 512 с.

4. Гуляихин В.Н. Вторичная правовая социализация человека / В.Н. Гуляихин // Право и политика. 2011. № 9 (141). С. 1583–1590.
5. Исаева Н.В. Правовая идентичность (теоретико-правовое исследование) : монография / Н.В. Исаева. М. : Юрлитинформ, 2013. 416 с.
6. Климова А.С. Преодоление юридической антикультуры как перспективное направление стратегии национального развития / А.С. Климова // Юридический мир. 2016. № 6. С. 65–67.
7. Коваленко К.Е. Оценочные категории и проблемы судебной практики / К.Е. Коваленко // История государства и права. 2016. № 16. С. 38–43.
8. Медушевская Н.Ф. Методологические программы современной юридической науки / Н.Ф. Медушевская // История государства и права. 2017. № 3. С. 15–19.
9. Резников Е.В. Правовая социализация как процесс формирования правовой идентичности / Е.В. Резников // Новая правовая мысль. 2012. № 6. С. 8–9.
10. Резников Е.В. Теоретические проблемы правовой идентичности / Е.В. Резников. М. : Юнити-Дана, Закон и право, 2014. 250 с.
11. Садченко В.Т. Текст как объект лингвистической семиотики / В.Т. Садченко // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2009. № 5 (143). Вып. 29. С. 104–111.
12. Самыгин П.С. Правовая социализация современной российской молодежи: монография / П.С. Самыгин, Ю.И. Исакова, И.В. Печуров ; под ред. С.И. Самыгина. М. : РУСАЙНС, 2016. 172 с.
13. Skorobogatov A.V. Правовая реальность России в постклассической парадигме / А.В. Skorobogatov, А.В. Краснов // Правовая культура. 2015. № 3 (22). С. 38–47.
14. Skorobogatov A.V. Правовая реальность России: константы и переменные / А.В. Skorobogatov, А.В. Краснов // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 2. С. 161–170.
15. Skorobogatov A.V. Правовая реальность России: философско-правовой анализ / А.В. Skorobogatov, А.В. Краснов // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 1 (2). С. 79–85.
16. Skorobogatov A.V. Факторы формирования правовой реальности России / А.В. Skorobogatov // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 8. С. 1572–1576.
17. Честнов И.А. Конструирование социальной и правовой реальности: к формированию диалогической онтологии права / И.А. Честнов // Платон. 2012. № 1. С. 45–51.
18. Честнов И.А. Постклассическая теория права / И.А. Честнов. СПб. : Алеф-Пресс, 2012. 650 с.
19. Шафиков Ю.С. Действие права / Ю.С. Шафиков // Юридический мир. 2016. № 5. С. 59–63.

References

1. Andrianov M.S. Psikhologicheskie mekhanizmy' i periodizatsiya protsessa pravovoy sotsializatsii [Psychological Mechanisms and Periodization of the Legal Socialization Process] [Elektronnyy resurs] // Psikhologiya i pravo — [Electronic source] // Psychology and Law. 2013. № 1. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n1/58284.shtml> (reference date: December 8, 2017).
2. Berger P. Sotsialnoe konstruirovaniye realnosti. Traktat po sotsiologii znaniya [The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge] / P. Berger, T. Luckmann. Moskva : Medium — Moscow : Medium, 1995. 323 s.
3. Gulevich O.A. Psikhologicheskie aspekty' yurisprudentsii : uchebnoe posobie [Psychological Aspects of Jurisprudence : textbook] / O.A. Gulevich. Moskva : Moskovskiy psikhologo-sotsialnyy institute — Moscow : Moscow Psychologic-Social University, 2006. 512 s.
4. Gulyaikhin V.N. Vtorichnaya pravovaya sotsializatsiya cheloveka [Secondary Legal Socialization of a Person] / V.N. Gulyaikhin // Pravo i politika — Law and Politics. 2011. № 9 (141). S. 1583–1590.
5. Isaeva N.V. Pravovaya identichnost' (teoretiko-pravovoe issledovanie) : monografiya [Legal Identity (Theoretical and Legal Research) : monograph] / N.V. Isaeva. Moskva : Yurlitinform — Moscow : Yurlitinform, 2013. 416 s.
6. Klimova A.S. Preodoleniye yuridicheskoy antikultury' kak perspektivnoye napravleniye strategii natsionalnogo razvitiya [Overcoming of Legal Counter-Culture as a Perspective Area of the National Development Strategy] / A.S. Klimova // Yuridicheskiy mir — Legal World. 2016. № 6. S. 65–67.
7. Kovalenko K.E. Otsenochny'e kategorii i problemy' sudebnoy praktiki [Evaluation Categories and Judicial Practice Issues] / K.E. Kovalenko // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2016. № 16. S. 38–43.
8. Medushevskaya N.F. Metodologicheskie programmy' sovremennoy yuridicheskoy nauki [Methodological Programs of the Modern Legal Science] / N.F. Medushevskaya // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2017. № 3. S. 15–19.
9. Reznikov E.V. Pravovaya sotsializatsiya kak protsess formirovaniya pravovoy identichnosti [Legal Socialization as a Process of Legal Identity Forming] / E.V. Reznikov // Novaya pravovaya mysl' — New Legal Thought. 2012. № 6. S. 8–9.
10. Reznikov E.V. Teoreticheskie problemy' pravovoy identichnosti [Theoretical Issues of Legal Identity] / E.V. Reznikov. Moskva : Yuniti-Dana, Zakon i pravo — Moscow : Yuniti-Dana, Act and Law, 2014. 250 s.
11. Sadchenko V.T. Tekst kak obyekt lingvisticheskoy semiotiki [Text as an Object of Linguistic Semiotics] / V.T. Sadchenko // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskustvovedeniye — Bulletin of the Chelyabinsk State University. Philology. Art History. 2009. № 5 (143). Issue 29. S. 104–111.
12. Samygin P.S. Pravovaya sotsializatsiya sovremennoy rossiyskoy molodezhi : monografiya [Legal Socialization of the Modern Russian Young People : monograph] / P.S. Samygin, Yu.I. Isakova, I.V. Pechkurov; pod red. S.I. Samygina. Moskva : RUSAYNS — edited by S.I. Samygin. Moscow : RUSCIENCE, 2016. 172 s.
13. Skorobogatov A.V. Pravovaya realnost Rossii v postklassicheskoy paradigme [Legal Reality of Russia in Post-Class Paradigm] / A.V. Skorobogatov, A.V. Krasnov // Pravovaya kultura — Legal Culture. 2015. № 3 (22). S. 38–47.
14. Skorobogatov A.V. Pravovaya realnost Rossii: konstanty' i peremennyye [Legal Reality of Russia: Constants and Variables] / A.V. Skorobogatov, A.V. Krasnov // Aktualny'e problemy' ekonomiki i prava — Relevant Issues of Economy and Law. 2015. № 2. S. 161–170.

15. Skorobogatov A.V. Pravovaya realnost Rossii: filosofsko-pravovoy analiz [Legal Reality of Russia: Philosophical and Legal Analysis] / A.V. Skorobogatov, A.V. Krasnov // Rossiyskiy zhurnal pravov'ykh issledovaniy — Russian Journal of Legal Research. 2015. № 1 (2). S. 79–85.
16. Skorobogatov A.V. Faktory' formirovaniya pravovoy realnosti Rossii [Factors Forming the Legal Reality of Russia] / A.V. Skorobogatov // Aktualny'e problemy' rossiyskogo prava — Relevant Issues of the Russian Law. 2014. № 8. S. 1572–1576.
17. Chestnov I.L. Konstruirovaniye sotsialnoy i pravovoy realnosti: k formirovaniyu dialogicheskoy ontologii prava [Construction of Social and Legal Reality: on Forming of the Dialogical Ontology of Law] / I.L. Chestnov // Platon — Plato. 2012. № 1. S. 45–51.
18. Chestnov I.L. Postklassicheskaya teoriya prava [Post-Classic Law Theory] / I.L. Chestnov. Sankt-Peterburg : Alef-Press — Saint Petersburg : Alef-Press, 2012. 650 s.
19. Shafikov Yu.S. Deystvie prava [Force of Law] / Yu.S. Shafikov // Yuridicheskiy mir — Legal World. 2016. № 5. S. 59–63.

DOI:10.18572/1812-3805-2018-2-70-75

Государство и социальные маргиналы в СССР: проблемы инкорпорации цыган в социалистическое общество во второй половине 50-х — начале 70-х гг. XX в.

*Колошинская Наталья Викторовна,
заведующая кафедрой теории права и гуманитарных дисциплин
Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова
филиала Российской таможенной академии,
кандидат юридических наук, доцент
nata_ivanova_75@mail.ru*

В статье анализируются государственно-правовые подходы, касающиеся урегулирования общественных отношений вокруг одной из окраинных (пограничных) групп советского социума — цыган в обстановке преобразований в стране в конце 50-х гг., и изучение опыта деятельности государственных органов по включению цыганского этноса в общественный процесс в атмосфере укрепления неосталинизма середины 60-х — начала 70-х гг. XX в.

Ключевые слова: цыгане в СССР, советское законодательство, указ ПВС СССР от 05.10.1956 г., преступность, органы внутренних дел.

The State and Social Outcasts in the USSR: the Issues of Incorporation of Gypsies in the Socialist Society in the Second Half of the 50s to the Early 70s

*Koloshinskaya Natalya V.
Head the Department of Theory of Law and the Humanities
of the V.B. Bobkov Saint-Petersburg branch of the Russian Customs Academy
Candidate of Legal Sciences
Assistant Professor*

The article analyzes the state law approaches for the resolution of social relations around one of the marginals (border) groups of the Soviet society — the Roma in the situation of transformations in the country in the late 50-ies and the study of experience of activity of state bodies on inclusion of the Roma ethnic group in the public process in the atmosphere of the strengthening of neo-Stalinism in the mid-60's — early 70-ies.

Keywords: Gypsies in the Soviet Union, Soviet law, decree of the USSR Supreme Soviet from 5.10.1956, crime, Internal Affairs bodies.

Время показало, что системный конфликт оказался присущ не только советской государственности и ее общественной институциональности¹, но и более либеральным, демократическим образованиям и гражданским обществам, каким, к примеру, заявила себя современная Россия. На протяжении послевоенного десятилетия он особенно наглядно проявился в решении так называемого «цыганского вопроса» в СССР². Как подмечалось многими наблюдателями и экспертами, по отношению к цыганам и другим маргинализируемым социальным группам в эти годы проводилась преимущественно дискриминационная и репрессивная политика. Однако и позже, во II пол. 50-х — нач. 70-х гг., процесс их инкорпорации, своеобразного «возвращения» в социалистическое общество и социальной адаптации протекал крайне болезненно, а результаты не отвечали даже самым скромным прогнозам. Это был тот случай, когда провозглашенные цели во многом не соответствовали жизненным реалиям.

Реакция властей на эту, как и многие другие проблемы, по мысли Е.Ю. Зубковой, начинала все больше отягощаться стереотипами массового поведения: искали «простые» решения, быстродействующие средства, рассчитанные на сиюминутную отдачу независимо от последствий, и т.п.³. Забегая вперед, скажем о том, что по отношению к социальным маргиналам провалилась и программа их «общественного перевоспитания». Они не спешили возвращаться в социум, а социум был не готов принять людей «с обочины»⁴. В этой дихотомии трудносоединяемыми по-прежнему оставались не только важные сегменты культур и укладов, но и опыт социальной верификации. Цыгане на практике, в среде обыденной жизни, демонстрировали властям всех уровней несостоятельность и утопичность большинства их государственно-правовых начинаний. В то же время и сами цыгане воспри-

нимались большинством коренного населения страны как социальные маргиналы, окраинная (пограничная) группа советского социума, по отношению к которым следовало осуществлять более жесткий административный контроль.

Между тем, весь советский период российской истории содержит в себе определенный опыт решения цыганского вопроса, когда советское государство реально пыталось приобщить цыган к социалистическому образу жизни и труду. Его изучение интересно сегодня прежде всего с позиций политических и правовых технологий социализации этого сообщества, предупреждения преступных действий с его стороны и профилактики правонарушений, которые приобрели угрожающий асоциальный характер. Скорее всего, поэтому более углубленное и всестороннее изучение этой социальной группы, ее сложного и противоречивого процесса «врастания» в советское общество и советский режим становится крайне необходимым для более глубокого понимания современного общественного процесса в российском государстве.

Как уже отмечалось ранее, в первое послевоенное десятилетие ни законодательно, ни мерами социально-экономического характера так и не удалось преодолеть тянущейся еще с 1920-х гг. «обезлички в разрешении цыганского вопроса»⁵. В сущности же, многие организационно-правовые акции в отношении цыган, продолжающих по-прежнему вести кочевой, а по сути — внутримиграционный образ жизни и вносящих, с точки зрения властей, в «гармоничные общественные отношения» в советском обществе элементы хаоса и дискретности, потерпели фиаско. Дело дошло до того, что в ряде регионов страны и даже союзных министерств и ведомств в начале 1950-х гг. предагались меры по выселению кочующих, а также и оседлых, но не занимающихся общественно полезным трудом цыган в отдельные районы Советского Союза как спецпоселенцев. В новых общественно-политических реалиях второй половины 1950-х гг. такой подход явно противоречил курсу партии и советского правительства по расширению социалистической демократии, укреплению прав и свобод всех советских граждан.

Принятие 5 октября 1956 г. Указа ПВС СССР «О приобщении к труду цыган, занимающихся бродяжничеством» стало важным рубежом в политике советского государства в отношении цыган⁶. Обобщив двадцатилетний (после 1936 г.— *Н.К.*) опыт государственно-правовых решений и хозяйственно-культурных мероприятий по этому вопросу, законодатель предложил

¹ Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы / пер. с англ. В. Макарова. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 529.

² Колошинская Н.В. Проблемы преодоления «обезлички в разрешении цыганского вопроса» в СССР во II пол. 40-х — нач. 50-х гг. // История государства и права. 2017. № 13. С. 15–20.

³ Зубкова Е.Ю. Социально-психологическая атмосфера послевоенных лет и ее влияние на политику реформ // Россия в XX веке: Историки мира спорят. М.: Наука, 1994. С. 583.

⁴ На «краю» советского общества. Социальные маргиналы как объект государственной политики. 1945–1960-е гг. / авт.-сост.: Е.Ю. Зубкова, Т.Ю. Жукова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 35–36.

⁵ Колошинская Н.В. Указ. соч. С. 19.

⁶ Ведомости Верховного Совета СССР. 1956. № 21. Ст. 547.

правовой акт, охватывающий, как ему казалось, все аспекты данной проблемы и эффективно регулирующий отношения в этой сфере.

Между тем существенных новелл принятый указ фактически не содержал, и, как думается, материализовался исключительно по инициативе силовиков (МВД СССР, Прокуратуры СССР и КГБ при СМ СССР.— *Н.К.*). Правоохранительная составляющая в нем явно преобладала над социально-экономической и культурно-бытовой сторонами.

Причем сама формулировка указа, да и содержание отдельных его положений, мягко говоря, носили некорректный характер.

Так, в его названии употреблялось понятие «приобщение к труду» вместо «трудоустройство» (как это звучало в Постановлении ЦИК СССР от 07.04.1936 г.— *Н.К.*). В нормативном Словаре русского языка, изданном Институтом русского языка АН СССР в 1957–1961 гг. («современнике» описываемого нами периода.— *Н.К.*), «трудоустройство» трактовалось как «государственное обеспечение работой определенных категорий лиц...»⁷. «Приобщение» же рассматривалось в словаре как «знакомство с чем-либо, включение в круг какой-либо деятельности»⁸. Не нужно быть экспертом, для того чтобы заметить существенную разницу между этими понятиями.

Исходя из них, становилось и так ясным, что не только артельное производство, но и кустарная индивидуальная деятельность цыган (изготовление домашней утвари, конной упряжи, тканей и т.п.) были не чем иным, как «приобщение к труду». Цыгане и без указа от 05.10.1956 г. были приобщены к труду, а их кузнечное и лудильное мастерство имело едва ли не эталонное значение. Совсем иным содержанием было наполнено понятие «трудоустройство», которым и следовало заниматься органам исполнительной власти по отношению к ним.

В названии указа употреблялось также понятие «бродяжничество», в которое законодатель, видимо, вкладывал общепринятое значение этого слова — как частое перемещение с места на место человека, не имеющего постоянного местожительства⁹. Однако цыгане не считали, что они бродяжничествовали: у взрослых членов семьи, табора или группы имелись на руках документы, удостоверяющие их личность, в которых содержались сведения об органах, их выдавших, и о территориальной прописке их обладателей, и др. То есть формально взрослые цыгане имели постоянное местожительство

и прописку. У какой-то части цыган, занимающихся «бродяжничеством», на руках нередко имелись разного рода свидетельства от местных органов власти, разрешающие им покидать прежнее местожительство и уезжать в другие районы страны. К тому же цыгане единодушно считали, что они не бродяжничают, а кочуют, то есть «переходят и переезжают с места на место со своим жильем и имуществом...»¹⁰. Таким образом, уже в самом нормативном правовом акте были заложены противоречивые толкования предметов его регулирования, что, собственно говоря, и подтвердилось последующей практикой его реализации.

Скорее всего, разработчики указа пытались окончательно разрешить все накопившиеся проблемы по цыганскому вопросу, не полностью осознавая характер трудностей и противоречий в этой сфере. Не исключалось также, что законодатель в некотором роде даже уповал на решающую роль фактора государственного принуждения той части цыган, которая продолжала срываться с мест их прежнего оседания и добывать средства к существованию сомнительными, с точки зрения действующего советского законодательства, средствами. Не случайно п. 1 указа запрещал цыганам заниматься бродяжничеством (которое, как уже мы отмечали выше, они интерпретировали как «кочевание».— *Н.К.*) и предлагал им перейти к «трудоуственному оседлому образу жизни».

Цыгане, достигшие совершеннолетия, злостно уклоняющиеся от общественно полезного труда и занимающиеся бродяжничеством, подлежали в соответствии с п. 3 этого указа судебному преследованию и наказанию в виде ссылки на срок до 5 лет в соединении с исправительными работами.

Принятые на основании указа от 05.10.1956 г. постановления и распоряжения предписывали органам власти и управления на местах провести ряд мероприятий, к числу которых относились:

- организация учета проживания цыган на подведомственной территории;

- документирование паспортами (долгосрочными — всех проверенных взрослых цыган и краткосрочными — тех, проверка личности которых была еще не закончена.— *Н.К.*);

- вменение в обязанность участковым уполномоченным милиции осуществления постоянного надзора за проживанием, передвижением и трудоустройством цыган, находящихся на их участках;

- ведение паспортными столами в районных и областных (краевых) центрах списочного учета цыган, проживающих на их территориях, и др.

⁷ Словарь русского языка : в 4-х т. М. : Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1957–1961. С. 574.

⁸ Там же. С. 586.

⁹ Там же. С. 140.

¹⁰ Там же. С. 152.

Менялась и процедура получения разрешения на переезд цыганских семей. В соответствии с секретным указанием МВД РСФСР от 30 августа 1957 г. местные ОВД были обязаны пресекать так называемые самовольные выезды и переезды цыган. Теперь разрешение на переезд их семей на жительство в другие районы внутри области (края) могло давать только областное (краевое) УВД после согласования вопроса о переезде с исполкомами райсоветов, куда планировался их переезд. Причем главными в согласовании были два вопроса: возможность трудоустройства переезжаемых цыган и обеспечение их жильем. Разрешение на переезд за пределы республики, края и области, по данному указанию МВД РСФСР, могло быть дано лишь при условии согласия на переезд со стороны МВД-УВД тех республик, краев и областей, куда цыгане желали переехать¹¹.

Указ ПВС СССР от 05.10.1956 г. п. 2 обязал советы министров союзных республик принять меры к расселению на постоянное место жительства цыган, занимающихся бродяжничеством, их трудоустройству и культурно-бытовому обслуживанию¹². Это решение означало лишь то, что на республиканском уровне (от районов и выше.— *Н.К.*) должна была быть выстроена четкая система исполнения данного указа и соответствующих постановлений. На местах этим занимались исполкомы соответствующих советов, подчиненные им структуры (отделы труда и заработной платы, жилищно-коммунальные отделы, ОВД-УВД и др.).

Между тем реализация основных положений указа и соответствующих постановлений уже в первые два года после их принятия показала, что многие проблемы с закреплением цыганских семей на территориях, трудоустройством и обеспечением их жилищной площадью не разрешаются, а по ряду причин и заметно обостряются.

Так, из учетных в СССР в 1957 г. почти 71 тыс. цыган, подпадающих под определение «бродяжничествующих», объясняли свое положение возникшими затруднениями с устройством на работу и отсутствием пригодного жилья¹³. Попытка в ряде мест страны «посадить» цыган в сельской местности и «нагрузить» их сельхозработами полностью провалилась. Они не только отказывались от этой работы, но и стали в буквальном смысле обузой для местного руководства (растрачивали выделенные

им ссуды, расхищали зерно и фураж, занимались спекуляцией и др.).

Участились случаи самовольных выездов и переездов цыган и их семей. Чаще, чем ранее, цыгане стали практиковать метод, при котором, оседая в определенной местности, они эпизодически выезжали в разные районы страны, возвращаясь в адрес своей прописки. Например, весной — в начале лета 1958 г. в Ярославской области была задержана группа цыган — жителей Гатчинского района Ленинградской области. В Гатчинском районе цыгане С. Лужанский, Т. Парщук, П. Решетникова и другие были прописаны в 1956–1957 гг., но нигде не работали и самовольно выезжали в другие районы области и страны¹⁴. Как выяснилось, приказ начальника УВД по Ленобласти от 22 апреля 1957 г. № 34 в части контроля за трудоустройством цыган должным образом организован не был. Цыгане по своей области по-прежнему занимались нищенством, гаданием и попрошайничеством. Формально они как бы «осели», но на деле не занимались общественно полезным трудом, а в ряде случаев имитировали свое трудоучастие, вызывая дополнительные проблемы у властей с их учетом и контролем.

В конце 1950-х — начале 1960-х гг. на местах вновь проявилась тенденция к «выдавлению» цыган, не охваченных общественным трудом и совершающих самовольные выезды и переезды. Это отступление от требований регламентирующих актов сопровождалось часто прямыми нарушениями порядка выдачи цыганским семьям соответствующих разрешений. В используемом нами сборнике документов «На «краю» советского общества...» содержится целый раздел, иллюстрирующий подобные отступления государственных органов и должностных лиц, отвечающих за соблюдение установленных предписаний¹⁵.

Подобное легкомыслие местных исполнительных органов нередко оборачивалось тем, что повсеместно участились случаи уклонения от ответственности лиц цыганской национальности за различные правонарушения. Так, уже в ноябре 1956 г. МВД СССР своим распоряжением вынуждено было установить новый порядок объявления во всесоюзный розыск цыган, скрывшихся от суда¹⁶. Всесоюзному розыску теперь подлежали и цыгане, скрывшиеся после их осуждения из мест ссылки. Приказом МООП РСФСР от 31 мая 1963 г. в органах милиции за-

¹¹ ОСФ ИЦ ГУ МВД РФ по СПб. и Ленобласти. Ф. 2. Оп. 1. Д. 215. Л. 335.

¹² Ведомости Верховного Совета СССР. 1956. № 21. Ст. 547.

¹³ На «краю» советского общества. Советские маргиналы как объект государственной политики. 1945–1960-е гг. С. 437.

¹⁴ ОСФ ИЦ ГУ МВД РФ по СПб. и Ленобласти. Ф. 2. Оп. 1. Д. 318. Л. 160.

¹⁵ На «краю» советского общества. Советские маргиналы как объект государственной политики. 1945–1960-е гг. С. 436–452.

¹⁶ ОСФ ИЦ ГУ МВД РФ по СПб. и Ленобласти. Ф. 2. Оп. 1. Д. 203. Л. 402.

водились дубликаты разыскных дел на цыган¹⁷. Ставилась задача по установлению оперативного наблюдения и взятию на учет всех цыган, ранее отбывавших наказание за тяжкие преступления. Органам милиции запрещалось удалять цыган из местностей, где они находились под их оперативным обслуживанием¹⁸.

Определенные трудности возникли на местах и с привлечением цыган к уголовной ответственности по указу от 05.10.1956 г. Как оказалось, наказать цыган, да и вообще лиц, злостно уклоняющихся от ОПТ и одновременно занимающихся бродяжничеством, по приговору народного суда было крайне непросто. и дело было даже не в том, что цыгане чаще, чем другие граждане, проходившие по аналогичным делам, «обставлялись» покупаемой адвокатской защитой, а в довольно трудоемком процессе предварительного сбора органами милиции доказательной базы и ее надлежащей аргументации. У подсудимых цыган в ход шло все: таборные защитники и «переговорщики», различные справки об инвалидности, нетрудоспособности, иждивенчестве и т.п., коллективные жалобы, групповые письма в советские и партийные органы и др. Не случайно количество осужденных цыган в РСФСР по указу от 05.10.1956 г. не превышало 5–7% от числа привлеченных граждан этой национальности, а по ряду республик (Литва, Латвия и др.) было еще ниже.

Существенно не изменили статистику осужденных цыган и дополнения, позволяющие ОВД привлекать их к ответственности по ст. 209 УК РСФСР (за бродяжничество и попрошайничество) и ст. 198 УК РСФСР (злостное нарушение паспортного режима), а также по Указу ПВС РСФСР от 04.05.1961 г. «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от ОПТ и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни». В этой обстановке еще в начале 1959 г. ГУМ МВД СССР, ссылаясь на предстоящее заключение советской стороной Международной конвенции о труде и обращении в МВД СССР представителя Комитета труда и заработной платы при СМ СССР, выражавшего в свою очередь мнение МИД СССР, ВЦСПС и Института права АН СССР, предлагало полностью отменить указ от 05.10.1956 г.¹⁹.

В ГУМ МВД СССР считали, что для решения цыганского вопроса в будущем будет достаточно предписаний Указа ПВС СССР от

23.07.1951 г. «О мерах борьбы с антиобщественными, паразитическими элементами». Но, как показал в своем исследовании на примере Ленинграда В.А. Иванов, они не сработали в полной мере ни в 1960-е, ни в последующие годы²⁰.

Теснимые различными ограничениями «цыганской вольницы» ее адепты использовали любые возможности для уклонения от соблюдения принципов, норм и предписаний советского образа жизни. В сентябре 1957 г. заместитель министра внутренних дел СССР С. Васильев в своем распоряжении напоминал о том, что кочующие цыгане различными путями, в том числе и незаконно, обращаются и получают в ОВД визы в страны народной демократии для встречи с дальними родственниками (хотя в соответствии с постановлением СМ СССР от 6 февраля 1956 г. № 171-102с такие визы выдавались на временный въезд по частным делам и только к близким родственникам.— *Н.К.*). Так, цыгане Т. Гранат, Н. Шмуклер, Т. Дорфман и другие обманным путем получили в УВД Владимирской области визы в ПНР, хотя они вообще не имели никаких родственников в Польше. Прибыв в Варшаву, цыгане заявили в посольстве СССР о своем нежелании возвращаться в страну²¹.

В начале июля 1962 г. Президиум ЦК КПСС утвердил проект указа ПВС СССР «О безвозмездном изъятии домов, дач и других строений, возведенных или приобретенных гражданами на нетрудовые доходы», создав юридические основания к осуществлению дополнительных мер по борьбе с преступностью, в том числе лиц цыганской национальности. При обсуждении на Президиуме ЦК КПСС данного вопроса еще в июне 1962 г. Л.И. Брежнев заявил о том, что данный указ позволит соответствующим органам осуществлять проверку законности приобретения различных строений гражданами за последние 20 лет²².

Из архивных документов видно, что и к началу 1970-х гг. многие аспекты цыганского вопроса в стране не были окончательно урегулированы. Цыганский мир по-прежнему оставался terra incognita, во многом потому, что их ментальность, культура и уклад жизни абсолютно не совпадали с советской норматив-

¹⁷ ОСФ ИЦ ГУ МВД РФ по СПб. и Ленобласти. Ф. 2. Оп. 1. Д. 283. Л. 58.

¹⁸ ОСФ ИЦ ГУ МВД РФ по СПб. и Ленобласти. Ф. 2. Оп. 1. Д. 283. Л. 58об., 59.

¹⁹ На «краю» советского общества. Советские маргиналы как объект государственной политики. 1945–1960-е гг. С. 452.

²⁰ Иванов В.А. Социальный паразитизм в Ленинграде в 60–80-е годы как преступное поведение и проблемы борьбы с ним // Государство, общество, архивы в истории России. СПб. : Лики России, 2009. С. 194–213.

²¹ ОСФ ИЦ ГУ МВД РФ по СПб. и Ленобласти. Ф. 2. Оп. 1. Д. 215. Л. 330, 330об.

²² Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления : в 3-х т. Т. 1 : Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы / гл. ред. А.А. Фурсенко. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. С. 569, 1103.

вированной социальной средой, с новыми и быстроменяющимися вызовами времени. Скорее всего, к этому периоду уровень разобщения цыганского мира достиг, по их представлению, такой опасной черты, что в первой половине 1970-х гг. у цыган вновь отчетливо обнаружилась тенденция к объединению в крупные таборы и к более масштабным переездам по стране.

При совершении ими тяжких преступлений все отчетливее проявлялись признаки организованных преступных групп и др. Сделки и разного рода переговоры в практике цыганских «решал» по определению не могли обходиться без элементов подкупа, обмана или силовых акций. Большинство уголовных дел с их участием лишь подтверждают это. Так, в конце июля 1973 г. МВД СССР предупредило руководство ОВД на местах об интенсивных групповых передвижениях цыганских таборов по стране. Причем большинство из них без достаточных оснований было выписано с постоянного места жительства. Подразделения милиции на железной дороге делали вид, что они не замечают кочующих цыган табором и преступлений, которые они совершают, и т.п. В ориентировке приводился пример с группой цыган в количестве 233 чел., которая

в течение 15 дней беспрепятственно передвигалась по железным дорогам страны²³.

Итак, Советское государство во II половине 50-х — начале 70-х гг. предпринимало по отношению к цыганам такие меры предписывающего характера, которые обязывали их прежде всего полностью изжить кочевание и паразитическое существование, абсолютно не соответствующие идее социалистического образа жизни. И вновь, как это уже было в 20–40-е гг., идеологи и практики не учли в полной мере всех аспектов специфического социального конгломерата, каким являлись тогда и выступают сейчас цыгане, полиэтнические по своей структуре и специфически выстраивающие свои отношения с обществом. Уже в начале 1970-х гг. становится понятным, что «цыганский вопрос» следует рассматривать в более широком формате — как некий социокультурный феномен, требующий не только тщательного исследования, но и всестороннего учета при осуществлении долговременной социальной политики государства.

²³ ОСФ ИЦ ГУ МВД РФ по СПб. и Ленобласти. Ф. 2. Оп. 1. Д. 428. Л. 1.

Литература

1. Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы / М. Дэвид-Фокс; пер. с англ. В. Макарова. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 568 с.
2. Зубкова Е.Ю. Социально-психологическая атмосфера послевоенных лет и ее влияние на политику реформ / Е.Ю. Зубкова // Россия в XX веке: Историки мира спорят. М.: Наука, 1994. 752 с.
3. Иванов В.А. Социальный паразитизм в Ленинграде в 60–80-е годы как преступное поведение и проблемы борьбы с ним / В.А. Иванов // Государство, общество, архивы в истории России. СПб.: Лики России, 2009. 216 с.
4. Колошинская Н.В. Проблемы преодоления «обезлички в разрешении цыганского вопроса» в СССР во II пол. 40-х — нач. 50-х гг. / Н.В. Колошинская // История государства и права. 2017. № 13. С. 15–20.
5. Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления : в 3-х т. Т. 1 : Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы / гл. ред. А.А. Фурсенко. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. 1344 с.

References

1. David-Fox M. Vitriiny' velikogo eksperimenta. Kulturnaya diplomatiya Sovetskogo Soyuz a i ego zapadny'e gosti, 1921–1941 gody' [Showcasing the Great Experiment: Cultural Diplomacy and Western Visitors to the Soviet Union, 1921–1941] / M. David-Fox ; per. s angl. V. Makarova. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie — translated from English by V. Makarov. Moscow : New Literary Overview, 2015. 568 s.
2. Zubkova E.Yu. Sotsialno-psikhologicheskaya atmosfera poslevoenny'kh let i ee vliyanie na politiku reform [Sociopsychological Atmosphere of the Post-War Years and Its Influence on the Reform Policy] / E.Yu. Zubkova // Rossiya v XX veke: Istoriki mira sporyat. Moskva : Nauka — Russia in the XX Century: the World Historians Argue. Moscow : Science, 1994. 752 s.
3. Ivanov V.A. Sotsialny' parazitizm v Leningrade v 60–80-e gody' kak prestupnoe povedenie i problemy' borby' s nim [Social Parasitism in Leningrad in the 60s to the 80s as Criminal Behavior and Issues of Its Combating] / V.A. Ivanov // Gosudarstvo, obschestvo, arkhivy' v istorii Rossii. Sankt-Peterburg : Liki Rossii — State, Society, Archives in the Russian History. Saint Petersburg : Images of Russia, 2009. 216 s.
4. Koloshinskaya N.V. Problemy' preodoleniya «obezlichki v razreshenii tsy'ganskogo voprosa» v SSSR vo II pol. 40-kh — nach. 50-kh gg. [Issues of Overcoming 'Absence of Personal Responsibility in the Gypsy Issue Resolution' in the USSR in the Second Half of the 40s to the Early 50s] / N.V. Koloshinskaya // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2017. № 13. S. 15–20.
5. Prezidium TsK KPSS. 1954–1964. Chernovy'e protokolnye zapisi zasedaniy. Stenogrammy'. Postanovleniya : V 3-kh t. T. 1 : Chernovy'e protokolnye zapisi zasedaniy. Stenogrammy' / gl. red. A.A. Fursenko [Presidium of the Central Committee of the CPSU. Draft Meeting Minutes. Transcripts. Resolutions : in 3 vol. Vol. 1 : Draft Meeting Minutes. Transcripts / editor-in-chief A.A. Fursenko]. Moskva : Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN) — Moscow : Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2003. 1344 s.

Дискуссия о порядке учреждения периодических изданий в ходе разработки проекта Устава о печати в 1905 году

*Сопова Анастасия Петровна,
аспирант, ассистент кафедры теории и истории права факультета права
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)
sopova2012@gmail.com*

Статья посвящена разработке правил об учреждении периодических изданий в Российской империи в 1905 году. Проведен анализ действующего в начале XX века законодательства, предоставлявшего министру внутренних дел право принимать решение о выдаче разрешения на новое издание. На основе архивных материалов рассматривается дискуссия по этому вопросу в особом совещании под председательством Д. Ф. Кобеко. В статье подробно раскрывается точка зрения МВД, а также других министерств, государственных и общественных деятелей. Автор приходит к выводу, что вопрос об отмене разрешительного порядка учреждения газет и журналов имел принципиальное значение для установления в Российской империи свободы печати и вызвал гораздо больше споров, чем отмена предварительной цензуры.

Ключевые слова: свобода печати, права человека, цензура, явочный порядок, концессионный порядок, комиссия Кобеко.

Discussion on the Procedure for Establishment of Periodicals in the Course of the Development of the Press Law Bill in 1905

*Sopova Anastasia P.
Postgraduate Student, Teaching Assistant of the Department of Theory and History
of Law of the Law Faculty of the National Research University Higher School of Economics (HSE)*

The article considers drafting of new rules on the establishment of periodicals in Russian Empire in 1905 with an emphasis on archival materials and other sources. This paper analyzes legislation on the establishment of periodicals in the beginning of the XXth century, which had given to the Minister of Internal Affairs a right to issue a permit for a new periodical. The article focuses on the discussion about this question on the Special Conference for the Drafting of a New Statute on the Press, chaired by Kobeko D.F. Different opinions of advocates and opponents of the permitting procedure, including the point of view, supported by the Ministry of Internal Affairs, are considered. The author concludes that the problem of the permitting procedure for the establishment of magazines and newspapers and its abolishment was of principle importance for the press freedom in Russian Empire.

Keywords: press freedom, human rights, censorship, reporting procedure, concessionary procedure, Special Conference for the Drafting of a New Statute on the Press.

В конце 1904 года Россия находилась в состоянии разраставшегося политического кризиса. Усиливалось давление земского движения на правительство с целью добиться введения представительства и утверждения гражданских прав и свобод¹. В необходимости либеральных реформ императора убеждал также министр внутренних дел П. Д. Святополк-Мирский². В результате 12 декабря

1904 г. был издан Указ «О предначертаниях к усовершенствованию Государственного порядка», который в числе прочего предписывал «устранить из ныне действующих о печати постановлений излишние стеснения и поставить печатное слово в точно определенные законом пределы»³. Для подготовки проекта нового устава о печати было созвано особое совещание, в состав которого вошли известные юристы, литераторы, академи-

¹ Туманова А. С., Сафонов А. А. Права человека в политико-правовом дискурсе периода Первой русской революции // Государство и право. 2017. № 2. С. 61.

² См.: Ремнев А. В. Самодержавное правительство: Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX — начало XX века). М., 2010. С. 432–428.

³ Именной Высочайший указ Правительствующему Сенату 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» // Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг. СПб., 1909. С. 3–6.

ки, чиновники⁴. Председателем был назначен директор Императорской публичной библиотеки Д.Ф. Кобеко.

Вопрос об отмене предварительной цензуры был решен особым совещанием единогласно уже на первом заседании, 10 февраля 1905 г., несмотря на то, что представлявший позицию МВД князь Н.В. Шаховской настаивал на необходимости частично сохранить ее для ряда категорий печати⁵. А.В. Бельгард, назначенный в феврале 1905 г. начальником Главного управления по делам печати, вспоминал, как на первом же его докладе министру внутренних дел А.Г. Булыгину тот сообщил ему, что вырабатываемые комиссией Кобеко правила «едва ли будут вполне приемлемы для правительства». Так как «повидимому, все члены комиссии <...> приняли крайне левое направление, вследствие чего князю Шаховскому, по его словам, приходится вести с ними упорную борьбу»⁶.

Но гораздо больше споров внутри комиссии вызвал вопрос о порядке учреждения новых периодических изданий. В Российской империи действовал концессионный, то есть разрешительный порядок. Устав о цензуре и печати 1890 г. предполагал, что учреждение нового издания полностью зависит от министра внутренних дел (ст. 117), который по собственному усмотрению принимал решение о запрете на выход нового издания либо о его разрешении на условиях предварительной цензуры или без нее⁷.

Получить разрешение на выпуск периодического издания было довольно сложно. Так, например, в период с 1881 по 1905 г. в Петербурге и Москве было отказано в выпуске 776 новых изданий на русском языке и 62 на национальных, а с 1880 по 1897 г. в провинции не разрешено 542 издания на русском и 138 на национальных языках⁸. И.В. Гессен, один из редакторов газеты «Право», которая начала издаваться в 1898 г. в Санкт-Петербурге, писал в своих воспоминаниях: «Разрешения на газету без предварительной цензуры да-

вались тогда в виде редчайшего исключения, а издавать под предварительной цензурой не имело никакого смысла»⁹.

Одной из распространенных причин отказа являлась нехватка цензоров в провинции. Министр внутренних дел Д.А. Толстой писал еще в 1877 году по поводу нежелательности разрешения новых политических и литературных периодических изданий, что «увеличение их количества и расширение программы нежелательно, главным образом, по затруднительности цензурирования в местностях, где нет штатных цензоров»¹⁰. Учитывался также характер будущего издания, уровень образования предполагаемых читателей, особому контролю со стороны цензуры подвергались так называемые издания для народа¹¹. Также значение мог иметь образовательный уровень редакции. Например, в циркуляре Главного управления по делам печати от 12 сентября 1896 г. подчеркивалось, что, «устанавливая для каждого издания программу, министр внутренних дел руководствуется как действительной потребностью местности, в которой выходит издание, так и образовательным цензом издателей и редакторов»¹². При этом конкретные требования к личности издателя и редактора в уставе о цензуре отсутствовали. Разрешительный порядок должен был не только отсекал от издательской деятельности потенциальных правонарушителей, но и в целом обеспечивать контроль над сферой периодической печати. МВД стремилось непосредственно определять количество, качество и тематику изданий, выпуск которых целесообразен в той или иной местности.

В работе особого совещания вопрос о порядке учреждения новых изданий приобрел крайне острый характер особенно в контексте проектируемой отмены предварительной цензуры. Его обсуждению были посвящены заседания 15 и 17 февраля. Представитель МВД князь Н.В. Шаховской озвучил намерение МВД сохранить за собой право принимать решение о разрешении повременных изданий, заявив, что нельзя кому угодно давать право обращаться к неограниченной аудитории¹³.

⁴ См. подробнее: Лихоманов А.В. Особое совещание по составлению нового устава о печати 1905 г.: персональный состав // Цензура в России: история и современность : сборник научных трудов. Вып. 2. СПб., 2005. С. 35–69.

⁵ ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 650. Л. 9.

⁶ Бельгард А.В. Воспоминания. М., 2009. С. 209.

⁷ Устав о цензуре и печати (Свод зак., т. XIV, изд. 1890 г. и по прод. 1902 г.), с изменениями по 1 июля 1905 г. / сост.: И.Н. Лодыженский, И.В. Ратьков-Рожнов. СПб., 1905. С. 23.

⁸ Периодическая печать и цензура Российской империи в 1865–1905 гг. Система административных взысканий : справочное издание. СПб., 2011. С. 28–29.

⁹ Гессен И.В. В двух веках: жизненный отчет // Архив русской революции. Берлин, 1937. Т. 22. С. 147.

¹⁰ Периодическая печать и цензура Российской империи в 1865–1905 гг. С. 27.

¹¹ Патрушева Н.Г. Циркуляры цензурного ведомства Российской империи: сборник документов. СПб., 2016. С. 15.

¹² РГИА. Ф. 776. Оп. 34. Д. 16. Л. 240. Цит. по: Патрушева Н.Г. Указ. соч. С. 447.

¹³ ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 650. Л. 13.

Однако представители либерального направления в совещании настаивали на том, что «свобода печати» должна рассматриваться как право каждого. Такую позицию, например, обозначил юрист и журналист К.К. Арсеньев, заявив, что «право выражать в печати свои взгляды, пока они не противоречат требованию уголовного закона, должно принадлежать каждому гражданину». С критикой концессионного порядка выступил известный юрист, к тому моменту уже сенатор и член Государственного совета, А.Ф. Кони. Он настаивал на необходимости заменить усмотрение министра на четко обозначенные в законе требования к издателю, так как «министры проходят — законы остаются»¹⁴.

Позиция МВД нашла поддержку в консервативной части совещания. Против явочного порядка выступили, например, редактор-издатель газеты-журнала «Гражданин» князь В.П. Мещерский и редактор газеты «Киевлянин» Д.И. Пихно. Особенно интересны замечания Мещерского, который на заседании 15 февраля 1905 г. заявил, что именно явочный порядок поставит под угрозу существование свободы печати, так как приведет к неизбежным злоупотреблениям и вынудит администрацию принимать реакционные меры, «от которых пострадают не проходимцы, а порядочные органы печати». Ведь нельзя же предполагать, настаивал Мещерский, что правительство, от которого будет зависеть выдача разрешений для издания газеты, «будет деспотом и тираном». Он выражал уверенность, что «оно всякому порядочному человеку даст это разрешение, но зато оно будет гарантировать общество от наводнения печати такими элементами, которые кроме вреда обществу ничего не принесут»¹⁵.

Д.И. Пихно высказал мнение, что разрешительный порядок не ограничивает свободу слова, так как для того, кто не может издавать газету, не закрыта возможность писать в ней. Поэтому речь в данном случае идет не о свободе слова, а «о свободе заниматься издательским промыслом», подчеркивал Пихно, указывая, что в России на тот момент занятие и многими другими промыслами было возможно только с разрешения государства¹⁶.

«Конечно, издание повременного органа есть промысел, но вопрос о свободе этого промысла есть вместе вопрос о свободе печати, — настаивал К.К. Арсеньев. — Эта свобода немислима, если администрация имеет право не разрешать изданий и не утверждать

редакторов». Профессор Д.Ф. Дерюжинский, представлявший в совещании позицию Министерства юстиции, также высказался за отмену концессионной системы, так как она не может защитить от появления в печати аферистов и обманщиков, а значит, принадлежит именно к числу тех «излишних стеснений» печатного слова, устранением которых поручено заняться особому совещанию¹⁷.

Защите явочного порядка учреждения периодических изданий было посвящено одно из немногих выступлений историка В.О. Ключевского в ходе работы особого совещания. «Можно ли лишать лицо права издавать газету ввиду возможных, но еще не случившихся с его стороны злоупотреблений?» — задавался вопросом Ключевский. По его мнению, это означало бы наказывать за несодеянные преступления¹⁸.

Сенатор, профессор уголовного права В.К. Случевский также подчеркнул, что концессионная система предполагает в органах, дающих разрешение на издание, способность читать в сердцах. «На основании каких же данных может судить министр внутренних дел о том, не станет ли злоупотреблять печатным словом лицо, просящее о разрешении ему повременного издания?» — недоумевал Случевский¹⁹.

В ходе голосования большинство (15 из 23 членов совещания) высказалось за введение явочного порядка²⁰. Это решение было закреплено в протоколах особого совещания, которые затем должны были стать основой будущего проекта устава о печати.

Еще один вопрос, связанный с порядком учреждения периодических изданий, обсуждался особым совещанием 22 февраля 1905 г. По действующему законодательству предполагалось, что издатель газеты, выходящей без предварительной цензуры, должен внести залог, из средств которого будут уплачиваться назначенные судом штрафы за возможные правонарушения²¹. На практике залогов эту функцию не выполняли, так как Главное управление по делам печати предпочитало прибегать к административным взысканиям и до суда дела печати обычно не доходили²². Признавая это, князь Шаховской тем не

¹⁷ ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 650. Л. 17, 19.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 650. Л. 21.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 650. Л. 23.

²⁰ ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 650. Л. 29.

²¹ Устав о цензуре и печати (Свод зак., т. XIV, изд. 1890 г. и по прод. 1902 г.), с изменениями по 1 июля 1905 г. С. 25.

²² Арсеньев К.К. Русская печать на рубеже третьего столетия своего существования // Право. 1903. № 1. Стб. 1–11.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 650. Л. 10, 14.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 650. Л. 16, 24об.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 650. Л. 15.

менее выступил за сохранение залогов в качестве гарантии для власти и общества, что «предприниматели имеют средства поставить издания на солидных основаниях»²³.

А.Ф. Кони попытался убедить собравшихся на заседании, что такая аргументация является неприемлемой с точки законодательной этики, требования которой предполагают, что закон должен иметь прямую, а не сокровенную цель. То есть залог, если его прямой целью является обеспечение уплаты возможных штрафов, не может вводиться для того, чтобы служить имущественным цензом для недостаточно благонадежных издателей²⁴. Но в итоге большинство присутствовавших на заседании членов совещания все-таки проголосовали за сохранение залогов.

Отдельно, уже осенью 1905 г., особое совещание рассматривало вопрос о порядке учреждения иноязычных изданий. По мнению Министерства внутренних дел, следовало сохранить для них концессионный порядок, для того чтобы обеспечить постоянность их разрешения в отдельных местностях в зависимости от установления там надзора за печатью. «Ввиду разноплеменности народов, входящих в состав Российской империи и притом стоящих на разных ступенях развития, проектируемая мера является не только вопросом цензуры и печати, но и вопросом высшей государственной политики», — подчеркивал на заседании 27 сентября князь Шаховской²⁵.

Однако совещание присоединилось к высказанному К.К. Арсеньевым мнению о том, что неправильно «ставить издание иноязычных органов в зависимость от того, когда МВД заблагорассудится назначить в данной местности цензора»²⁶. Приняв во внимание указание МВД на недостаток кадров в сфере контроля за иноязычной печатью, особое совещание тем не менее согласилось удлинить срок рассмотрения заявлений об учреждении таких изданий до трех месяцев.

В начале октября заседания были прерваны обострением революционного кризиса и возобновились только 14 ноября, фактически уже в новых политических условиях. Провозглашение свободы слова Манифестом 17 октября потребовало от правительства оперативных действий. Ждать, пока особое совещание в плановом порядке завершит свою работу, было невозможно. 19 октября 1905 г., сразу после известной встречи с деятелями петербургской печати, на ко-

торой С.Ю. Витте просил у печати помощи в успокоении общественного мнения до того момента, когда «явится истинное народное представительство»²⁷, он пригласил к себе Д.Ф. Кобеко и предложил ему «в возможно скором времени составить проект правил о повременных изданиях»²⁸.

24 ноября Именной высочайший указ Правительствующему Сенату «О временных правилах о повременных изданиях» был издан. Он отменял предварительную цензуру и устанавливал явочный порядок для повременных изданий, выходящих в городах. Учредить новое периодическое издание мог каждый, подав по установленной форме уведомление в местные органы власти. Для русскоязычных изданий срок рассмотрения такого заявления устанавливался в размере 2 недель, для иноязычной печати — два месяца. Внесение залога Временные правила не предусматривали²⁹.

Не устанавливались требования к личности издателя, однако были введены ограничения для ответственного редактора, информация о котором должна была содержаться в заявлении. Ответственным редактором мог быть только русский подданный, достигший возраста 25 лет, обладающий общей гражданской правоспособностью и не лишенный избирательных прав по ст. 7 Положения о выборах в Государственную думу. То есть не могли быть ответственными редакторами лица, осужденные за определенные категории преступлений, несостоятельные и лишенные духовного сана за пороки либо исключенные из среды обществ и дворянских собраний «по приговорам тех сословий, к которым они принадлежат»³⁰.

14 ноября особое совещание, несмотря на утверждения некоторых его членов о том, что после издания Временных правил их работа потеряла смысл³¹, возобновило свои заседания. Проходившие до 18 декабря встречи были посвящены тому, чтобы, как выразился К.К. Арсеньев, согласовать подготовленный законопроект «и с новыми правилами, и с те-

²³ ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 650. Л. 33.

²⁴ ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 650. Л. 34.

²⁵ ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 653. Л. 135.

²⁶ ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 653. Л. 141.

²⁷ Лихоманов А.В. Правительство С.Ю. Витте и обеспечение свободы прессы в 1905 году // Исторические записки. Вып. 11. М., 2008. С. 205.

²⁸ ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 653. Л. 169.

²⁹ Именной Высочайший указ Правительствующему Сенату 24 ноября 1904 г. «О временных правилах о повременных изданиях» // Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг. С. 180–189.

³⁰ Высочайше утвержденное 6 августа 1905 г. Положение о выборах в Государственную Думу // Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг. С. 116.

³¹ ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 653. Л. 170.

ми новыми обстоятельствами, которые вызвали издание этих правил»³².

Рассматривая расхождение между своими решениями и принципом свободы слова, провозглашенным Манифестом 17 октября, совещание отказалось от системы залогов, а также пришло к выводу, что сохранение предварительной цензуры и разрешительного порядка для изданий вне городов несовместимо со свободой печати. Объяснить это ограничение можно было исключительно затруднительностью немедленной организации надзора за свободной печатью во внегородских поселениях³³. Следовательно, эта мера должна была рассматриваться как временная и не могла быть включена в основной закон о печати.

³² ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 653. Л. 170.

³³ ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 656. Л. 23об.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что вопрос о порядке учреждения периодических изданий носил гораздо более спорный характер, чем вопрос об отмене предварительной цензуры. Однако еще до Манифеста 17 октября в бюрократической среде велась работа по подготовке перехода к явочной системе. Законченный в декабре 1905 г. итоговый текст проекта нового устава о печати в условиях обновленного строя остался невостребованным. Так и не получив юридической силы, проект вместе с обширными материалами работы особого совещания сохранил, тем не менее, свое значение как документ эпохи, отражающий воззрения юридической общественности, представителей бюрократии и деятелей печати на вопрос о правах личности в Российской империи начала XX в.

Литература

1. Арсеньев К.К. Русская печать на рубеже третьего столетия своего существования / К.К. Арсеньев // Право. 1903. № 1. Стб. 1–11.
2. Бельгард А.В. Воспоминания / А.В. Бельгард. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 688 с.
3. Гессен И.В. В двух веках: жизненный отчет / И.В. Гессен // Архив русской революции. 1937. Т. 22. 424 с.
4. Лихоманов А.В. Особое совещание по составлению нового устава о печати 1905 г.: персональный состав / А.В. Лихоманов // Цензура в России: история и современность: сборник научных трудов. Вып. 2. СПб., 2005. 285 с.
5. Лихоманов А.В. Правительство С.Ю. Витте и обеспечение свободы прессы в 1905 году / А.В. Лихоманов // Исторические записки. Вып. 11. М.: Наука, 2008. 482 с.
6. Патрушева Н.Г. Циркуляры цензурного ведомства Российской империи: сб. документов / Н.Г. Патрушева. СПб.: РНБ, 2016. 722 с.
7. Ремнев А.В. Самодержавное правительство: Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX — начало XX века) / А.В. Ремнев. М.: РОССПЭН, 2010. 511 с.
8. Туманова А.С. Права человека в политико-правовом дискурсе периода Первой русской революции / А.С. Туманова, А.А. Сафонов // Государство и право. 2017. № 2. С. 60–68.
9. Устав о цензуре и печати (Свод зак., т. XIV, изд. 1890 г. и по прод. 1902 г.), с изменениями по 1 июля 1905 г. / сост.: И.Н. Лодыженский, И.В. Ратьков-Рожнов. СПб.: Гос. тип., 1905. 68 с.

References

1. Arsenyev K.K. Russkaya pechat na rubezhe tretyego stoletiya svoego suschestvovaniya [Russian Press on the Verge of the Third Century of Its Existence] / K.K. Arsenyev // Pravo — Law. 1903. № 1. Column 1–11.
2. Belgard A.V. Vospominaniya [Memoirs] / A.V. Belgard. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie — Moscow: New Literary Overview, 2009. 688 s.
3. Gessen I.V. V dvukh vekakh: zhiznenny'y otchet [In Two Centuries: Life Report] / I.V. Gessen // Arkhiv russkoy revolyutsii — Archive of the Russian Revolution. 1937. Vol. 22. 424 s.
4. Likhomanov A.V. Osoboe soveshanie po sostavleniyu novogo ustava o pechati 1905 g.: personalny'y sostav [Special Meeting for Drafting a New Press Law of 1905: Personnel] / A.V. Likhomanov // Tsenzura v Rossii: istoriya i sovremennost': sbornik nauchny'kh trudov. Vy'p. 2. Sankt-Peterburg — Censorship in Russia: History and the Modern Times: collection of research works. Issue 2. Saint Petersburg, 2005. 285 s.
5. Likhomanov A.V. Pravitelstvo S.Yu. Vitte i obespechenie svobody' pressy' v 1905 godu [S.Yu. Witte's Administration and Securing Freedom of Press in 1905] / A.V. Likhomanov // Istoricheskie zapiski. Vy'p. 11. Moskva: Nauka — Historical Notes. Issue 11. Moscow: Science, 2008. 482 s.
6. Patrusheva N.G. Tsirkulyary' tsenzurnogo vedomstva Rossiyskoy imperii: sb. dokumentov [Circulars of the Censorship Office of the Russian Empire: collection of documents] / N.G. Patrusheva. Sankt-Peterburg: RNB — Saint Petersburg: Russian National Library, 2016. 722 s.
7. Remnev A.V. Samoderzhavnoe pravitelstvo: Komitet ministrov v sisteme vy'sshego upravleniya Rossiyskoy imperii (vtoraya polovina XIX — nachalo XX veka) [Autocratic Government: the Committee of Ministers in the System of the Highest Administration of the Russian Empire (the Second Half of the XIX to the Early XX Century)] / A.V. Remnev. Moskva: ROSSPEN — Moscow: Russian Political Encyclopedia, 2010. 511 s.
8. Tumanova A.S. Prava cheloveka v politiko-pravovom diskurse perioda Pervoy russkoy revolyutsii [Human Rights in the Political and Legal Discourse of the Period of the First Russian Revolution] / A.S. Tumanova, A.A. Safonov // Gosudarstvo i pravo — State and Law. 2017. № 2. S. 60–68.
9. Ustav o tsenzure i pechati (Svod zak., t. XIV, izd. 1890 g. i po prod. 1902 g.), s izmeneniyami po 1 iyulya 1905 g. / sost.: I.N. Lodyzhenskiy, I.V. Ratkov-Rozhnov [The Law on Censorship and Press (Code of Laws, vol. XIV, published in 1890, renewed in 1902) as amended on July 1, 1905 / compiled by: I.N. Lodyzhenskiy, I.V. Ratkov-Rozhnov]. Sankt-Peterburg: Gos. tip. — Saint Petersburg: State Printing Office, 1905. 68 s.